ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ВСЕУКРАИНСКОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И К.П.(б.)У.

№ 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1923

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

урнал Комиссии по изучению Истории ктябрьской Революции и Коммунистической Партии (большевиков) Украины

№ 3

УДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1923

Зак. № 1966—Тираж 5000 экз.

ХАРЬКОВ
2-ая Государственная типография. Гончаровский бульвар, № 6—2.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ — Стр.

ОТДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

Ответственный редактор М. Равич-Черкасский.

ОТДЕЛ I

СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания о подпольной работе в Харькове в 1907—1909 годах

I

Я остановился в Харькове, проездом из Курской губ. во Владикавказ, в конце сентября 1907 года. Свое пребывание в городе, затянувшееся до трех недель, в силу некоторых обстоятельств личного свойства, я поспешил использовать, чтобы войти в связь с местной с-д-ой организацией. Связь мне нужна была не для работы, ибо я оставаться в Харькове не предполагал, а для информации о партийных делах и для получения литературы, главным образом касающейся работы в войсках—моей тогдашней специальности.

Благодаря имевшимся у меня на руках удостоверениям от военной организации при Владикавказском комитете Терско-Дагестанского союза, и личным знакомствам среди студентов Харьковского Университета с-д-ов мне очень скоро удалось добраться до самого центра организации, до явочной квартиры, где принимал секретарь. «Явка» помещалась в Университете, в так называемой советской комнате (точнее—комната совета факультетских представителей). Это было время, когда нелегальные партии широко использовали помещения высших учебных заведений для своих собраний и явок. Доступ в Университет для посторонних лиц был еще совершенно беспрепятственный. Студенчество располагало некоторой свободой организаций собраний землячеств, сходок и даже сохранило подобие политического органа, в виде совета факультетских представителей, которому как раз и принадлежала упомянутая выше комната, где помещалась партийная явка. Как сейчас вспоминаю эту комнату, битком набитую рабочими, студентами, курсистками. Там происходили свидания по партийным делам, передавали друг другу адреса, литературу, туда являлись приезжие и проезжие. Особой конспирации не наблюдалось, поскольку полиция в Университет еще не имела привычки заглядывать.

Здесь я познакомился с секретарем организации тов. Георгием (Л. И. Трофимовым, впоследствии сосланным на поселение) и Шефтелем (Митей), ведшим работу в военной организации. На мой вопрос относительно положения в организации, т. Георгий ответил двумя словами: «Стоны, слезы». Тот развал, который партия стала переживать во второй половине 1907 г., уже чувствовался в Харькове во всей остроте. Наиболее характерными его признаками были апатия в широких рабочих массах и поголовное бегство из партии интеллигенции. При таких условиях

было чрезвычайно тяжело выносить постоянные провалы. Не было смены выхватываемым жандармами наиболее активным работникам. Однако, осенью 1907 года, ясны стали размеры надвинувшегося кризиса. Многим казалось, что происходит временная заминка, что мы находимся накануне нового революционного под‘ема. Некоторое оживление внесли выборы в 3-ю Думу. По рабочей курии, они кончились в Харьковской губ. полным успехом с-д-ов. В Думу прошел рабочий паровозного завода Шурканов (впоследствии ставший провокатором). По второй городской курии, по которой выбирала наиболее демократическая в пределах третьеиюньского закона, часть городских избирателей, с-д-ы провалились—прошли кадеты. От с-д-ов по этой курии были выставлены тогда д-р Ган (принадлежавший в 1917 г. к группе «Единство» и умерший в 1918 г.) и только что окончивший университет присяжный поверенный А. А. Поддубный (в 1917 г. военный комиссар Харьковской губернии, меньшевик, оборонец, впоследствии деятель союза «Возрождение»).

Верхушка Харьковской организации осенью 1907 г. находилась в руках меньшевиков. Когда стало известным, что ЦК партии, избранный на Лондонском с‘езде выразил порицание Плеханову за призыв к блоку с кадетами, вопреки резолюциям партийного с‘езда, группа руководителей Харьковской организации, поместила на странице местной полукадетской газеты «Утро» сочувственное письмо Плеханову. Что касается до районов, то в некоторых из них (в частности в железнодорожном) преобладало влияние большевиков. С большим трудом добывши некоторое количество партийной литературы и заручившись адресами для переписки, я выехал в середине октября 1907 года из Харькова во Владикавказ. В начале 1908 года на Харьковскую организацию обрушился жестокий удар. Провалилась, между прочим, и пресловутая «советская» комната. В связи с найденными там материалами был арестован Георгий, Шефтель и другие. С ними вместе сел эсер Голенищев-Кутузов (ныне коммунист, член правления Центросоюза). Они были присуждены впоследствии судебной палатой к ссылке на поселение. Этот провал не только ударил в центр, но сильно задел и районы. Впоследствии выяснилось, что виновником его являлся провокатор Борис Алексеев, публикованный в следующем году на страницах Центрального Органа нашей партии «Социалдемократ».

II

Вторичный мой приезд в Харьков относится к осени 1908 года. Теперь он был уже связан с поступлением в местный Университет, после окончания гимназии. Я попал в город в самый разгар студенческих волнений, вызванных известным циркуляром министра Народного Просвещения—Шварца. Этот министр, сменивший на своем посту «либерала» Кауфмана, задался твердой целью ликвидировать без остатка наследия 1905 года в Университете. Рядом циркуляров, предшествовавших новому учебному году, Шварц закрыл доступ в Университет женщинам (до сих пор они принимались в качестве вольнослушательниц), семинаристам и реалистам. Это было простое возвращение к старым правилам приема в Университет,

существовавшим до 1905 года. Дабы положить конец наплыву в Университет посторонних элементов, и использованию университетских помещений для революционных собраний, Шварц приказал ввести систему входных билетов с фотографическими карточками, по которым теперь каждый студент должен был пропускаться в Университет. В довершение всего ликвидировался институт факультетских старост, игравший роль политического органа, представлявшего студенчество (туда выбирали по партийным спискам) и были категорически воспрещены всякие сходки.

С‘ехавшееся к началу занятий студенчество находилось в состоянии сильнейшего возбуждения. По всем семестрам и факультетам, несмотря на запрещения, происходили сходки. Припоминаю сходку третьего семестра юридического факультета, на которую я попал прямо с вокзала. Представитель большевиков т. Константин, только что прибывший из Петербурга, бичевал политику «черного Шварца» и призывал к немедленной забастовке. Ему отвечал меньшевик Либман из Екатеринослава: «Чтобы наша демонстрация была демонстрацией силы, а не бессилия, нужно предварительно снестись с другими университетами»—заявлял Либман. Против забастовки принципиально, он также не возражал. Вечером того же дня в аудитории № 1 (самой большой аудитории юридического корпуса) состоялось собрание студенческой с-д-ой организации. На нем присутствовало до 200 человек. Меня крайне поразило многолюдство собрания и его совершенно открытый характер. От такой роскоши мы «провинциальные» подпольные работники успели давно отвыкнуть. Университетская «свобода», действительно, представляла некоторую ценность. Бастовать за нее имело некоторый смысл. Но больше всего меня поразила процедура приема новых членов. Их вызывали по фамилиям, заставляли вставать и показываться собранию, при этом назывались фамилии рекомендующих. Лично я, правда, такой процедуре подвергнут не был, ибо имел при себе партийное удостоверение, делавшее излишней всякую рекомендацию.

Как только закончились формальности приема, начались жестокие споры. Бюро фракции подвергалось нападкам со стороны большевиков (во главе с Константином) и левой части меньшевиков, к числу последних принадлежал медик Тарасенков и молодой Екатеринославский студент, очень талантливый и яркий оратор Гурович. Они требовали ускорения забастовки и вынесения на сходке резолюции, в которой политический момент превалировал бы над академическим. После энергичной и настойчивой защиты линии бюро председательствовавшего на собрании В. А. Родзевича было решено, приняв принципиально забастовку, не об‘являть ее до согласования с другими Университетами. Общестуденческая сходка состоялась на другой день. Огромный актовый зал был переполнен двухтысячной толпой. Академическому начальству удалось выхлопотать разрешение сходки, при условии недопущения посторонних элементов. Для преграждения им доступа на сходку у дверей дежурила полиция, проверяя билеты, но внутрь она не входила. Характерно, что когда вопрос о забастовке был поставлен на голосование, ни одна рука не поднялась против. Это вызвало целую бурю энтузиазма. Такое единодушное настроение только

отчасти можно об'яснить влиянием речей, произнесенных на сходке (среди них выделялась яркая образная речь Гуровича). Здесь сказалось и то, что в отличие от Питера, Москвы и особенно Киева и Одессы, в Харьковском Университете не было и маленького активного черносотенного ядра. Вся студенческая масса отличалась резко оппозиционным настроением. Правда, до активной революционной деятельности отсюда было очень и очень далеко. По вопросу о времени об'явления забастовки на сходке наметилось два мнения. Большевики и эсеры требовали немедленного ее начала. Меньшевики и кадеты (кадетской фракцией Университета руководил некий Иванов, будущий присяжный поверенный и ярый Деникинец) стояли за отсрочку забастовки, пока не удастся снестись с другими Университетами. Кадетско-меньшевистская точка зрения восторжествовала. Но уже на другой день стало известно, что Петербург и Москва забастовали. Теперь забастовку нельзя было уже откладывать и в Харькове.

В рабочих массах Всероссийская студенческая забастовка не вызвала никакого отклика. Надежды на то, что она станет началом новой революционной волны, не оправдались. Тем не менее правительство, отчасти под давлением либеральной профессуры, решило пойти на некоторые уступки. Институт факультетских представителей был восстановлен. Вольнослушательницам ранее принятым, разрешили остаться, при условии прекращения нового приема. Кроме того, в столицах активное черносотенное меньшинство усиленно срывало стачку. Хотя в Харькове такая попытка, предпринятая кучкой союзников, окончилась жалким крахом, тем не менее намечавшийся срыв забастовки в столичных Университетах оказывал влияние на колеблющуюся часть студенчества. Эту же колеблющуюся часть усиленно обрабатывала профессура, советуя во что бы то ни стало прекратить забастовку и обещая дипломатическим путем добиться всех нужных уступок. Конечно, начавшиеся колебания прежде всего отразились на настроении кадетов и меньшевиков. По их настроению, после бурных прений, сначала во фракции, потом на общестуденческой сходке, забастовка была прекращена через две недели после своего об'явления.

III

Лично я на студенческую сходку смотрел как на незначительный эпизод революционного движения. Аккуратно посещая все заседания фракции и сходки, я, однако, ни в малейшей степени не предполагал замкнуть рамки своей работы стенами Университета. С первого же дня приезда в Харьков я принялся за поиски партийной организации. Теперь найти ее было гораздо труднее, чем в прошлом году. Под давлением усилившейся реакции, организация глубже забралась в подполье. Но я был неутомим в своих поисках. Через несколько дней по приезде меня представили В. Д. Ткаченко (Петру), служившему в университетской канцелярии и принимавшему деятельное участие в организационной партийной работе. В пред'явленном мною т. Петру удостоверении находилась чрезвычайно лестная оценка моей предыдущей работы на посту секретаря Владикавказского комитета. Меня отправили на явку к секретарю организации т. Ф. Барышникову. Там я получил

назначение на пост ответственного организатора городского района и явку к одному из работников этого района, члену правления союза конторщиков и бухгалтеров И. Ф. Шульцу. Шульц ввел меня в курс работы и предложил немедленно приступить к ней.

Весенний провал, связанный с вышеизложенной ликвидацией советской комнаты, на несколько месяцев совершенно подорвал работу Харьковской организации. И лишь в конце лета образовалась из оставшихся на воле товарищей инициативная группа, которая стала возобновлять и укреплять связи с районами. Было решено в каждом районе собрать активных членов партии рабочих и произвести выборы от них на межрайонную конференцию по одному представителю от 5-ти членов партии. Из четырех районов, на которые раньше делился город (они назывались: железнодорожный—теперешний Ивановский, паровозный и городской, затем существовал еще заводской район, к которому относились заводы Гельферих-Саде, Мельгозе, Мельница Тренне, и ряд более мелких предприятий), собрания удалось провести в 3-х. В паровозном заводе едва нашлось пять человек, от которых на конференцию был избран т. Александр (Кривошеин—теперешний член коллегии Наркомпрода); в железнодорожном районе сохранилась маленькая кучка стойких и выдержанных рабочих—большевиков, во главе ее стояли Алексей Скороход (умер от тифа в 1919 г.) и Матвей Муранов, будущий член 4-й Думы, в эту же группу входил Н. М. Кабаненко; представлял железнодорожный район на межрайонной конференции—секретарь организации Федор Барышников; вышеупомянутый В. Д. Ткаченко был ответственным районным организатором. Наконец, городской район, где было до 20 членов партии представлялся Н. Ф. Шульцем, молодым печатником В. И. Андроновым и сапожником Павловым. Преобладающая масса членов городского района состояла из женщин и работниц: тут были печатницы, табачницы, портнихи, шляпошницы; по фамилиям я помню Маню Нечитайлову—печатницу, Веру Кацнельсон—портниху, Маню—табачницу, Женю; по фракционному составу партия в городском районе была довольно пестрой; среди печатников преобладали меньшевики, портные тяготели к большевикам, из последних я помню Абрама Бенционова и Абрама Ривкина. В заводском районе у нас не было ничего. Как видит читатель, ядро Харьковской организации осенью 1908 года насчитывало немного больше 30-ти рабочих, об'единенных в три районные ячейки. Во главе этих ячеек находилась межрайонная конференция, более или менее аккуратно собиравшаяся раз в неделю. Три раза в неделю на явочной квартире происходил прием секретарем по делам организации.

Из каких элементов складывалась текущая работа организации. Прежде всего должен упомянуть о самом главном ее органе, служившем связью между кучкой подпольных работников и широкими рабочими массами... Я имею в виду «технику»—ручную типографию. Когда я начал работать в качестве ответственного организатора городского района и члена межрайонной конференции (заменявшей комитет), почти все необходимые принадлежности техники уже имелись в нашем распоряжении. Нехватало только

немного шрифта. Это недостающее количество усиленно восполнялось при посредстве позаимствований из частных типографий. Этот вид нарушения частной собственности вполне допускался тогдашней партийной этикой, ибо иного средства доставать шрифт не существовало.

Приблизительно в полтора месяца наша техника находилась уже в полном ходу. Мы выпустили ряд листков о возобновлении работы организации, о законе 9 ноября (бывшем в то время политической злобой дня), в этом последнем листке крестьянство призывалось не поддаваться на провокацию правительственного закона и продолжать бороться за помещичью землю. Затем мы перепечатали и распространили великолепный листок Петербургского ЦБ Профессиональных Союзов по поводу правительственных законопроектов о социальном страховании, внесенных в государственную Думу.

Для конспирации техника была поставлена не в Харькове, а в Белгороде. О том, что она помещается в Белгороде знало только три человека: Ткаченко, Барышников и я. Организатором техники был студент Панкратов (кличка «отец»). Он постоянно поддерживал связь с нами, приезжая из Белгорода в Харьков. Выпуском листков организация напоминала о своем существовании рабочим, ибо каждый листок печатался в трех—пяти тысячах экземпляров и распространялся по заводам и предприятиям.

Но содержание техники требовало солидных средств и в эту сторону была направлена значительная часть внимания нашей организации. Для этой цели была организована специальная финансовая комиссия, куда вошло несколько студентов и курсисток. Через разные студенческие землячества и кассы взаимопомощи удавалось довольно часто устраивать вечера, доход с которых целиком или в виде отчислений поступал к нам. Кроме того, в распоряжение финансовой комиссии шла некоторая часть получавшейся из-за границы нелегальной литературы, которая за дорогую цену (10—15 р. за нумер) продавалась сочувствовавшим или бывшим с-д-ам из зажиточной интеллигенции. Характерно отметить, что в таких случаях обычно шел меньшевистский «Голос С-д-а». На большевистский «Пролетарий» или на «Ц. О. партии С-Д», также находившийся в руках большевиков, среди упомянутой категории спроса не было. Сочувствовавшая интеллигенция платила нам деньги не только за литературу, но иногда совершенно безвозмездно. Помню каждый месяц я заходил в медицинское общество к служившему там доктору Кодыбе и получал от него 25 р., собранных среди докторов с-д-ов. Кроме того мы брали в свою пользу предельный процент средств, собиравшихся политическим Красным Крестом, специально для оказания помощи бегущим членам партии, обращавшимся за материальной помощью к своей организации. Число таких достигало крупной цифры. Нередки были случаи симуляции и шантажа, с которыми приходилось бороться. Помню, уже когда я стал секретарем организации, ко мне на явку систематически приходил один суб'ект, настойчиво домогавшийся денежной помощи, ссылаясь на свою болезнь, заслуги перед революцией и т. д. Получивши 5—10 р. (большими суммами мы не располагали) он через две-три недели являлся снова. Когда наше терпение лопнуло

и мы отказались делать дальнейшие выдачи, этот господин имел наглость заявить, что мы толкаем его в об'ятия охранки. Пришлось переменить явку, чтобы освободиться от назойливых домогательств.

Наша финансовая комиссия работала довольно энергично, но больше 300-500 рублей в месяц нам не удавалось собирать. Нечего и говорить, что членские взносы составляли самую мизерную—ничтожную часть этой суммы. Добываемые средства шли на технику, на содержание профессионалам, помощь нуждающимся товарищам, расходы на передвижение по городу—и вне города, почту и т. д. Выпуск листков был единственным средством агитации в наших руках. Устраивать митинги на заводах во второй половине 1908-го года не представлялось никакой возможности. А для массовок приходилось ждать наступления весны.

Поэтому тем большее внимание приходилось обращать на постановку кружковой пропаганды. Для руководства пропагандой мы создали специальную коллегию. Сюда удалось притянуть целый ряд товарищей, частью из студенчества, частью из около партийной интеллигенции. Между ними находились довольно крупные силы: Петр, Влас, Георгий—все трое большевики; Петр служил в земстве, Влас—(специалист по аграрному вопросу) выполнял какую-то техническую работу в «Южном Крае», Георгий учился в Университете. В пропагандистской коллегии находилось довольно много интеллигентов-большевиков. Кроме названных мною помню еще двух приехавших из Москвы курсисток Веру и Шуру и затем еще одного Петра, носившего кличку «странный», благодаря своим странным манерам. Петр странный был страстным поклонником философии, эмпириомонизма и религии Луначарского. И та и другая оказывали тогда весьма растлевающее влияние на марксистскую интеллигенцию, отвлекая ее от практической работы. Из меньшевиков, работающих в пропагандистской коллегии, помню двух: ветеринара Максима и технолога Василия (И. И. Светлов - впоследствии председатель первого Харьковского Совета рабочих депутатов при Керенском). Пропагандистская коллегия, собиралась довольно часто в Университете. Заседания ее посещало до 20-ти человек, иногда даже больше. На них иногда ставились доклады по определенным вопросам текущего момента.

Устройство собраний в Университете наталкивалось на большие затруднения и для обхода их приходилось прибегать к различным ухищрениям. Разрешалось собираться и получать для этого аудиторию только зарегистрированным землячествам, кассам взаимопомощи и кружкам. Но для того, чтобы тот или иной кружок был зарегистрирован учебным начальством, он должен был себе выработать устав, а для выработки устава требовалось организованное собрание. Для получения аудитории на организационное собрание достаточно было заявки.

На первое собрание нашей пропагандистской коллегии я взял аудиторию под видом организационного собрания кружка по изучению новейшей литературы. К величайшему нашему ужасу и удивлению об этом появилось об'явление в газетах. В специальной рубрике извещений о студенческих собраниях было черным по белому написано: «такого-то числа, в такой-то

аудитории собрание кружка по изучению новейшей литературы». Кто мог дать такое об'явление? Что это? Глупая шутка или провокация? Организационные собрания кружков бывают открытые. Можно себе представить какое громадное количество любителей новейшей литературы (самая модная тема к тому времени) придет к нам. Мы были в полной растерянности.

По наведенным справкам оказалось, что об'явления в газету не давал никто. Но каждый день к заведующему зданием приходили репортеры «Южного Края» и «Утра» и забирали все сведения о студенческих собраниях. За доставку таких сведений газете среди студенчества репортеры получали специальную плату.

Делать было нечего, пришлось отложить собрание. Опасения наши оказались вполне основательными. В назначенный час у занятой нами аудитории собралось значительное количество желающих проникнуть на организационное собрание кружка по изучению новейшей литературы. Они были в полном недоумении, почему собрание не состоялось и расходились с большой неохотой. Мы сделались умнее после первой неудачи. Мы взяли теперь разрешение на организационное собрание кружка по изучению романтизма Тина и Новалиса, за Тином и Новалисом последовали египетские древности, средневековая философия и французский театр 17-го столетия. Теперь нас никто не тревожил, несмотря на аккуратно помещавшиеся об'явления в газетах.

К концу года нам удалось создать несколько рабочих и ученических кружков. Я занимался с одним из них некоторое время, пока не уступил его другому товарищу, переобремененный другой работой. Мой кружок состоял, главным образом, из работниц—преимущественно портних и шляпошниц городского района. Я читал им политическую экономию по Богданову и временами делал доклады на текущие темы. У меня не было большого удовлетворения от этих занятий. Я никак не мог заставить своих слушателей втянуться в живую беседу, в особенности, когда дело касалось политической экономии. Не тая греха, следует признаться, что пропаганду среди учащихся средних учебных заведений мы вели более успешно, чем среди рабочих. Кружки собирались более регулярно. Общее количество учащихся, захваченных нашей пропагандой, достигало до 40 человек. Они составляли особую организацию, т. н. лигу. В ее комитет входил наш представитель. Одно время мне пришлось выполнять и эту обязанность. Лига учащихся оказывала нам довольно ценные услуги. Она имела в своей среде великолепных техников, гектограф и мимеограф, к которым мы часто обращались для печатания листков и отчетов. У лиги имелся также и свой гектографированный журнал, весьма недурной по внешности. Часто члены лиги доставляли нам квартиры для собраний, адреса для получения заграничной литературы и даже деньги. К работе среди учащихся средне-учебных заведений я относился с гораздо большим интересом, чем к студенческой фракции, всецело занятой после забастовки академическими делами. С одной стороны, здесь партия получала реальную помощь, а не платоническое сочувствие, с другой стороны, мне было приятно вращаться в среде, из

которой я сам только недавно вышел. (Из участников лиги помню В. Галкина, Дудавского, Нину Зеленную. Зеленная продолжала оказывать партии услуги и после окончания гимназии. В 1910 г. в Москве она была арестована и получила за хранение документов ЦК РСДРП 3 года крепости).

IV

Значительное внимание уделялось нами работе в профсоюзах. От громадного количества союзов времени дней свободы, правда, теперь остались жалкие остатки. Мы имели союзы приказчиков, конторщиков и бухгалтеров, печатников, портных, конфетчиков и табачников. Союз металлистов после закрытия, особое присутствие не хотело регистрировать ни под каким соусом.

Союз приказчиков представлял довольно сильную и богатую организацию. Им руководили с-д-ы и даже большевики, как Винокур и др. Но они держались в стороне от нашей организации, как мы предполагали из опасения провалить свой союз. Из членов правления союза с нами был тесно связан только Н. П. Еремов—тоже большевик.

Секретарем союза печатников являлся старый меньшевик, уже в то время обнаруживавший ликвидаторский уклон и скептическое отношение к подпольной работе. Это был Владимир (Николай Павлович Скрипник, впоследствии член компартии, убитый в 1921 году бандитами). В качестве члена правления союза работал член нашей межрайонной конференции В. И. Акулов.

В правление союза конторщиков входил Н. Ф. Шульц. Это правление было целиком в наших руках. Печатники и конторщики проводили большую работу, главным образом, в области борьбы с безработицей. В помещениях их союзов можно было по вечерам всегда наблюдать очень большое оживление.

Что касается до союза портных, конфетчиков и табачников, то они вели призрачное существование. Союз табачников в частности имел бюджет что-то около 5-ти рублей в месяц. Потом он сам закрылся. Выбрав во всех союзах идейно связанную с партией публику, мы образовали из нее, так называемую группу с-д-ов, активно работающую в профсоюзах. Группа прежде всего поставила задачей восстановление межсоюзного органа (в то время такие межсоюзные органы назывались Центральным бюро профсоюзов и могли существовать только нелегально), который мог бы оказывать помощь некоторым слабым союзам, наладить некоторые общие союзные отрасли работы, как медицинская или юридическая помощь, а самое главное стать источником постоянного и систематического влияния с-д-ой партии на жизнь всех союзов. Восстановленное ЦБ немедленно взялось за издание общепрофессионального легального органа. Помню, как много крови стоили нам поиски оффициального редактора этого органа. Помимо всего прочего он должен был обладать возрастным цензом, иметь не менее 25-ти лет. Огромное большинство из нас, этого возраста не достигло. В конце-концов мы нашли выход из этого положения. Мы записали редактором секретаря

организации Ф. Барышникова, который жил на чужой квартире по чужому паспорту. Впоследствии, при закрытии журнала после выпущенных четырех номеров, полиция так и не могла его найти и осталась ни при чем.

Группа активно работающих в профессиональных союзах собиралась довольно регулярно. Во главе ее находился В. Д. Ткаченко, имевший большой опыт и познания в этой области. Помню одно несостоявшееся собрание этой группы, когда мы чуть было не провалились при самых курьезных условиях. Мы принципиально избегали устраивать партийные собрания, хотя бы касающиеся работы профсоюзов в помещениях этих союзов (дабы не подвергнуть их провалам) и всегда избирали для этой цели частные квартиры.

Один раз нам была дана квартира каким-то членом правления союза конторщиков (фамилию его я теперь забыл). Когда же мы (если не ошибаюсь, я с Н. Ф. Шульцем) пришли туда, квартира оказалась запертой. Шульц, не долго думая, достал из кармана ключ и этот ключ случайно оказался подходящим. Мы вошли в квартиру. Тем товарищам, которые приходили позже, мы отпирали сами, и скоро в квартире набралось человек 10. Но больше никто не приходил. Ждать было скучно. Мы взяли со стола самовар, поставили его, достали из шкапа хлеба и всякие закуски и принялись пить чай в самом безмятежном настроении. Выяснилось, что никто больше не прийдет, собрание не состоялось. Но мы чувствовали себя за столом очень хорошо и продолжали пить чай. Потом пришел хозяин с женой. Оказывается он должен был по одному очень важному делу отлучиться—и решил по дороге занести ключ кому-то из нас, но не застал его дома. Он был очень доволен, повидимому искренно, что мы все-таки нашли путь в квартиру. Но не успели мы обменяться несколькими словами, как дверь в соседнюю комнату открылась: вошла прислуга хозяина. Радость на лице ее боролась с испугом. Но убедившись в том, что с хозяином ее мы, очевидно, находимся в хороших отношениях, она решилась рассказать нам как было дело Оказывается, закрывши дверь за хозяином, она легла спать, проснулась от шума и к ужасу своему увидела через щель незнакомых людей в соседней комнате. Почтенная женщина решила, что в квартиру забрались воры, она опрометью вскочила и побежала через черный ход в полицию, участок был под боком. На наше счастье, околодочный, прежде чем посылать наряд полиции, отправил городового на разведку. Городовой, взобравшись на подоконник, с улицы увидел самую идиллическую картину. Мы мирно сидели за чаепитием. Городовой обругал бабу, пошел обратно в участок и сообщил околодочному, что там никаких воров нет, а просто сидят господа и пьют чай. Прислуга вернулась ни жива, ни мертва и сидела рядом с нами, ожидая, чем кончится пребывание этих странных гостей, которых она приняла за воров и которых отказалась брать полиция. Только с приходом хозяина она вылезла из своего убежища. Мы много и долго смеялись.

V

С нового 1909-го года с окончанием рождественских каникул наша работа пошла живей. Техника непрерывно совершенствовалась. Пришлось освободить Ф. Барышникова от исполнения обязанностей секретаря и возложить на него руководство техникой. Секретарем стал я. Вместе со своим двоюродным братом, студентом филологом я нанял на Нетеченской улице, в доме № 34, специальную квартиру с отдельным ходом, великолепно приспособленную для устройства явок и собраний. В наши районные организации втягивались все новые и новые члены. Росли наши связи с рабочими и интеллигенцией, удалось возобновить старые знакомства с солдатами, входившими в 1906—7 году в военную организацию. Случайно мы также обнаружили старое паспортное бюро с десятками печатей и бланков. Работа в союзах ставилась на прочные ноги.

К первому мая мы начали готовиться задолго. Большие споры вызвал вопрос о том, призывать или не призывать в листке к забастовке. Железнодорожники—Скороход, Муранов и друг. на этом категорически настаивали. Но большинство межрайонной конференции высказалось против. Было совершенно ясно, что из призыва к забастовке ничего не выйдет. Пришлось также отклонить проект о демонстрации, выдвигавшийся некоторыми товарищами. Устраивать демонстрацию, значило идти на верный провал всей организации. Апатичное настроение широких рабочих масс не позволяло расчитывать на их поддержку. Мы отказались и от демонстрации. Решили ограничиться выпуском листовки и массовки в ближайшее к первому мая воскресенье.

С листовкой вышла маленькая задержка. Никто из наших литераторов не захотел ее писать. Что можно написать к первому мая, кроме общих фраз, когда даже нельзя призывать к забастовке. Тогда я предложил достать какой нибудь старый листок и приспособить его к моменту. Мое предложение было принято. Я отыскал одну из книжек «Былого» за 1906 г. со статьей «Первое мая в России». Там была богатейшая коллекция первомайских листков. Мы выбрали из них очень ярко написанный листок ЦК за 1904 год, добавили к нему несколько фраз и отпечатали. Листок вышел на славу. Все спрашивали, кто мог его так хорошо написать. Мы строго хранили тайну. Помню из этого листка несколько строк цитируемого там стихотворения:

Из рода в род, из века в век
Да чтится свято праздник майский,
То праздник братства и любви,
Свободы, равенства и света
Весны грядущей вестник чудный...

Только железнодорожники были немного недовольны, считая, что листок вышел слишком отвлеченным. 3 мая должна была состояться наша массовка. Мы выбрали место в лесу за Лысой Горой. Первый патруль сначала решили поставить на Кузинском мосту, но потом решили, что это

весьма не конспиративно и решили оттянуть его до выхода из города. Начиная с 11-ти часов, публика навалила валом. Мы ждали самое большее человек 100. К 12-ти часам мы имели уже полтораста. Публика кучками бродила туда и сюда, привлекая внимание гуляющих. К часу дня в разных местах леса и у выходов из города показались казацкие патрули. Стало ясно, что из массовки ничего не выйдет, публику пришлось стягивать обратно к городу. Помню нескольких ребятишек, причитавших вслед группе товарищей, с которой я «отступал». «Что? Разогнали казаки? Разогнали? Вздули?»...

Массовка не состоялась, но все мы были довольны и оживлены. Мы не ожидали, что прийдет столько рабочих и теперь имели перед собой доказательство того, что настроение в массах начинает изменяться к лучшему, что происходит какой-то перелом. Однако, с другой стороны провал массовки был для нас довольно грозным предостережением. Если только он не был случайным. Но мы склонны об'яснять его случайностью. Нас избаловала полнейшая пассивность жандармов уже в течение нескольких месяцев.

С наступлением весны участились районные и всякие партийные собрания. Мы их устраивали под открытым небом, около Карачевки, Рыжова и других дачных местах. Лесов вокруг Харькова в то время было гораздо больше, чем теперь. В город приехало несколько новых работников. Двух из них москвичей большевиков—Павла Затейкина из Сокольнического района и Андрея из Рогожского—я хорошо помню. Они рассказали нам много интересного из московской партийной жизни. Там во всей остроте стоял уже вопрос о борьбе с ликвидаторством. Меньшевики разбились на два лагеря, часть во главе с Алексеем Московским резко выступала против ликвидаторства, другая часть к нему примкнула. В Харькове оформленного ликвидаторства еще не было. Были только ликвидаторские настроения у отдельных профессиональных работников, о которых я выше упомянул. Были антипартийные настроения у оторвавшейся от работы части интеллигенции, внутри студенческой фракции. Что касается до руководящего ядра работников Харьковской организации, то все оно было твердо убеждено в необходимости укрепления и сохранения подпольной организации, резко настроено против всяких попыток превращения с-д-ой партии в междуклубную компанию по тогдашнему выражению В. Д. Ткаченко. Это создавало определенную спайку и уверенность, что старые фракционные деления уже изжиты. Жизнь впоследствии жестоко разбила эту сладкую иллюзию.

VI

Но раньше чем это случилось Харьковская организация перестала существовать. 21 мая я выехал из города на летние каникулы. Я заехал на некоторое время к своему двоюродному брату, жившему на ст. Прохоровка, между Харьковом и Курском. 27 мая я получил из Харькова лаконическую записку о том, что меня ищут и хотят арестовать. Отсюда я сделал ясное заключение, что произошел провал. Но в каких размерах? Кто арестован? На эти вопросы записка не давала никакого ответа.

Больше всего меня беспокоила мысль о технике. Провала ее я не допускал. Но я боялся, что у организации порвется связь с техникой. Лишь три человека знали о месте ее нахождения: Ф. Барышников, В. Ткаченко и я. Что если Барышников и Ткаченко арестованы?

Я теперь знал, что мне нужно сделать. Я должен был с первым поездом выехать в Харьков и выяснить положение с техникой. Я сел на поезд в тот же вечер и прибыл в Харьков на утро следующего дня.

Вокзал был переполнен шпиками. Целая шпалера их стояла у выхода. Ехать на старую квартиру было небезопасно. Я поехал к своему дяде—проф. П. И. Шатилову, напился у него чаю и немедленно побежал в университетскую канцелярию, где служил Ткаченко и его сестра. Там я застал только сестру. Она мне сообщила об аресте брата, Барышникова, Акулова, студента Залкинда, жившего на нашей квартире, и целой массы других работников. Шульца случайно не застали дома. Меня искали в двух местах: у меня на квартире и на даче, на которой жил Ткаченко. Ордер об аресте был «независимо от результатов». «Что слышно о технике?»—был мой первый вопрос. «Ничего»—«Кто остался на свободе?»—Она назвала Павла Затейкина. «Я должен его видеть»—«Хорошо, я его сведу с вами».

Дальше я задал вопрос о причинах ареста, мне было отвечено, что провокация несомненна, и что определенное подозрение падает на Ваню Мякенького. Ваня Мякенький был член межрайонной конференции. Он еще до Рождества стал представлять там паровозный район, вместо Александра Кривошеина. Мякенький сам работал на паровозном заводе. Несколько раз мы устраивали у него на квартире заседания межрайонной конференции. В начале 1909-го года Мякенького рассчитали с завода. Он стал сильно нуждаться. Но межрайонную конференцию продолжал посещать. Весной Мякенький открыл бакалейную лавочку. Она помещалась на Нетеченской улице, как раз против 34-го номера, т.-е. против явочной квартиры, где жили мы с братом. Открывши лавочку, Мякенький несколько раз предлагал нам использовать ее для явок, высказывал даже предположения о возможности устройства там техники.

В то время к торговле существовало более терпимое отношение, чем теперь, контрольных комиссий еще не было и поэтому Мякенький не был исключен из партии. Но наше отношение к нему стало более холодным, в особенности после того, как до нас стали доходить слухи, что в его лавке происходит тайная продажа водки. Но, во всяком случае, мы были бесконечно далеки от подозрительного отношения к нему.

Вечером 24 мая Мякенький вместе с Барышниковым приехали на дачу, на которой жил Ткаченко, за Рыжевым—по дороге на Люботин. Перед этим за несколько дней Ткаченко говорил Мякенькому, что к нему должен переселиться я. Мякенький приехал подвыпивши и держал себя грубовато. В. Д. Ткаченко выразил недовольство по этому поводу. «Вы когда-нибудь сядете по пьяному делу»—«Еще посмотрим, кто скорей сядет»—ответил Мякенький. Часов около 12-ти перед отходом последнего поезда на Харьков Мякенький с Барышниковым ушли. Через полчаса на дачу явилась полиция с ордерами на арест Ткаченко и меня.

Как выяснилось потом, Барышникова с Мякеньким арестовали при выходе их с поезда на вокзал в Харькове. У Барышникова нашли чистый бланк, а у Мякенького револьвер. Утром Мякенького освободили.

Против него теперь говорило это загадочное освобождение, ордер на мой арест на даче Ткаченко и странная фраза: «Посмотрим кого раньше арестуют». Кроме того было слишком ясно, что жандармы знают очень много. Провокатор должен был стоять у самого центра. Кроме Мякенького провокатором не мог быть никто.

Часа в три дня я увиделся с Затейкиным, узнал от него, что на свободе остался кое-кто из пропагандистской коллегии, и часть районной публики. Я дал задание Затейкину завтра же отправиться в Белгород и предупредить работавших в технике товарищей о провале. Сам я решил выехать из Харькова в тот же вечер.

Вернувшись на квартиру к дяде я, от нечего делать, взял только что полученный свежий номер «Русского Слова». Глаза мои случайно упали на следующую телеграмму из Белгорода—от 26 мая: «Сегодня прибывшими чинами Харьковского жандармского Управления арестована с-д-ая типография». «Русское Слово» имело громаднейшую сеть корреспондентов по всей России и сообщение об аресте типографии попало туда раньше, чем в Харьковские газеты. У меня как-то сами собой опустились руки и голова...

Вечером я опять проходил по ярко освещенному вокзалу сквозь строй шпиков. В душе было равнодушное, тупое настроение, ощущение полного бессилия. Теперь все равно. Пускай арестуют. Погибли труды многомесячной упорной тяжелой работы. Опять придется все начинать сначала.

Уже из окна я увидел на перроне фигуру московской курсистки Шуры, работавшей в пропагандистской коллегии. Ее прислали товарищи, оставшиеся на свободе, ко мне, чтобы получить кое-какие связи. Но я уже все передал Затейкину и даже успел сообщить ему после прочтения «Русского Слова» о бесполезности поездки в Белгород. Я уезжал из Харькова в тяжелом подавленном состоянии, но со спокойной совестью. Через несколько дней я находился в относительной безопасности. В конце-концов Харьковское жандармское Управление разыскало меня. 30 сентября по ордеру я был взят в гор. Москве. К этому времени большинство арестованных в ночь с 24 на 25 мая в Харькове уже находились на свободе. Но о некоторых, в частности о Ткаченко, Барышникове, Акулове,—о всех задержанных членах межрайонной конференции дело пошло в суд. Против меня лично никаких материалов, дающих основание для привлечения к суду, не было в распоряжении Харьковского жандармского Управления. Найденные при аресте материалы уже относились к моей последующей работе в Москве. В Харьков меня поэтому не повезли.

Судебная палата, рассматривавшая дело Харьковской организации р. с.-д. р. п. за период 1908—1909 г.г., приговорила к ссылке на поселение Барышникова, наборщика типографии в Белгороде, Андреева (большевика, приехавшего из Москвы и начавшего работать после провала 24 мая), курсистку Шуру, провалившуюся вместе с ним; Ткаченко и Акулов были

оправданы, Шульц скрылся. Я был осенью 1909-го года привлечен по делу московской с-д-ой организации и на два с половиной года посажен в Таганку. Летом 1911 г. я получил обвинительный акт и через несколько дней поехал на обозрение дела в Московскую судебную палату, помещавшуюся тогда в том самом здании Кремля, где теперь происходят партийные с'езды и сессии ВЦИК. Меня особенно интересовала переписка Харьковского жандармского Управления, о которой упоминалось в обвинительном акте. В соответствующем томе дела я нашел две бумажки. Одна содержала в себе тогдашний формуляр, касающийся всей моей работы в Харькове до мелочей. Было совершенно ясно, что сведения даны лицом, хорошо меня знавшим, работавшим бок-о-бок со мной. Это мог быть только Мякенький. Другие находились совершенно вне подозрения.

Другая бумажка содержала предписание о моем аресте, посланное из Харькова в Москву в начале июня. (Я приехал в Москву только в конце августа). Я вспомнил, что случайно говорил, как-то в обществе Мякенького о желании перевестись из Харьковского университета в Московский. В предписании были указаны мои наружные приметы. Насколько точно соответствовал действительности партийный Харьковский формуляр, настолько лживы были приметы. В них указывалось, например, что мне с виду 23 года. Между тем во время работы в Харьковской организации мне было 18 лет, а по виду не больше 16-ти. Было ясно, что меня спутали с двоюродным братом или со студентом Залкиндом, арестованным в ночь провала на нашей квартире. По наружности меня абсолютно не знали. Провокация была до очевидности ясна.

Я до сих пор не знаю, почему Мякенький не был об'явлен провокатором еще в 1909-м году. Он после этого жил в Харькове до самой февральской революции и хотя находился под некоторым подозрением, но тем не менее пользовался доверием некоторых товарищей.

Я об этом не имел представления, ибо в 1912 г. пошел в Сибирь на поселение и пробыл там до 1917 г. не имея связи с Харьковом.

В 1917 году на первом с'езде рабочих и солдатских депутатов я случайно встретился с Харьковскими делегатами и узнал от них, что среди разоблаченных, после ознакомления с архивом охранки провокаторов, был Ваня Мякенький. Он, однако, не дал себя арестовать и заблаговременно скрылся.

Н. ПОПОВ

Киев в январе 1918 года

(Воспоминания)

Октябрьская революция 1917 года свергнула власть капиталистов и соглашателей в лице меньшевиков и эсеров. В России была установлена Советская власт. У нас здесь на Украине, а в Киеве в особенности, дело обстояло совсем иначе; руками восставших Киевских рабочих и солдат было свергнуто гнусное Правительство Керенского, но благодаря об'ективным условиям власть захватила Киевская желто-блакитная Центральная Рада во главе с авантюристом Петлюрой. Таким образом, на Украине октябрьская революция была задержана. Прошло $2^1/_2$ месяца власти Киевской Центральной Рады, которая сама за нас своими действиями прекрасно с'агитировала украинских рабочих и крестьян. Нам нужно было назначить только день и час. 8 января 1918 года по распоряжению Киевского Губпаркома мне было предложено взять двухнедельный отпуск по месту моей службы в Киевских Главных мастерских и немедленно приступить к организации боевого отряда из рабочих железнодорожников, хотя в то время у нас в Киевских Главных мастерских мною уже была организована большевистская ячейка из следующих товарищей: 1) Свидзинский, 2) Лахтюк, 3) Кокот, 4) Поляков, 5) Григорьев, 6) Ветров, 7) Есаков, 8) Лукашевич, 9) Юрчевский, 10) Белинский и еще пять товарищей, фамилии которых позабыл. В 14 участке пути в то время работал т. Войдек, которым тоже была организована группа большевиков человек в 15. В 1 участке тяги работал т. Жук член КПБУ; в остальных службах Киевского узла в то время коммунистов не было. Были меньшевики, эс-ры, Петлюровцы и т. п., и вот на одном из совещаний 10 января 1918 г. вышеуказанных т. т. был избран нелегальный штаб, в который вошли следующие т. т.: Вайдек, Патлах, Поляков и Зюк, присланный от Губкома. В то время наш штаб помещался в лазарете возле товарных путей, занимал одну комнату, в которой была открыта фиктивная библиотека. Это был первый штаб железнодорожников. Задачей штаба было организовать боевой отряд и узнавать, где можно добыть оружие для вооруженного выступления против Киевской Центральной Рады. Этой работой, т.-е. вербовкой т.т., в отряд, были заняты все члены штаба, а также и остальные т.т., состоящие в организации. Учет т.т. был поручен мне, так как я являлся организатором всей этой затеи 15 января 1918 г., У нас было зарегистрировано всего 85 человек, желающих по первому зову выступить на борьбу. 15-го января 1918 года в 12 часов ночи было

созвано Губкомом совещание всех районых организаторов в дворянском собрании, на котором присутствовал от Киевск. жел. дор. района я, где было принято постановление, что момент для выступления наступил, так как в арсенале днем уже завязалась волынка с гайдамаками. После совещания все разошлись по своим районам; я и тов. Зюк пошли на вокзал в свой штаб, а тов. Довнар-Запольский и т. Стогный пошли на Шулявку; т. Сивцов и другие пошли на Подол.

Когда мы пришли в свой штаб, там мы застали тов. Вайдека, который с нетерпением нас ожидал. Мы сообщили ему, что час выступления настал. Осталось только подсчитать силы и действовать. Тут перед нами встал вопрос, как быть с 1 уч. тяги, там петлюровцы и эсеры, один большевик и того дома нет. Тогда тов. Вайдек мне напомнил, что в 1 уч. тяги есть тов. Дзизиевский, эсер, которого украинские эсеры выкинули из местного комитета, он на них зол и пойдет с нами. Так и решили. Жену Вайдека послали на квартиру т. Дзизиевского, прибыть в штаб для переговоров. Приходит тов. Дзизиевский. Мы ему об'яснили положение вещей и спросили, желает ли он принять в этом участие. Он долго ходил по комнате, не решался, потом согласился работать. Тогда перед нами встал другой вопрос, за кем пойдут рабочие, так как их начальник был приверженец Рады. Обсудили и пришли к заключению, что почти все боевики являются рабочими и они безусловно будут поддерживать нас, а раз это так, тогда мы решили утром 16 января 1918 г. в 8 часов созвать всех в клуб под Соломенский мост. Наклеили об'явление, что все боевики-ж. д. обязаны явиться с винтовками в клуб под Соломенским мостом. Сделали подпись неразборчивую за начальника дружины и неясную печать местного комитета 14 уч. пути.

В 8 часов боевики все, как один, явились. Тут им немного об'яснили в чем дело и предложили тем, кто желает принять участие остаться. Из числа боевиков немного было сторонников Рады, которые в скорости ушли из собрания. Приступили к выборам оперативного штаба, куда и избрали т.т. Вайдек, Зюк, Патлах, Карпович, Свиджинский и Дзизиевский. После избрания штаба, отряд и штаб перешли в столовую главных мастерских, откуда начали выставлять караулы в главных мастерских, пассажирском парке, колонии, а также начали приближаться к пассажирской станции.

В то время вся товарная станция была занята гайдамаками. На ст. Киев, I пассажирской, стоял полк гайдамаков имени Грушевского, хорошо вооруженных пулеметами. Тогда мы начали вести переговоры с Петлюровским комендантом станции, для каковой цели он пришел к нам в столовую Киевских главных мастерских, где было устроено общее собрание боевой дружины. Это было во вторник 16 января 1918 г. На этом собрании мы заявили коменданту станции, что мы с ними драться не будем, а будем только охранять железную дорогу и все железно-дорожное имущество от разграбления. В это время у нас отряд был небольшой, всего только десять десятков. В то время боевики так конструировались: в каждом десятке был один старший десятка. На собрании комендант призывал нас

поддерживать Раду, но мы ему сказали, что мы только охраняем ж. д., и чтобы он нам разрешил выставить на станции караулы, на что он не согласился. Переговоры были прерваны, отношения обострились.

Утром 17 января 1918 г. штаб и отряд перешли в мастерские в контору вагонного цеха. Утром дали гудок. На работу пришли все рабочие, но уже почти никто не работал, так как пахло порохом. Везде на входах и выходах выставлены караулы из рабочих боевиков. В 12 часов дня был дан гудок, по которому было созвано общее собрание рабочих всего Киевского узла, на котором присутствовало до 6000 человек и обсуждался вопрос, кого поддерживать: Центральную Раду или большевиков, призывавших свергнуть Центральную Раду. Единогласно была принята резолюция— свергнуть Киевскую Центральную Раду и об'явлена забастовка, для какой цели на этом собрании был избран стачком, в который вошли следующие т.т.: Трегуб, Лахтюх, Березовский, Мартинов, Травянко, Чуйкин и Лапко. Голосовали единогласно, а когда после голосования предложили взять винтовки, то были такие, которые от страха лезли через забор. Трусы ушли, а боевики остались на своих революционных постах, кто с винтовкой, а кто с молотком и зубилом. Приступили к немедленной сборке броневика, находившегося в мастерских в ремонте и разобранного по постановлению общего собрания рабочих в декабре 1917 года. Этот броневик предназначался Петлюрой против большевиков. Было несколько строгих предписаний Петлюры срочно исправить броневик. Как ни старалась администрация мастерских заставить рабочих приступить к работе броневика, но они не только не приступали, но то что было уже готово, сняли. Когда пришли январьские дни закипела работа днем и ночью. Это было в четверг 18 января 1918 г. Главные мастерские превращены в главный пункт военных действий ж. д. района; запасы боевых припасов у нас не велики—350 винтовок и по 20 патронов. Пулемета ни одного; пушки тоже нет, но у нас были сведения, что на пассажирской станции возле Караваевского моста стоит вагон, в котором имеется 20 пулеметов и достаточное количество патронов, а также части от разобранной пушки скорострелки, а караул там стоял не важный. Тогда мы ровно в 12 часов дня 18 января 1918 г. отрядили отряд из 80 человек, взяли с собой паровоз, который заехал от депо прямо к вагонам, а наша братия из пассажирского парка бросилась на них в атаку и трофеи были захвачены и к часу дня доставлены в главмастерские. Тут немедленно приступили к установке на крышах пулеметов и знакомые с делом товарищи стали знакомить не умеющих управлять пулеметами. Неумеющие установили только часть пулеметов, а пушки еще не собрали. Это было в 3 часа дня в четверг 18 января 1918 г. Вдруг неожиданно на нас от кадетского моста стали наступать двести человек полуботьковцев на лошадях с пулеметами, уставленными на автомобили, и обстреливать мастерские. Тут мы жарнули по ним изо всех пулеметов. Этого они тоже не ожидали, потому что в штабе у них были сведения, что у нас нет ни одного пулемета. Они не имели сведений о том, что мы отняли пулеметы, стоявшие на станции. Потом кто-то из наших бросил бомбу через забор в автомобиль и их пулеметы замолкли. Тут

они выбросили белый флаг. Это было первое наше боевое крещение, где мы захватили пленных и трофеи, несколько лошадей и разбитый автомобиль. Наступила пятница 19 января 1918 г. Ночь прошла в напряженном состоянии. С часу на час ждали нападения, но ночь прошла спокойно.

Сижу в штабе на скамейке и сплю, так как выбился из сна не спав несколько ночей подряд. Вдруг слышу тревожные свистки паровоза, но от переутомления не могу проснуться. Это подходил к станции поезд с испорченными тормазами Вестингауз, в результате чего этот поезд врезался в станцию, разбив комнату дежурного по станции, подавил много людей и сам провалился в погреб. Это была пятница 19 января 1918 г., ровно в 6 час. утра. В 9 часов утра наш штаб решил пред'явить ультиматум гайдамакам, занимавшим ст. Киев I товарный. Была написана бумажка, в которой мы требовали очистить Киев I товарный к 12 часам дня 19 января 1918 г. Если к указанному сроку наши требования не будут удовлетворены, то мы открываем артиллерийский огонь по Киеву I товарный. Для ведения переговоров добровольно из'явили согласие т.т. Зюк и другой молодой товарищ в очках, фамилию которого забыл. Прошел установленный срок; пред'явленные нами требования гайдамаками не были выполнены. Мы получили сведения, что наших парламентеров, одного расстреляли, а тов. Зюка гайдамаки арестовали и направили на Николаевскую в свой штаб. Перед тем как пред'явить ультиматум гайдамакам мы завязали связь с Сердюцкой дивизией, помещавшейся в то время в Кадетской роще в артиллерийских казармах. Был проведен телефон. Вообще, дело обстояло великолепно Но когда мы предложили им стрелять по Киеву I товарный, то они заявили, что будут держать нейтралитет. Это явилось для нас неожиданностью и задуманный нами план не увенчался успехом. К этому времени к 1 часу дня 19 января 1918 г. сборка броневика была закончена. На заседании нашего штаба был поставлен вопрос: как быть, так как мы были со всех сторон окружены гайдамаками: на ст. Киеве I товарный—гайдамаки; ст. Киев I пассажирский занята полком имени Грушевского; в Кадетской роще стояла Сердюцкая дивизия и 1.500 украинских юнкеров, которые об'явили нейтралитет. Тогда нами на заседании было решено итти в наступление на полк Грушевского, но так как тов. Дзизиевский был все время против наступления, то дело оттягивалось. И вот ровно в 3 часа Дзизиевский заснул, а броневик был в полной боевой готовности; боевики сильно рвались в наступление и не было возможности их удержать; они решили сами итти в наступление. Броневик выехал из мастерских на станцию и начал поливать из шести пулеметов полк Грушевского. 3 раза проехали по главным путям, а пехота бросилась в атаку. Полка Грушевского как не бывало. В паническом бегстве бросили 8 пулеметов, много винтовок и др. боевых припасов. В этом бою были убиты тов. Белинский, Лукашевич и еще три, фамилии которых не помню. Наступила ночь; темнота невероятная. Воспользовавшись этим мы решили разоружить нейтральных 1.500 украинских юнкеров, помещавшихся в Кадетской роще, хорошо вооруженных пулеметами и винтовками. Для этой цели была выделена группа смельчаков в количестве 15 человек. Вооружившись до зубов под командой одного товарища пошли. Придя

к казармам скомандовали: «Рота, стой!» Пять товарищей остались на дворе, а десять вошли в помещение с криком: «ура, ни с места, руки вверх!» Юнкера с перепугу, не разобравшись сколько нас, сдали все свое оружие. Самое главное, что мы там забрали, это пулеметы и револьверы, а остальное не захотели брать. Нам было далеко нести. Затем мы в ту же ночь 19-го января 1918 г пошли и разоружили конвойную команду на Караваевской ул., где забрали много револьверов системы «Ноган». Итак, ночь прошла; противник не наступал, а мы подработали. Наступил день. Суббота 20 января 1918 г. Мы решили итти в наступление в город. Заняли Жилянскую, М.-Благовещенскую, Б.-Бульвар, Еврейский базар, Дмитриевскую, Златоустовскую и дошли до Львовской. В субботу целый день был ожесточенный уличный бой. Все время перевес был на нашей стороне. Потом к вечеру боевики переутомились. Нас противник оттеснил на М.-Благовещенскую, Караваевскую, Степановскую и часть Бибиковского-Бульвара. Вечер. Стало темно, в 10 часов вечера в штаб поступили сведения, что у нас патроны на исходе. Как дальше быть. Тов. Дзизиевский засуетился; я ему предложил: оставаться в штабе, а сам пошел доставать патроны. Дав ему обещание, что патроны будут, взял двух молодых людей и пошел пешком на Пост-Волынский в 5-ый коренной полк и авиационный отряд за патронами. Придя туда ночью в 11 часов, созвал всех солдат, об‘яснил им наше тяжелое положение, что у нас нет людей и нет патронов. Тут человек сорок солдат из‘явили согласие итти к нам на помощь в мастерские, дали мне автомобиль, 2 ящика патронов и 1 ящик ракет. Потом я начал спрашивать у солдат, нельзя ли у них достать пару орудий. Они мне показали 4 орудия 3-х дюймовки, на которых не было бойков и панорам, а вот там на ст. Пост-Волынский стоит 6 исправных орудий и вагон снарядов, вагон патронов и много разного военного барахла. Караул там не важный: 30 человек гайдамак. Я, получивши такие сведения, одному товарищу поручил сопровождать солдат в мастерские, а сам с другим сел в автомобиль и поехал в мастерские через петлюровские мосты, так как Б.-Бульвар и Еврейский базар были в руках гайдамак. Один раз нас обстреляли, но мы приехали в мастерские благополучно. Прихожу в штаб с патронами, спрашиваю: «А где тов. Дзизиевский?» Мне говорят, что он сбежал к сербам, так как у нас нет патронов. Тогда я сообщил остальным членам штаба о том, что на Посту-Волынском имеются орудия и много других боевых припасов. Тут моментально отрядили группу ребят. Хорошо помню т.т. Гринера, Антонова, Травянко Николая, Семенова, Ветрова, а других не помню. Не прошло двух часов, как у нас в мастерских очутился целый состав платформ, на которых стояли повозкии и 6 исправных орудий. Закипела работа. Ночью, впотьмах начали разгружать привезенные орудия и устанавливать. К утру в воскресенье 21 января 1918 г. все орудия были уже сняты с платформ и установлены. Два орудия выкатили из мастерских за колонию на ферму; из них все время стрелял т. Шпринвальд. Одну установили возле пожарной в колонии, а одну возле большой кузни, две оставили на платформах. И вот с этих то орудий 21 января 1918 г., в воскресенье мы целый день стреляли по всем направлениям гор. Киева. В это время все районы г. Киева были уже ликвидированы. На Думе

развивался желто-блакитный флаг Петлюры. Арсенал, крепость, по которой равнялись все рабочие г. Киева, и тот уже пал. Мы, киевские железнодорожники, которые в начале выступления не имели ни одного пулемета, ни одного орудия, а только винтовки и к ним по 20 штук патронов, все добывали в процессе борьбы.

Интересно отметить случай 21-го января 1918 г. В воскресенье, к нам в мастерские пришли члены Губернского штаба т.т. Стогный, Крейцберг и Дора Идкина. Они сделали распоряжение т. Вайдеку снимать все посты и расходиться, так как дело проиграно. Вайдек подчинился и уже было снял несколько постов, как об этом узнала наша «братва». Тут сразу приняли их за провокаторов и хотели на месте расстрелять, а потом смилювались и посадили в одну комнату под конторой главных мастерских. Много пришлось потратить силы, чтобы убедить т.т., что это не провокаторы, а члены Губернского щтаба. Потом их освободили.

После всего этого, в этот день мы стреляли изо всех орудий. Пришла ночь. Стрельба прекратилась. Всю ночь было спокойно. Настало утро понедельника 22 января 1918 г. Гайдамаки первые перешли на нас в наступление. Артиллерийским огнем стали обстреливать всю территорию нашего расположения. В это время приходит к нам в штаб поп соломенской церкви с предложением сделать перемирие и убрать труппы. Обещал пойти к нашим противникам с таким же предложением. Тов. Свидзинский хотел его провести через наши посты в город. Только вышли за контрольную будку, как вдруг снаряд за снарядом. Как поднимет поп свои фалды да удирать. Больше и не приходил, а мы целый день дрались, со всех сторон окруженные гайдамаками. Последний день в понедельник нас было человек 150, а под вечер еще меньше человек 80, измученные в боях, не спавшие целую неделю. На постах стояли по 2-ое суток безо всякой смены. Целый день понедельник 22 января 1918 г. нас была маленькая горсточка людей, окруженных со всех сторон гайдамаками, превосходящих нас силами во сто раз. Против нас было пущено 2 броневых автомашины. Одна из них была подбита на Беззаковской улице нашим артиллеристом, стрелявшим из малого орудия, находившегося на платформе, а другой испугался и сам удрал. 22 января 1918 г. днем я пошел последний раз в Губернский Революционный штаб, находившийся в то время по Жилянской улице возле Б.-Васильковской. В штабе в то время находились Иванов Андрей, Крейцберг Исаак, Дора Идкина, Зарницын и еще некоторые т.т., фамилии которых позабыл. Мне надо было получить информацию, когда к нам придет подкрепление в Киев. Я получил ответ, что штаб никаких сведений не имеет и мне предложили вторично притти на вокзал и ликвидировать свои дела, так как все районы уже ликвидированы. На вокзале гайдамаки нас обстреливали со всех сторон; мы все время держались. Наступил вечер. Стали приближаться последние часы сдачи неприступной крепости вокзала и всего жел. дор. района. Стало темно. Нам пришлось разбегаться, кто куда может. Налетела банда гайдамак на столовую Киевских Главмастерских, в которой в то время находилось еще около 30 тов.: кто кушал, кто спал. Спящих они зверски зарубили шашками. Остальных перевязали одной веревкой за руки и повели

на вокзал для разбора. Некоторым удалось освободиться, а остальных 18 человек привели на Б.-Бульвар во двор, где были исправительные роты, ныне Допр № 2, и всех там расстреляли. В том числе был убит т. Ветров, кузнец Главмастерских, член КПБУ.

Таков был конец последних наших дней январьского восстания. Кто принимал участие в боях, тот знает, как расправлялись гайдамаки с рабочими вообще и железнодорожникам в особенности. Последние дни гайдамаки были так обозлены на железнодорожников, что расстреливали на улице. Таких случаев было много на Жилянской и Караваевской улицах. Занявши вокзал и мастерские, гайдамаки взламывали все ящики каждого рабочего, инструменты разворовали. Но их пребывание у власти длилось всего 2 дня. На третий день подошли революционные силы и гайдамаки ночью удрали.

ПАТЛАХ

О мартовском восстании николаевского пролетариата против немецких оккупантов

(Воспоминания)

ПЕРЕД ЗАНЯТИЕМ НИКОЛАЕВА

После занятия Одессы немцы двинулись на Николаев. Переброска производилась в двух направлениях, со стороны Варваровки и по линии железной дороги Одесса-Николаев. 15 и 16 марта 1918 года началась эвакуация Николаева. На автомобилях вывозились на вокзал ценности. Вывозкой руководил т. Каган. При вывозе ценностей мне пришлось наблюдать интересную картину; банк был оцеплен отрядом эс-эров, которые хотели помешать вывозу. Во дворе банка, по Большой Морской улице, стояли нагруженные автомобили, в банке т.т. Каган и кажется, Смирнов, а на улице беснующиеся эс-эры. В банке совещаются как поступить. Наконец, открываются ворота выезжают автомобили с охраной; ценности были вывезены и эсеровская затея не удалась. Между прочим необходимо отметить, что кооперативу «Трудовая копейка» и рабочим организациям, деньги которых находились в банке таковые были выданы.

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ

К вечеру 16 марта немцы со стороны Варваровки стали подходить к Николаеву, но им не дали возможности войти: пара орудий, державших под обстрелом приступ к Николаеву со стороны Варваровки. Вечером и ночью длилась стрельба, а утром 17 марта с другой стороны немцы переправились и заняли оставленный город. Первая Советская власть ушла и ее сменили оккупанты. Вынужденный отход Советской власти болезненно отозвался на сознательной части пролетариев Николаева и доставил много радости бывшим людям из буржуазного лагеря. Заняв Николаев, немцы об'явили, что они пришли не как враги, а как друзья украинского народа и что они совершенно не будут вмешиваться в жизнь города и городская дума будет гражданской властью города. Во главе городского самоуправления стоял эс-эр Костенко, у которого германское командование потребовало гарантии спокойствия в городе. В первые же дни занятия города возникли трения между командованием и думой из-за авто-авио имущества и орудий и желания оккупантов занять бывшее здание Совета, ныне клуб Свердлова.

Немцы были настойчиво упорны, а дума нерешительно сопротивлялась. Немцы, как и следовало ожидать, не сдержали своего заверения о невмешательстве. По доносам лакействующей в передней командования буржуазии начались аресты и реквизиции, что вызвало негодование рабочих масс. В это время в Николаеве работала коллегия 9 (девяти) по управлению национализированным транспортом. В состав коллегии входили т.т. Яворский, Савченко, Солтанов и другие, и эта коллегия стала первой крупной жертвой доноса. Владелец судов захотел обратно свои суда, а для этого нужно было арестовать коллегию и тогда поставить вопрос о возврате Для выполнения своего желания он испросил взвод германских солдат с офицером и арестовал 6 членов коллегии девяти. Мне еще в помещении удалось ускользнуть от немцев и выскочив на улицу, я перед выходившими с «Наваля» рабочими, повел агитацию за освобождение товарищей. Когда арестованные поровнялись с заводом, рабочие толпой стали их провожать. Двигаясь по Соборной через базар толпа увеличивалась, негодование росло, но все держались на почтительном расстоянии. Наконец, на Соборной между Католической и Херсонской я, выхватив револьвер, бросился в середину взвода, увлек за собой негодующих рабочих и фронтовиков и освободил арестованных. Фронтовики было бросились избивать офицера, но были мною и еще некоторыми товарищами остановлены, чем и избежали кровопролитной схватки. Вечером от имени Союза Металлистов, мною в думе был заявлен протест против произвола немцев. И командование снова заверило, что вмешиваться никто не будет и что арест явился результатом недоразумений. Весть об аресте и освобождении разнеслась быстро по городу и отношение к немцам еще более обострилось. В среде моряков, фронтовиков и рабочих выросло чувство колоссальной вражды и ненависти к оккупантам, и смелые головы задумали организовать выступление против немцев.

ВОССТАНИЕ

21-го марта на заводе «Наваль» с участием начальника милиции завода группой рабочих обсуждался вопрос о захвате пулеметов, орудий, броневиков и автомобилей в коммерческом порту и о связи с моряками и союзом фронтовиков для выработки общего плана нападения на немцев. 21-го марта было закрытое заседание союза фронтовиков, где стоял вопрос о выступлении. 22-го марта состоялось об'единенное заседание заводских комитетов «Наваля», «Руссуда» и «Темволи» и митинг на заводе «Руссуд», при чем, судя по настроению рабочих и выступавших фронтовиков, на митинге вопрос о выступлении был решен в положительном смысле. Не успело еще большинство участников митинга и об'единенного заседания дойти домой, как со стороны водопоя начали раздаваться орудийные выстрелы. Первые снаряды разорвались в реке возле боен и на Шестой Военной вблизи моей квартиры. Выстрелы и разрывы снарядов словно электрический ток пронизали рабочих и они стихийно, без всякого руководства, взялись за оружие. Этому еще способствовали слухи, что идет Шмелев и Григорьев—Предисполкома со своими отрядами, а также и то, что в Херсоне рабочие

здорово поколотили немцев, отобрав у них оружие и автомобили. Выступление началось и его уже нельзя было сдержать. Состоя в это время членом боевого отряда независимых эс-де, я, вооружившись, направился к клубу. На углу Садовой и Потемкинской на меня набросились германцы мотоциклисты, желая разоружить. Я бросил бомбу и начал стрелять. Германцы умчались. К ним на подмогу с Херсонской выехали артиллеристы, направлявшиеся на Херсон со своими батареями. Рабочие фронтовики начали быстро вооружаться, в милицейских частях Московского 2-го и 1-го района и клуба «Земля и Воля» было взято все оружие и, вооружившись, потянулись к центру-штабу германских войск. Выступление началось в нескольких местах. На улицах разоружали в одиночку и партиями германцев, часто щадя врагов. На вокзале наступали на австрийцев и мадьяр, в центре города—у дома Аркаса и по Московской улице на Лондонскую гостиницу—штаб германского командования на 6-ой Слободской и у кладбища, а самое красивое в Слободке. Выступили рабочие, женщины и дети и почти без оружия, приступом, с криками «ура», заняли радио-станцию, взяв в плен 59 солдат, оружие и 2 пулемета. Были заняты почти вся Херсонская улица и кладбище. Начало темнеть. Противник стал стягивать свои силы. Артиллерия, идущая на Херсон, потеряв убитыми половину людского и конского состава, вынуждена была вернуться обратно. Со стороны Водопоя начали подходить подкрепления, руководимые одной группой рабочих, человек в 30, среди которых были инвалиды на деревянных костылях, залегли в оврагах у боен и кладбища, желая преградить вход со стороны Водопоя. И как только двигавшаяся колона поравнялась с узким проходом ворот боен, раздались несколько залпов и германцы повалились, как качаны. Поднялась среди них паника, а между тем их было в 15—20 раз больше нападавших. Через несколько минут они оправились, затрещали пулеметы, засветились ракеты и начался бой. Напавшие под давлением противника с боем отходили и через час были заняты немцами кладбище и прилегающая к нему часть Слободки. Таким образом, открыли путь в город. Уже днем при вытеснении немцев из русского кладбища и наступая на еврейское, где окопались немцы, мы понесли потери, среди которых был т. Тульников. Ночью во всех концах города шел бой. На 4-й и 5-й Военной немцы были загнаны в канавы, много из них было убито и отобраны пулеметы, бомбометы и автомобили. На углу 5-ой Военной и Столярной улицы одним из рабочих был снят пулеметчик и прислуга. Пулемет повернули против немцев. Этот подвиг и общая атака вдоль улицы заставили немцев очистить к утру весь район слободки и отойти к Руссуду и флотским казармам. В эту же ночь наступали на гавань, магазины и элеватор, где не мало погибло, как наступавших, так и оборонявшихся. Самое же ожесточенное наступление велось на элеватор, где засели с пулеметами немцы и флотский экипаж, центральная их крепость, господствующая над большим районом. К утру восставшие уже имели пулеметы, несколько бомбометов и даже одно орудие, взятые у немцев на Херсонской улице. Но все это нельзя было полностью использовать, ибо не было пулеметных лент, снарядов и бомб. Штаб восставших в слободском

районе помещался на 6-ой Слободской в здании мобилизационного пункта. Штаб пытался связаться с другими районами дабы вести общую боевую линию. Утром 23-го марта я с 15 товарищами наступал на Руссуд со стороны Морского госпиталя, где сняли пулеметчика, заняли судостроительный цех и уже добрались до главных ворот, но из флотских казарм немцы получили подкрепление и, несмотря на сказочную храбрость наступавших рабочих, мы вынуждены были отступить, потеряв одного убитого и раненого. Весь день велся ожесточенный бой и части противника отступая сосредоточивали свои силы у Лондонской гостинницы, флотских казарм, вокзала и элеватора. В этот день противник переживал самые опасные моменты, отчасти была даже паника. Матросами и рабочими был атакован и взят в плен броневик противника и все находившиеся на нем. Броневик шел с паровозом на подмогу со стороны Херсона. Ночью противник начал ожесточенный артиллерийский обстрел города. Начались пожары. Вся злоба была направлена против Слободки и мест, где засели восставшие. Дома горели и рушились и под их обломками гибли сотни восставших и мирных жителей. Клуб большевиков похоронил около 40 храбрецов, склад Эльворти около 100, хлебные магазины дали с обоих сторон наибольшее число жертв. Бросаемые с нашей стороны бомбы зажгли магазины возле элеватора и похоронили в своем пламени и обломках свыше 200 немцев, австрийцев, мадьяр. К утру базар и Слободка пылали в огне. Немцы пошли в наступление. Рабочие сражались, как сказочные богатыри, а их жены и сестры устраивали лазареты, перевязочные пункты и сражались вместе с мужчинами. Считаю необходимым отметить героическую работу врача-женщины М. Любченко, которая двое суток бессменно оказывала помощь раненым повстанцам. Отсутствие оружия и патронов, а также бешенное наступление вооруженного до зубов и дисциплинированного противника заставили восставших начать отступление. 24 марта весь день шла отчаянная борьба. К вечеру немцы заняли часть Слободки, сжигая дома и расстреливая рабочих. 25 марта были последние схватки. Рабочие отступали, но это отступление никто не забудет, отступали с боем, со слезами и ненавистью к оккупантам. Я видел, как на 3-ей Военной один из рабочих «Руссуда» просил у своего товарища патроны и когда тот ответил, что у него только два, он заплакал и обождав, когда на Купорной и 3-й Военной к углу подошел мадьяр, уложил его прикладом и изломав винтовку скрылся. Видел, как два брата, молодые моряки, стреляли из пулемета до тех пор, пока их со двора взяли в плен и здесь же на месте расстреляли. Во всю неистовствовали победители: сгоняли рабочих с семьями на кладбище, а их скарб и халупы сжигали. А после, после расстреливали рабочих пачками, часто по доносу арестовывали тех, у которых находили оружие или даже гильзы, расстреливали на месте. Был случай, когда идущего по Колодезной улице мальчика подвязанного поясом из пулеметной ленты немцы расстреляли на месте ареста. Рабочего завода «Руссуд»—А. Селиванова расстреляли по доносу, как большевика и почти при таких же обстоятельствах были расстреляны отец и сыновья—столяры Апарины. Весь город снова находился руках оккупантов. Городской голова был смещен и на его место назначен

Гиль, а комендантом города был назначен Гильгаузен. Были выпущены газеты на немецком языке и воззвание, которое заканчивалось словами: чего нельзя было достичь добром, достигнуто злом. Да, злом было достигнуто временное поражение рабочего класса. Свыше 2.000 жертв было со стороны восставших, среди которых находилось до 50% сожженых и убитых женщин и детей. Но не даром досталась победа: оккупантов было свыше 1.000 убитых не считая раненых. Об этих цифрах говорилось в Одессе, где находились на излечении раненые офицеры в дни Николаевского восстания. По занятии города немецкие и мадьярские солдаты говорили, что они пришли устанавливать у нас порядок, ибо мы это сделать, с их точки зрения, не могли. Об этом говорило им их начальство. Долго еще после подавления восстания в Слободке снимались целые караулы немцев с их пулеметами и Слободки оккупанты просто боялись. После немцы называли Николаев «Проклятым городом».

Мартовское восстание Николаевского пролетариата вписало еще одну славную страницу в историю революционной борьбы за диктатуру пролетариата.

Вечная память погибшим борцам и слава безумной храбрости Николаевских пролетариев.

М. СОЛТАНОВ

Воспоминание о ссылке в Восточной Сибири в 1897—1900 годах

По административному приговору, об‘явленному в Екатеринославской тюрьме в марте 1897 года, группа С.-Д. Р. П. рабочих Брянского завода, в числе восьми человек Мазанова, Смирнова, Гудимова, Белкина, Тома, Афанасьева, Каца и Файна, высылалась на три года под надзор в Восточную Сибирь в разные губернии.

В Москве, по пути в Сибирь нас, екатеринославцев, соединили с другими ссылаемыми и мы благополучно, по железной дороге, доехали до г. Красноярска, Енисейской губернии.

После краткой остановки нам было об‘явлено: кто в какую местность назначается. Ф. И. Поляков, осужденный по Московской организации С.-Д. Р. П. (вместе с кружком С. И. Мицкевича), Б. А. Афанасьев и я, екатеринославцы, назначались в село Тасеево, Канского округа, Енисейской губернии.

По приезде в г. Канск, мы распрощались с товарищами, назначенными в Иркутскую губ. и Якутскую область, с С. И. Мицкевичем, А. Н. Винокуровым, М. Файном, С. Кацом и другими, нас же троих отправили со станции в Канское полицейское управление.

Дня через два, под надзором десятского, положив наши вещи на подводу, мы отправились в место нашего жительства в ссылке.

По дороге в с. Тасеево (от г. Канска 125 верст) случилось большое несчастье с Ф. И. Поляковым.

На одном из промежуточных станов, при перемене лошадей, Ф. И. укладывал свои корзины с вещами, стоя во весь рост на телеге, в это время лошади, кого-то испугались, рванули и понесли.

Потеряв равновесие Ф. И. упал на землю, в то же время свалившаяся с телеги корзина с вещами, весом пуда четыре, ударила его в грудь.

Подбежав и освободив от навалившейся на него корзины, мы подняли его. На наши беспокойные вопросы, он указывая на руку сказал: «у меня с рукой плохо и серьезно ушиблена грудь».

Среди тайги, вдали от селения и заимок[1]), не имея возможности помочь, мы уложили Полякова на подводу и поехали далее.

---

[1]) Заимка, небольшая постройка для летнего жилья, и живут в ней во время летних работ кресгьяне, обыкновенно заимки отстоят от селения верст 15—35.

По приезде в Тасеево, мы сейчас же обратились к местному фельдшеру. При осмотре руки и груди оказалось: повреждение лучевой кости левой руки и надлом двух ребер грудной клетки, не оказанная своевременно в пути помощь, осложнила и вызвала воспаление.

В то время, в Сибири, только вводили медицинскую помощь населению по типу земской в России, а потому никаких приемных покоев и амбулаторий в большинстве местностей еще не было, не было и в с. Тасееве.

Находившийся в селе фельдшер, не имел возможности быть постоянно в с. Тасееве, так как обслуживал окрестные деревни, не менее чем в 100 верст кругом Тасеево, куда его вызывали часто судебные власти на вскрытия трупов, а потому и помощь, оказанная Полякову, была не достаточна.

Среди политических ссыльных, отбывающих сроки в Сибири, независимо от партийных разногласий, был строго исполняемый обычай: оказывать вновь прибывшим товарищам по ссылке помощь: представить пищу, найти квартиру и познакомить с местными жителями, поддерживающими знакомство с политическими ссыльными.

К нашему приезду в Тасеево, там проживал, выдававший себя за политического ссыльного, некий Казимир Рудольф; у него мы по обычаю и остановились до приискания себе квартиры.

Через несколько дней Афанасьев и я нашли совместную квартиру. Поляков тоже нашел и взял себе ~~почти~~ весь дом за $1^1/_2$ рубля в месяц. Наша жизнь пошла однообразно, вдали от привычных нам интересов фабрик и заводов и рабочего движения.

Вскоре после нашего приезда, приехал еще один ссыльный с семьей, состоящей из шести душ, Феликс Пржибыловский, рабочий Жирардовской фабрики.

Находясь под надзором, мы были обязаны каждый день расписываться в книге, приносимой десятником из волости, не отлучаться без ведома местного заседателя дальше 10 верст от селения, назначенного нам для пребывания, не учить детей и вообще не заниматься никакой общественной работой; но почти всегда были послабления и, таким образом, наше положение, как поднадзорных смягчалось по безмолвному согласию между нами и заседателем.

Поднадзорным в Тасееве на прожитие выдавалось от казны пособие 8 руб. взрослым, имеющим семью, жене 7 руб. и детям 5 руб. в месяц. При дешевизне продуктов, жили на эти деньги не хорошо, но и не плохо—сыты были.

Село Тасеево, довольно большое селение, окруженное лесом, представляет собой как бы вход в тайгу. Жители выжигают большие площади строевого леса: сосны, кедры, лиственница и др. породы для освобождения земли под пахоту, и когда происходят т. н. «палы» [1]), то дым от пожара стоит над селением по целым неделям.

Кроме основного занятия земледелием, часть полученных продуктов они отвозят в тайгу на золотые прииски. Все жители состоятельные и кроме основного занятия—земледелия,—занимались и охотой на соболя.

---

[1]) Так в Сибири называют выжигание лесных площадей.

Отношение всего населения к нам, ссыльным, было больше, чем доброжелательное. Мы всегда могли рассчитывать на бесплатную помощь в затруднительном положении и местные жители, приглашая нас на то или иное семейное торжество, выделяли как почетных гостей.

Еще по приезде в Тасеево Поляков стал хлопотать о разрешении поездки в Томск для операции руки и месяца через два, получив разрешение, уехал.

В Томске врачи указали, что операция руки бесполезна, что упущено время, и он вернулся опять в Тасеево.

Поляков был один из активных членов московской организации 1893 года. С.-Д. Р. П. в кружке С. И. Мицкевича. Умер от чахотки в Сибири, в Минусинске в 1903 г. Мы познакомились с ним в Бутырках. а затем мне пришлось жить с ним вместе в ссылке и ближе узнать его.

Как-то придя с вечеринки от общих местных знакомых мы, ссыльные,— был при этом и Рудольф,—стали делать шутливые замечания о бывших на вечеринке знакомых. Зная, что нахожусь в кругу своих, я стал делать замечания про ту или другую барышню, в числе которых была и дочь местного фельдшера, барышня, весом не менее шести пудов и вызвал среди товарищей хохот. Казалось, мои шутливые замечания этим и должны были окончиться, но через некоторое время, я узнаю, что сделанные мной смешные замечания стали известны всему селу и против меня ополчились барышни и их родители.

Я был крайне удивлен, узнав, что сказанная среди своих шутка, была передана кем-либо из них, да и сам я меньше всего хотел обидеть кого-либо из знакомых девиц.

Созвав всех товарищей, я поставил вопрос, кто мог передать наш разговор про вечеринку, но не получил ответа.

Предполагая, что это мог сделать лишь Рудольф, я высказал свое подозрение Ф. И. Полякову, но он по своей честности не мог допустить этого, а, наоборот, напал на меня за то, что я так думаю плохо о ссыльных товарищах.

Я настаивал и в конце спора, мы основательно с ним поспорили, знакомство было прервано и колония наша разделилась на две части. Я и Афанасьев с одной стороны, Поляков, Рудольф и Пржибыловский с другой. Так продолжалось месяцев пять.

Но вот, в Тасеево, приезжают еще ссыльные: Пайкес, портной рабочий из Вильно и вскоре за ним Михаил Александрович Сильвин, студент-юрист Петербургского университета.

Узнав про нашу ссору Сильвин, на другой же день по прибытии принялся за наше примирение.

Расспросив меня и Афанасьева по поводу ссоры с Ф. И. Поляковым, он предложил поступить так: обратиться к заседателю, чтобы тот показал статейный список К. Рудольфа. После некоторого колебания заседатель исполнил наше желание; оказалось, что Рудольф был австрийский шпион, был выслан в Тасеево, где и выдавал себя за политического ссыльного. Когда это выяснилось Поляков пришел к нам с извинением и очень был поражен происшедшим.

После выяснения и примирения, нами было подано заявление заседателю о том, что Рудольф не является политическим, сосланным за убеждения, а потому и в книге, приносимой из волости, расписываться мы не можем с ним вместе. Жители села, узнав, что Рудольф не политический, тоже отвернулись от него и ему пришлось уехать из Тасеево, они же после этого и сообщили, что виновником передачи нашего разговора был К. Рудольф.

Все мы были рады такому окончанию нашей ссоры, а с приездом Сильвина жизнь нашей колонии оживилась, мы стали получать нелегальную литературу, завязывать связи с Россией и жить полной жизнью.

Жизнь наша в Тасееве заполнялась охотой, хождением друг к другу и занятиями по самообразованию.

Как то Сильвин получил от В. И. Ульянова-Ленина книгу «Развитие капитализма в России» В. Ильин. Сильвин пригласив меня и других, стал читать и раз'яснять то или иное место книги и послал отзыв о ней в «Енисейский Листок». Происходили общие занятия, на которых Сильвин знакомил нас с разными системами философии: Сократ, Аристотель, Кант, Гегель и др.. Он был человек спокойный, отличительная его черта—отзывчивость к близким; заметно было, что тюремное заключение на нем отозвалось неблагоприятно, иногда он задумывался, но был хорошим товарищем и с его приездом наша обывательская жизнь переменилась.

Из жизни Тасеева мне почему-то более ярко запомнились двое местных сторожилов. Один из них Бурмакин, волостной писарь. Он держал в своих руках всю волость, благодаря бесправному положению крестьян, Бурмакин, что хотел, то и делал. Однажды за что то был приговорен один из проживающих в волости крестьянин к 25 ударом розок, но не успели десятники положить на лавку виновного, как тот схватил лежавший близ печки топор, ударил Бурмакина и перерубил ему правую руку. Хотя виновного и судили, но карьера Бурмакина кончилась и он жил имея мелочную лавочку.

Был один крестьянин, по фамилии Яковенко, мастер на все руки, сам он мало работал, занимался земледелием, больше работала его семья, он же любил погулять и с нами водил большую дружбу, любил поговорить и обсудить тот или иной вопрос его интересующий.

Человек очень умный и дельный, невольно хочется спросить не отец ли он нынешнего народного комиссара земледелия В. Г. Яковенко [1]).

Однажды Яковенко проходя мимо лавки Бурмакина, последний остановил его и стал пенять ему «умный ты человек и золотые у тебя руки, а вот не пользуешься своим умом и живешь так, зря».—Яковенко был навеселе.— «Ну, что-ж, ведь тебе лучше! Если мы все станем работать, так вы, лавочники, с голоду помрете! Ведь мы, такие как я, и даем вам жизнь».

Мы с Афанасьевым жили у крестьянина Федора Плеханова, типичного местного жителя «чалдона». Скупой на разговоры, как и все сибиряки, страстный любитель лошадей и скачек, он был не менее страстным охотником на соболей.

---

[1]) В. Г. Яковенко, уроженец села Тасеево, Канского округа, Енисейской губ.

Собака его «Соболь» была незаменима на охоте и была общим любимцем дома, в особенности это сказалось, когда дети местного заседателя, возвращаясь с охоты шутя застрелили «Соболя». Жена хозяина от горя не могла ничего делать, ни пить, ни есть, да и мы с Афанасьевым решили принять в этом деле участие, но, вечером, когда приехал с заимки хозяин и узнав что собака убита, попросил нас не вмешиваться; зная как любил хозяин «Соболя», для нас такое поведение казалось загадкой.

Через неделю после расстрела собаки, к нам на квартиру пришел в слезах заседатель и стал просить нас, чтобы мы упросили нашего хозяина оставить семью его в покое и тут же рассказал, что в течении одной недели у него отравлены: собаки, свиньи, а вчера и корова и он опасается за свою семью, чтобы ее не отравили и что это дело нашего хозяина.

Мы сначала отказались исполнить его желание, но после настойчивых с его стороны просьб, мы попросили нашего хозяина к себе в комнату, но он не пошел. Он утверждал, что он не знает, кто отравил животных заседателя.

Вскоре, заседатель перевелся в другое место.

Заседатель являлся полным хозяином нескольких волостей и по отношению к нам был непосредственным начальником.

Рассердившись за что-то на нашего товарища Феликса Пржибыловского, он донес на него, что он человек со средствами и выдаваемое ему пособие можно ограничить вместо 35 рублей в месяц 15 рублями.

Когда мы узнали об отказе заседателя выдавать полностью нашему товарищу пособие, Поляков, как выборный нашей колонии, подал письменное заявление—протест против неправильного действия заседателя и заявил: «До тех пор, пока не получит наш товарищ полностью пособия в прежнем размере, все мы ссыльные, находящиеся в Тасееве, отказываемся подчиняться правилам надзора».

Угрозы заседателя, конечно, не имели успеха и наша колония забастовала, отказываясь исполнять распоряжения заседателя.

Прошла неделя-другая, нас вызывают в Тасеевское волостное правление к приехавшему из Красноярска жандармскому офицеру.

Расспросив, почему мы отказываемся исполнять правила надзора и ознакомившись кстати и с нашим делом с Рудольфом, пообещав разобрать наш протест, жандарм уехал. Вскоре после этого Сильвина перевели в с. Ермаковское, а через некоторое время и меня в село Каратуз, Минусинского Округа.

Пособие Пржибыловскому все-таки стали выдавать полностью 35 руб в месяц, и это было делом настойчивости Ф. И. Полякова.

Расставаясь с Поляковым, я знал, что больше его не увижу, он был безнадежен: у него был туберкулез и, как после я узнал, он уже не увидал ту фабрику и своих товарищей по Москве, с которыми работал и за которых отдал свою жизнь.

Как Сильвину, так и мне, при от‘езде проводы устроили самые сердечные; нас провожали не только свои ссыльные, но и местные жители, высказывая глубокое сожаление по поводу нашего от‘езда.

Из села Тасеева, я получил письма в г. Красноярск, через который я должен был следовать в Каратуз.

Приехав в город я скоро разыскал тасеевца Брониковского, был у Скорнякова, тогда студента, и других.

Между другими поднадзорными, жившими в г. Красноярске я посетил также и А. А. Ванеева (арестов. вместе с Г. М. Кржижановским, В. И. Ульяновым-Лениным и др.). Он жил с женой Доминикой Васильевной. Сам Ванеев лежал больной, у него был туберкулез. Как-бы по иронии судьбы, Ванеевы занимали помещение за досчатой перегородкой которого жил филер Красноярского жандармского управления.

Худой, с впавшей грудью, иссохшими руками, он, употребляя большие усилия, приподнялся, чтобы поздороваться и, указывая на перегородку просил говорить тише. Узнав, что я еду через Минусинск, он попросил передать Г. М. Кржижановскому шубу, оставленную у него, бежавшим из Минусинска ссыльным. Получив шубу и записку в Минусинск, я возвратился к себе на квартиру, где я остановился проездом. Мне передали, что спрашивал про меня околодочный надзиратель, который и оставил записку. То был приказ в 24 часа выехать из города.

Легко было приказать выехать, но у меня, как и всегда, на счет денег было плохо.

На другой день я пошел на прием к губернатору и заявил, что высылаюсь неизвестно за что из Тасеево в Каратуз по его приказу и обязан в 24 часа выехать из Красноярска, а на дорогу денег у меня нет и я лишен возможности исполнить его приказания.

Губернатор приказал выдать мне на дорогу 15 рублей из его канцелярии и ушел. Получив деньги, я в виде премии получил и околодочного надзирателя, проводившего меня до квартиры, а с квартиры на пароходную пристань, где и посадил на пароход, для следования в Минусинск.

9-го мая 1899 года, я выехал из Красноярска, было довольно холодно, но шуба спасла меня и я доехал хорошо.

На пароходе я познакомился с почтовым чиновником, жителем Минусинска указавшим мне дом, где жил Г. М. Кржижановский.

Подойдя к дому я позвонил и стал ожидать. Немного спустя дверь открылась; передо мной стоял швейцар в ливрее. На вопрос, что мне угодно, я заявил, что желаю видеть тов. Кржижановского.

Пропустив меня, он просил подождать в приемной, а сам пошел докладывать.

Вид швейцара в ливрее, приемная, докладывание—все это, несколько меня смутило, но мне недолго пришлось задумываться над этим; ко мне вошел представительный мужчина, я подал записку, полученную от А. А. Ванеева и просил принять шубу.

Прочитав записку, он любезно возвратил ее обратно и улыбаясь об'яснил, что тут произошла небольшая ошибка: у вас написано Кржижановский, а моя фамилия Ржичевский и он тут-же заявил, что хотя он и не знаком лично с Г. М. Кржижановским, но слышал о нем и знает, где живет. Узнав, что я прямо с парохода, он предложил позавтракать у него. Видя такое ко мне отношение, я согласился.

Из разговора с ним я узнал, что он невольный житель г. Минусинска, высланный по распоряжению правительства, что он представитель одной из видных фамилий Польши, что он личный друг Фламмариона (астронома) и состоит членом Парижской Академии, а по книгам и научным приборам, бывшим у него, он на меня произвел впечатление человека ученого.

Беседуя, он подчеркнул свои симпатии к политическим ссыльным и тут же предложил прослушать Марсельезу, сыгранную им на рояле.

Поблагодарив за радушный прием, я в сопровождении данного им человека, отправился к Г. М. Кржижановскому, жившему на даче, не далеко от пристани, за протоком Енисея.

Передав записку и шубу, я рассказал им про случай мой с перепутанным адресом. Приняли меня очень хорошо, в особенности его жена Зинаида Николаевна. Среднего роста, всегда веселая, вся движение, с тонким юмором в разговоре, она на меня произвела хорошее впечатление, я невольно заражался ее веселостью.

Глеб Максимилианович, узнав, что я приехал из Красноярска, принялся расспрашивать про новости. В это время, 1899 год, в Петербурге шла забастовка, участие в которой принимали не менее 200,000 рабочих.

По тем вопросам, которые задавал Г. М. видно было, как нервно переживал он забастовку: это была ведь первая забастовка после ареста «Группы Освобождения Труда» и ареста кружка Сильвина, Саммера, Лежника, Лурье и др., а потому, ход и результаты ее были очень показательны.

Вдумчивый, серьезный, он не спеша, как бы делая анализ тому или другому явлению, разбирал все сведения, имевшиеся о забастовке.

К вечеру пришли еще знакомые, в том числе и В. В. Старков. Василий Васильевич Старков — инженер по образованию, художник по натуре, любитель спеть и сыграть на гитаре.

После чая все присутствующие у Кржижановского, пошли на гигантские качели, но и тут Г. М. принимал участие скорее как хозяин, у которого гости и все время, по тем или иным переспросам, видно было, что его мысли вращались вокруг забастовки.

Вечером я вместе с В. В. Старковым и другими пошел в город, где я остановился, имея ночлег и пищу, а на другой день отправился к Минусинскому исправнику, пред'явив свое проходное свидетельство о следовании в Каратуз.

День моего от'езда в Каратуз, был назначен дня через три с почтой. Имея время я побывал у ссыльных М. Н. Стояновского, Орочко (по процессу Гинсбурга), Сергея Александровича Мельникова и других. Мой приезд в г. Минусинск, совпал с тем моментом жизни ссыльных города, когда еще не улеглись страсти по поводу спора о побеге одного из ссыльных, кажется, Райчина организованном Влад. Ильичем, Старковым и Кржижановским. Часть ссыльных, пред'явила обвинение в том, что побег сделан был без уведомления проживающих в городе ссыльных и это могло повлечь внезапный обыск и арест людей имеющих нелегальщину.

Спор был настолько обострен, что для его решения, пришлось нарочно приезжать в Минусинск Владимиру Ильичу, жившему в с. Шуше, для разбора дела.

Приступив к разбору спора Владимир Ильич поставил вопрос: «Какие вообще имеются гарантии у ссыльных, что их неожиданно не арестуют?» Никаких. Арест может произвести по своему желанию любой заседатель и указание, что побег мог быть причиной обыска не основательно. Каждый ссыльный, ежедневно может быть и обыскан, и арестован и если небрежно относится к хранению компрометирующих бумаг, то это скорее вина персональная, чем вина бежавших ссыльных.

Покидая Минусинск я совершенно упустил из виду узнать кто живет из ссыльных в Каратузе, где я мог бы остановиться на квартире, а потому, и пришлось по приезде в Каратуз переночевать в волостном правлении.

На другой день, рано утром, ко мне в волостное правление пришел прилично одетый мужчина, с типичным русским лицом, с окладистой бородкой с проседью, и добродушно здороваясь, назвался окончившим 10-ти летнюю ссылку в Якутской области, и отбывающим 3-х летний гласный надзор полиции. Сослан был по народовольческому Харьковскому делу. Это был Алексей Николаевич Макаревский, ныне профессор Харьковского Ветеринарного Института.

Вид пришедшего сразу расположил меня к нему, а его шутливые замечания на счет моего багажа (не более 20 фун. с книгами) и довольно потрепанного костюма и у меня вызвали смех и были вполне резонны.

Денег у меня от полученных в Красноярске 15 рублей, почти ничего не осталось, почему я и не нашел возможным отказаться от предложенной им чисто товарищеской помощи. Забрав свой багаж я отправился к нему на квартиру и пока я обедал и пил у него чай, А. Н. нашел уже для меня квартиру, где я и поселился. Дня через четыре Макаревский пригласил меня с собой пойти в лавку, купил мне отрез на костюм и, спустя неделю, я щеголял по Каратузу в новом костюме.

За все пребывание Алексея Николаевича в Каратузе я имел у него обед и завтрак. Все мои попытки уплатить деньги за стол оканчивались неудачей, денег не брали, ссылаясь на то, что они оба с женой служат и в деньгах не нуждаются.

Жена его, Клавдия Федоровна, сибирячка Минусинка по рождению, окончившая Петербургскую школу лекарских помощниц, служила фельдшерицей в местной больнице и часто давала нам уроки по части соблюдения правил гигиены и чистоты. Квартира их была приютом для всех ссыльных, а ее добросердечное отношение к ним сглаживало неприветливость ссылки.

Вскоре ко мне в Каратуз приехал и М. А. Сильвин, быв. в Тасееве, а затем и я стал довольно часто бывать у него.

В с. Ермаковском в то время проживали, кроме Сильвина с женой, еще П. Н. Лепешинский с семейством, и В. К. Курнатовский, окончивший Женевский Политехникум.

В один из своих приездов, я вместе с Сильвиным и его женой пошли к Лепешинским и застали у них В. К. Курнатовского. Попали мы к обеду и, конечно, сейчас же сели обедать.

Среди других, сидевших за обедом, П. Н. Лепешинский выделялся своим ростом и широкими плечами; он был великаном среди нас. Только

расплывающаяся по всему широкому лицу улыбка, делала его каким то близким и незлобивым. Жена его, вечная хлопотунья, была почти на половину ниже его ростом.

И жена и сам Пантелей Николаевич имели одну привязанность,—это маленький ребенок. П. Н. все готов был потерять, лишь бы жив был ребенок. В отсутствии жены, когда он играл с Курнатовским в шахматы и обдумывал какой либо замысловатый ход, достаточно было раздаться малейшему крику ребенка, как П. Н. бросал игру, бежал к ребенку и, держа бережно в своих здоровенных ручищах хрупкое тельце ребенка, терялся, боясь каким либо движением причинить страдание ребенку.

Противоположностью ему был Виктор Константинович Курнатовский—вечный холостяк. Он на семейную жизнь смотрел как на обузу для революционера, который должен быть всегда ко всему готов.

Инженер по образованию, незаменимый товарищ, он своими рассказами о Швейцарии, так увлекал меня, что я готов был слушать его день и ночь.

Однажды мы были с ним на охоте и я спросил его: «Как странно, что вы инженер, в Сибири их мало, почему бы вам не поступить на службу куда либо?» Он ответил: «Я враг самодержавия и капиталистов, а потому и не желаю своими услугами и знаниями помогать им эксплоатировать рабочих».

Как то раз приехал я в с. Ермаковское к Сильвину летом погостить несколько дней. Неожиданно приехал к нему и Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Познакомившись с ним, мы разговорились и продолжали разговор, начав с вечера, часов до 2-х ночи.

Расспросив сначала, что я читал по рабочему вопросу, политической экономии, и другим предметам, Владимир Ильич предложил мне ответить на вопрос: «Что важнее для рабочих сейчас: экономические требования или политические?»

Зная по опыту, какими знаниями в то время обладали рабочие я ответил: «При настоящих условиях большой безграмотности среди рабочих, взятие политической власти не даст того, что нужно, и вот почему: нет ни опытных администраторов из рабочих, ни инженеров, ни ученых, ни людей, способных охватить с общественной стороны какое либо явление жизни и т. п. и, таким образом, все те жертвы, которые будут неизбежны, при борьбе за политическую власть, окажутся напрасными».

Немного помолчав, Владимир Ильич, опять задал вопрос—«а как вы и что разумеете под экономическими требованиями?» «Требования экономические»,—ответил я,—«есть этап неизбежный при развити капитализма. Сами фабрики и заводы, где скопляются массы рабочих, являются школой коллективного труда, но этому труду, недостает знания, необходимого для овладения производством, а отсюда и необходимы требования технических школ, специальные училища и т. п. для рабочих. Точно также необходимы охрана здоровья рабочих, их семейств, 8-ми часовый рабочий день, больницы, бани и хорошие помещения для жилья, чтобы дать молодому поколению здоровье и знание для дальнейшей борьбы за улучшение своего экономического положения».

«Все это так,—возразил он,—но меня интересует вопрос: как можно это сделать, если сейчас власть у лиц, сознательно не желающих дать именно то, о чем вы говорите, ведь поступая так, давая рабочим знания и исполняя их желания власть сама себя подорвет, а на это она не пойдет». «Об'ясните мне»,—продолжал он,—«как можно сделать, чтобы путем экономических требований стать господами положения?»

На этот вопрос я не сумел ответить. Тогда Владимир Ильич шутя сказал: «Вы сейчас в Сибири в ссылке, почему? да просто потому, что власть то ведь у них и вы чуть покусились на их барыши, как сейчас же вас сюда. Знайте, пока у рабочих власть не будет в руках, до тех пор, ничего у них не будет, ни школ, ни жилья и проч.

Отдельные рабочие могут изменить свои тяжелые условия жизни на лучшие, но как класс, рабочие не будут лучше жить. Этому учит история классовой борьбы»,—закончил он.

На другой день, уезжая, он пригласил приезжать к нему, и я несколько раз бывал у него.

Переписываясь с товарищами по ссылке, живущими в Минусинском округе, я получил письмо от Шаповалова (рабочего из Петербурга), чтобы под каким либо предлогом я приехал в г. Минусинск, а оттуда в село Шушу к Владимиру Ильичу, совместно с живущими в Минусинске Г. М. Кржижановским, Старковым и друг. для обсуждения и вынесения резолюции по поводу нашумевшего за-границей «кредо» Бернштейна, это было летом 1899 года. Я получил разрешение на поездку в Минусинск, где уже были почти все в сборе и мы на подводах отправились на с'езд.

По приезде в Шушу, все мы остановились в доме, занятом Владимиром Ильичем. После обычных расспросов и знакомств, с'ехались все ссыльные С.-Д., проживавшие в Минусинском округе. Тут были: Владимир Ильич с женой, Кржижановский с женой, Лепешинский с женой, Старков, Курнатовский, Сильвин, Шаповалов, Лежник, если не ошибаюсь Боромзин и Цедербаум (Мартов) и еще несколько человек—фамилию не помню. Всего человек 15—16.

Жена Владимира Ильича предложила сначала пообедать и попить чаю, а затем уже перейти к обсуждению доклада. Так и порешили.

Докладчиком был Владимир Ильич. После доклада и небольших прений была вынесена резолюция, осуждающая новое экономическое течение в немецкой С.-Д. партии, т. н. «Бернштейниаду».

Резолюция была подписана всеми присутствующими и отослана для напечатания за-границу Аксельроду. Заседание закончилось пением Интернационала.

Любителям хорового пения предложили остаток вечера, дополнить исполнением нескольких номеров пения.

Регентом был В. В. Старков и первое что было исполнено это песня, «Море синее, море бурное». Уже с первых стихов песни лицо Владимира Ильича приняло шутливое выражение и когда кончили, он откровенно сказал: «Стоило вам разучивать такую песню, лучше споем песню ссыльных революционеров».

Теперь уже прошло с тех пор много лет, всех слов я не помню, но приведу несколько, оставшихся в памяти, стихов. Песня была положена на музыку, если не ошибаюсь женой М. А. Сильвина.

Хотя голоса были не первые, но зато усердия было приложено больше, чем нужно, а потому и пение носило характер скорей индивидуального, а не коллективного.

Вот слова этой песни:

Что не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга,
В реве бури ухо уловляет
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело, мы над долей злой
Песней насмеемся удалой.
Утомленный жизнию кипучей,
Часто ты удел борца клянешь,
Час настанет и в тайге дремучей,
Отдых бесконечный обретешь.
Без расчета тратьте сил своих запас,
Все ровно Сибирь схоронит нас.
Если ссылки нас не сломят годы,
Муки эти даром не пройдут,
Научат они любить свободу,
Желчью переполнят нашу грудь.
Темперамент желчный делу не вредит,
Злоба силы в нас учетверит.

На другой день, простившись с хозяевами, мы раз'ехались по своим селениям.

15 января 1900 года, кончился срок моей ссылки и числа 20 я уехал в Минусинск для следования к своим родным в г. Екатеринослав.

Уезжая из Каратуза, я заехал проститься к Владимиру Ильичу и он остался у меня в памяти: среднего роста, высокий выдающийся лоб, отсутствие почти до половины головы волосного покрова, маленькая заостренная бородка, небольшие глаза при беседах и спорах делались еще меньше, обладали как бы разговорным языком «а что брат, я то ведь знаю каков ты парень, меня не проведешь» и, чуть заметная насмешливая улыбка.

Обстановка, в которой он жил была неважная. Бросалась в глаза бедность мебелью, предметами домашнего обихода.

В большой комнате, против окна, стояла конторка, довольно топорной работы, изделия местного кустаря, на конторке «министерская лампа», кругом масса книг и рукописей. Тут же рядом большой обеденный стол, несколько стульев и простой диван с деревянным сиденьем, вот и все.

1923 года
8-го марта.

А. СМИРНОВ

Революционное движение в Горлово-Щербиновском районе Донбасса

(Воспоминание)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Горлово-Щербиновский район, Бахмутского уезда, Донецкой губернии, охватывал в 1917 году 4 волости: Щербиновскую, Зайцевскую, Железнянскую и Михайловскую, с расположением 9-ти капитальных угольных шахт— Южно-Русского Общества № 1, 8 и 5 Ртутный и Угольный Ауэрбаха, шахта Фирсова, Щербиновский, Нелеповский, Северный и Байракский, с расположением на данной площади Щербиновской и Железнянской степей, до 150-ти средних и мелких крестьянских шахт, кроме угольной промышленности Горловский артзавод. Никитовские доломитный и цементный заводы и целый ряд других производств.

В общей цифре занятых на данной промышленности в 1917 г. было до 36.000 человек, одних только шахтеров. Данный район принимал свое участие в революционном движении в 1905 году, потеряв целый ряд товарищей, убитыми и сосланными в ссылку.

В 1916 году с апрельской-майской стачки одиночно на весь Донецкий Бассейн выступил длительной борьбой за улучшение материального положения, и также потерял до 12 товарищей, убитыми и ранеными.

Екатеринославский генерал-губернатор Колобов, надеялся трупами рабочих заставить молчать трудящихся-шахтеров, но безуспешно.

После ликвидации Майской стачки 1916 года в районе, в котором рабочие добились 25% прибавки, и потеряли убитыми 8 чел., а ранеными 4 человека, наступило затишье. Все принялись за обычную свою работу. В партийных кругах подполья, а их было 3 политических окраски: с.-р., меньшевики и большевики, большевики по своей численности составляли меньшинство, но, сильные духом, всегда в руководстве работой имели успех. После столь печального исхода майской стачки, которая должна была бы распространиться на весь Донецкий Бассейн, с.-р. и меньшевики, по своему обычаю, стали доказывать несуразность в это время забастовки. Они считали, что о всех требованиях экономического и политического характера можно будет говорить только после империалистической войны,

а теперь только необходимо работать и заниматься профессиональной работой. Эту политику можно было слышать от с.-р. и м-ков, как среди рабочих, так и на конспиративных собраниях.

Что было в центре и что предполагалось в ближайшее будущее определить или знать—было трудно.

Нашумевшее требование Государственной Думы Ответственного министерства с.-рам и меньшевикам давало жизнь, ибо их вся мысль сводилась к парламентаризму в лице Учредилки. С осуществлением республиканского строя, будет совершенно свободно достигнуто улучшение рабочего положения. Но этого всего нужно добиваться исключительно после ликвидации фронтов, а теперь, в силу существования Промышленных Комитетов, необходимо оборону Отечества не подрывать, так как большинство социалистов отказалось от стачек в день об'явления войны, и начавшееся во многих городах России рабочее движение прекратилось.

Не знаю что именно заставило всех, как большевиков, так и оборонцев встрепенуться. Началось обучение полиции стрельбе из пулеметов. Каждая группа по своему толковала это явление, но все-же с.-р. и меньшевики об'яснили это просто тем, что полицию, наверное, собираются отправить на фронт, ввиду усиливающегося недовольства солдат.

Но наше предупреждение было более правильное: не веря в наивность Протопопова, мы ждали кровавых событий в Петрограде.

Середина февраля давала это чувствовать на местах, но уяснить правильность никак не представлялось возможным и приходилось все расшифровывать, после всякого рода об'яснений с пассажирами проходящих поездов Москва-Кисловодск.

К этому времени возвратились, вынужденные скрыться после Майской стачки в 1916 году, т.т. Лапин и Острогорский.

В Горловском районе группы эсеров и меньшевиков были достаточно сильны, как теоретически, так и количественно, как-то: инженер—Лещинский, мастер Артзавода—Маслов, Касьянов, подрядчик рудника № 1—Баташев и т. д. Меньшевики большей частью были Плехановского толка, а с.-р—Черновского. Наши силы, в политическом отношении не могли сравняться с ними.

В ночь под 28 февраля, мы получили самые смутные сведения о том, что в Петрограде что-то неладное, а что именно, никто себе не мог уяснить, хотя, правда, 26 и 27 февраля администрация рудников и заводов чувствовала себя уже ненормально, но никаких поводов к разговору не давала.

Полиция также себя вела как-то безразлично, что и наводило нас на сомненье, не подготовляются-ли они для того, чтобы нас спровоцировать и после устроить бойню над рабочими, но сомнение рассеялось. За ночь выработали предварительные проекты и планы для руководства, а на утро 28 февраля, достоверно узнали о Революции в Петрограде; разошлись по рудникам с директивом и, подняв рабочих, проводили агитацию за разоружение полиции, за организацию Рабочей Власти с захватом всей административной стороны в свои руки. Директора сверх нашего ожидания, со свитой военных офицеров, чиновников, которых тогда в каждом предприятии

было достаточно, всяких госконтролеров, стали обходить цеха, поздравляя рабочих с Новым Правительством и увещеванием, что теперь необходимо работу усилить, так как мы теперь свободные граждане, нужно победить врага и не поддаваться провокации, так как немцы наверное разошлют своих шпионов для устройства стачек и т. д.

1-го марта нам не удалось снять рабочих с работы, но кроме этого, как это ни странно, меньшевики и эсеры не дали обезоружить полицию, выражая свое сомнение в том, чтоб новое правительство это одобрило. Посему не нужно на местах усугублять и без того скверное положение, ибо это может повлиять на оборону.

Дождались вечера. После шабаша пошли митинги, здесь меньшевики и эсеры об'единились, стали литься двухчасовые речи с Плехановской теорией. Как это ни смешно, но они в первый вечер рабочим читали лекции о том, как развивалась техника закабалявшая рабочего, а сверх этого во всем винили царя, а теперь, мол, царя нет и не будет, а посему труд будет легче и лучше оплачен (а о буржуазии вообще, как и о классовой борьбе рабочего с капиталистами-эксплоататорами—ни слова). Все само по себе устроится, ибо мы будем иметь президента, который будет подчинен Учредилке, словом, все благополучно; остается только ждать милости для рабочего, которую ему принесут. В заключение призыв усилить работу, работать, работать... К меньшевикам и эсерам примкнули как военные чиновники, так и вся интеллигенция, а, следовательно, и рабочие, восхищенные свержением Николая, да еще без всякой потуги на местах, внимают словам эсеров и клянутся довести войну до победоносного конца.

Наши индивидуальные выступления, с резкостью оттенявшие меньшевиков и большевиков, встречали недоумение среди рабочих, ибо меньшевики сейчас же затуманивали понятие рабочих, что это, дескать, одно и тоже, они РСДРП и мы, только у них последняя буква «Б», а у нас «М», это существенного значения не имеет, так как на одном с'езде в Лондоне в 1903 году там при голосовании резолюций—получилось большинство и меньшинство, а поэтому их прозвали «Б», а нас «М», но вождь у нас один, это Плеханов. О тов. Ленине или Троцком—они, конечно, не говорили ни слова.

Вечером, все-тахи, вопреки эсерам, рабочие решили обезоружить полицию, и поставить народную милицию. Меньшевики внесли предложение—создать Комитет Общественной безопасности, куда, конечно, сели сами. Во главе Комитета поставили инженера завода—Яницкого. Утром 2 марта устроили демонстрацию.

Полицию обезоружили и отправили, согласно предложения меньшевиков, в распоряжение воинского начальника. Демонстрацией руководили эсеры, с обычными песнопениями, а попытка с нашей стороны выступать против войны и за упразднение сверхурочных работ, встретила бурю негодования. Эсеры называли нас шпионами немецкими и нашего т. Острогорского побили, арестовали и решили отправить в Екатеринослав под арест. Итак, мы в первый день потерпели неудачу.

Собравшись на совещание на Ртутном руднике, мы (12 чел.), решили ковать железо, пока горячо. Имея за собой определенное число рабочих более сознательных, мы решили будировать рабочее сознание по цехам во время работы, собирая их в отдельные группы, а если удастся, то срывать с работы и митинговать. В основу положили лозунги—«Долой войну!» и «Долой сверхурочную работу!» а также улучшение материального положения рабочих и выборы в Исполнительные Комитеты по заводам и рудникам.

Должен сказать, что здесь у нас единственная была опора, это—пятерка Государственной Думы, попавшая в ссылку, среди которых был, известный Донбассу, тов. Г. И. Петровский. И вот на их именах мы решили выезжать, указывая, что они первые подали свой голос против войны, за что и были сосланы в Сибирь. Рабочие, при упоминании их имен, как рабочих, оказывали нам доверие, а когда мы выступили в защиту интересов рабочих, подчеркивая всю тяжесть поражения 1905—1916 гг., то здесь симпатия к нам усиливалась. И вот пошли ежедневные митинги и эксцесы с администрацией. Здесь еще выявилась третья группа—интернационалистов. Все они сообща обрушиваются на нас.

5-го марта приехал к нам из ЦК партии—Петрограда т. Грузман. Имея у себя товарища, присланного непосредственно с определенными директивами, мы приступили к решению организационного вопроса среди себя, чтобы впоследствии вести борьбу более реально и толково. Первым делом созвали совещание всех большевиков, которых набралось до 30-ти человек. Избрали Комитет Горловского района РСДРП(б) из 5-ти человек, в состав которого вошли: я, тов. Клипов, Тарасенко, Петровский и Грузман. Для работы по рудникам, образовали такие же комитеты. На Ртутном руководил т. Лапин; на Щербиновке—Острогорский; на Нелеповке—Дубовой; на Байровке—Бондаренко; на пятом—Седой и на других рудниках целый ряд других товарищей.

Таким порядком мы охватили весь район. Затем решили бороться за захват власти в свои руки, и, поэтому, назначили в каждый Исполком по одному представителю от партии большевиков, что сильно взбесило эсеров и меньшевиков. Я помню, как сегодня, что, когда я явился в Исполком с мандатом от нашего Райкома, то они подняли вой и заявили, «что этого не допустят», так как Совет выборный и назначать никто не может, тем более партия. Все же наши представители при Исполкомах остались.

В половине марта был нами назначен специально общий митинг рабочих завода и рудника № 1, где решили основательно дать бой эсерам. На митинге, на который собралось до трех тысяч рабочих из окружающих мелких шахт, узнали, что выступать будут большевики, в том числе приезжий из Петрограда тов. Грузман. Тема у нас была поставлена: 8-ми часовый рабочий день—без всяких сверхурочных. Рабочим данное выступление понравилось и все старания эсеров, ссылавшихся на необходимость обороны—ни к чему не привели. Была принята резолюция за

8-ми часовый рабочий день и 2 часа сверхурочных по желанию рабочих. В тот же вечер был назначен об'единенный митинг завода, с рудником № 1 и № 5, где вновь был поставлен вопрос о 8-ми часовом рабочем дне и Исполнительном Комитете. Присутствовало до 4-х тысяч рабочих; с докладом выступил т. Грузман, а с содокладом меньшевики и эсеры. Здесь нас провалили; меньшевики развили шовинистическую, патриотическую агитацию о необходимости обороны отечества.

Почувствовав наше слабое влияние среди рабочих, мы открыли запись в ряды нашей партии, ибо у нас не хватало партийных товарищей, для посылки на работу в Советы и Горно-Заводские Комитеты, которые были в руках меньшевиков. Нам, нескольким товарищам, необходимо было проводить разную партийную работу по всему району. Здесь удалось сверх ожидания. Записывались сотнями. Получали наши билеты и платили вступительные взносы (заметим, что в этот период ни у эсеров, ни у меньшевиков не были еще организованы комитеты и они всю работу вели на удачу, что мы и учли со своей стороны). За это время мы связались с Екатеринославом, получали оттуда директивы и для получения руководства, командировали в Петроград, в ЦК партии, т. Грузмана, а к меньшевикам в этот период приехал из Петрограда посланный ЦК, для работы в Донбассе—Трубицын, который приступил к об'единению меньшевиков-оборонцев и интернационалистов с эсерами, что ему и удалось; потом они решили искать компромисс с большевиками, выдумывая разного рода комбинации, но безуспешно. Этим на одном из митингов они напакостили нам тем, что заявили рабочим: вот, дескать, каковы большевики; свобода всем нужна и царя нет, а они не желают совместно работать, а все стараются поссорить рабочих друг с другом. Ты, дескать, меньшевик, а я—большевик; а ведь все одинаково сидели в тюрьмах и боролись за свободу. Вот Керенский и т. д. за рабочих стоит потому, что он социалист-революционер, а большевики хотят чтобы немцы нас победили, тогда опять нам посадят царя. Конечно, такая демагогия сбивала рабочего с толку: он гнулся и направо и налево. В те дни, кто что ему не скажет, все правильно и он всем апплодирует. Тогда мы решили читать в своем комитете лекцию о том, что такое большевики и меньшевики, и кто поддерживает войну и кому она нужна. Этой упорной агитацией мы закрепляли за собой рабочих.

В общем, март м-ц прошел в лихорадочной борьбе с меньшевиками и эсерами за овладение рабочей массой и мы оказались на высоте против своих противников; с каждым днем наше положение среди рабочих укреплялось.

Начало апреля м-ца вызвало у нас несколько попыток со стороны меньшевиков к об'единению. Меньшевики доказывали, что данное об'единение будет достигнуто и его необходимо произвести с низов на местах, для того, чтобы центр видел неизбежность слияния; но с нашей стороны всегда ставились принципиальные условия, что они вливаются к нам и исполняют нашу программу. Меньшевики и эсеры коробились и откладывали вопрос, а между тем рабочие, наблюдая за нашей непоколебимостью, стали теснее группироваться вокруг большевиков, и в скорости же мы потребовали

перевыборов Исполкома. Меньшевики отнекивались, что комитет недавно выбран и они имеют полномочие на три м-ца, считая наши требования незаконными. К этому моменту прибыл из Петрограда эсер Маслов, который был на похоронах жертв февральской революции и, как очевидец, расписал все, что он видел, восхвалил преданность Временного Правительства рабочим, в том числе Керенского. После митинговой своей речи, он потребовал от рабочих клятву—для поддержки Правительства и доведения войны до победного конца. Конечно, шатающаяся часть рабочих дала свое слово и нам после него не дали выступить, чем и сорвали перевыборы Исполкома. Временное Правительство опубликовало двухсмысленную декларацию—об отказе от аннексий и контрибуций. Здесь уж мы сделались хозяевами положения, раз'ясняя рабочим мысли Милюкова о захвате Дарданелл, следовательно, продолжение войны на несколько лет. Рабочие после многочисленных митингов отшатнулись от меньшевиков и поддержали наши требования—о перевыборах в Исполкомы. Эсеры во главе с Трубицыным пытались путем провокации сорвать перевыборы. Они пригласили комиссара милиции, с несколькими милиционерами, спрятали их в совете, где решили арестовать меня и тов. Клипова, обвиняя нас в разложении завода, работающего на оборону, но нас предупредили и мы сейчас пошли в цех к рабочим и об'явили о намерении эсеров. Рабочие, оставив работу, сошлись во дворе и потребовали удаления с завода начальника милиции и перевыборов Исполкома. Тогда эсеры предложили рабочим разделиться на две группы, кто за большевиков налево, а кто за Россию—направо. Эту провокацию нам еле удалось об'яснить рабочим и разделяться во избежание нежелательных эксцессов мы воспретили, ибо здесь было до 3-х тысяч рабочих и мог бы быть провокационный выстрел. После долгих пререканий, мы приступили без всяких урн к перевыборам в Совет. Совет в большинстве остался наш. С приездом Г. В. Плеханова, меньшевики и эсеры делали неоднократные попытки, оперируя его именем на митингах и собраниях, стушевать авторитет большевиков, но все их старания оставались без результата. Рабочие остались с нами.

Через короткий промежуток времени, прибыл в Россию В. И. Ленин. Его приезд внес действительное оживление, не только в ряды нашей партии, но и немалое смущение в ряды меньшевиков и эсеров. Не хватало дня и ночи для бесконечных митингов—в обсуждении личности Ленина, как великого политического деятеля. К этому времени наша районная организация подкрепилась многими сознательными рабочими и мы имели у себя хороший резерв, а посему и решили приступить к ликвидации рудничных и заводских исполнительных комитетов, и создать один районный исполком, который обслуживал бы все 36 тысяч рабочих, и, таким образом, сэкономить силы для работы на местах по рудникам. Взамен же Исполкомов создать Горно-Заводские Комитеты, а где будет необходимость, то советы старост. Этим самым многие товарищи освободились для агитационной работы.

Поднятый буржуазной сворой крик и вой, в связи с прочитанными т. Лениным—в Таврическом Дворце—знаменитыми тезисами о задачах

пролетариата в русской революции, нам дало много пищи для работы, а меньшевикам и эсерам для бешенной контр-агитации и беспрерывных обвинний нас в демагогии и в разрушении земли русской и т. д. Дошло до того что после пресловутого Бурцевского обвинения в шпионстве т. Ленина, как прибывшего в «запломбированном вагоне», нам пришлось сократить агитацию о захвате помещичьих земель до времени, пока рабочим станет более ясной вся та ложь и клевета, какие обрушились на т. Ленина, ибо после всей поднятой меньшевиками кампании, все наши предыдущие работы пошли вверх тормашками. Рабочие более шаткие, а их было большинство, стали на распутьи и, отмахиваясь от нас и от меньшевиков, кричали «Дай нам партию Керенского, больше никого не хотим признавать». Но наша работа шла своим чередом. Устраивая групповые и общие митинги, мы с каждым днем раз'ясняли рабочему ту провокацию и ложь, которую бросали буржуазные наймиты по адресу т. Ленина. К этому времени мы стали получать из Петрограда газету «Правда», брошюры, усиленно распространяли их среди рабочих, а также приступили к выпуску листовок и сбору денег на наши газеты, для «Правды» и Екатеринославской «Звезды». Но приходившая газета «Петроградские Известия Совета Рабочих Депутатов»,—а она приходила ежедневно—давала отвратительную пищу для рабочих, ибо в ней писали, что все и вся против большевиков, а к тому еще в изобилии буржуазные газеты, которые без конца лили грязь и помои на большевиков, и не переставая натравливали рабочих на т. Ленина.

Встреча 1-го мая. С нашей стороны подготовка была сделана с определенно-строгой обдуманностью; мы наметили своих ораторов, дали им темы для выступлений; порядок шествия был согласован с нами и меньшевиками, а к тому еще к нам—большевикам—присоединились П. П. С. и Бундовцы. Под наше знамя собралось большое количество рабочих (праздник был устроен общерайонный), со знаменами. На многих был лозунг: «Да здравствует Диктатура Пролетариата». Впереди шествия было знамя нашей партии.—Стройные колонны с революционными песнями пошли к месту общего празднования, но по пути мы узнали, что эсеры выдумали фигуру свободы с ликом попранного Протопопова, движущегося на колесах и эта эмблема должна итти к месту торжества. Мы об'явили рабочим, что идем на братскую могилу погибших товарищей и там проведем наши воспоминания. Рабочие согласились, откололись от эсеров и пошли за нами. С эсерами осталась одна интеллигенция, городская торговая буржуазия, которая вслед нам метала громы и молнии. Праздник удался на славу. Рабочие с нами были со всех рудников до 25-ти тысяч с работницами. Здесь эсеры сделали попытку сорвать наш общий митинг, но потерпели неудачу, зато на одной из братских могил, когда выступил с речью наш товарищ, Подольский, то эсеры в отместку об'явили Подольского—немецким шпионом и избили.

В последующие дни мы задались целью во что бы то ни стало вышибить меньшевиков и эсеров из Исполнительных Комитетов и взять фактически руководство всей жизнью районов в свои руки. Для этого нам,

необходимо было иметь свое большинство. Мы на всех митингах и собраниях доказывали рабочим, что материальное положение не улучшится до тех пор, пока не будет проведен контроль рабочих над предприятиями, а этого можно достигнуть только тогда, когда Исполкомы и Горно-заводские комитеты будут под влиянием большевиков. Нам пока удалось выбросить из Исполкома председателя Маслова—эсера—и ввести несколько наших товарищей.

Необходимо напомнить, что среди меньшевиков и эсеров было пол процента рабочих, а если за ними и шла рабочая масса, то только потому, что большинство было опьянено свержением Николая и агитацией оборонцев—о скорой победе над немцами.

Общим собранием большевиков (а наша организация насчитывала приблизительно до 60 чел.) был избран и послан на Всероссийскую Конференцию РСДРП (большевиков) в Петроград т. Грузман.

В этот период эсеры и меньшевики, во избежание создания общерайонного совета с нашим большинством и одновременно основательного своего провала, скомбинировали районный Исполком Совета Рабочих Депутатов, который один раз в неделю собирался на пленум—в Никитовке, для обсуждения вопросов, как политических, так и административного характера. Имея за собой большинство они проводили свои резолюции и всякого рода постановления. Но, видя, что таким путем, принимая общую резолюцию, мы обязываемся исполнять постановления меньшевиков и эсеров, каждый раз когда не удавалось провести наши принципиальные вопросы, срывали пленумы. А на тех рудниках, где было наше большинство, мы всецело проводили свои решения, не допуская меньшевиков. Однажды, на таком пленуме районного совета, эсеры поставили вопрос о признании коалиционного правительства с тем, чтобы опубликовать резолюцию от имени рабочих шахтеров Горлово-Щербиновского района, о поддержке Временному Правительству и войне до победного конца. Мы выступили против, требуя власти Советов; когда мы увидели, что мы в меньшинстве и наша резолюция провалится, то сорвали общий пленум, не дав вынести никаких постановлений.

Кроме обычных беспрерывных митингов, устраиваемых ежедневно, как нами, так и эсерами, и возникавших самочинно, приходилось в выступлениях вести борьбу с оборонцами-эсерами за полную передачу власти Советам и пояснить рабочим провокацию, которая без конца выявлялась как буржуазными газетами, так и меньшевистскими. С особенной силой мы выступали за немедленную передачу земли крестьянам.

В момент об'явления Кронштадтом себя независимым от Временного Правительства, травля против большевиков усилилась: большевики, мол, помогают немцам захватить Россию и этим самым поработить русскую нацию. Параллельно указывали на шовинизм немцев и т. д.

Перед всем этим напором желтой и эсеровской травли нужны были героические усилия группы большевиков, чтобы противостоять и еще захватывать с каждым днем административную власть в свои руки. Должен отдать справедливость тогдашним рабочим, вступившим в нашу партию

и стойко отражавшим натиск противников с полным сознанием правильности пути, который указывала партия большевиков: это были товарищи Петровский—рабочий Артиллерийского завода, т. Фурсов—шахтер с крестьянских шахт и ряд других товарищей.

В первые дни июня, усиливая свою агитацию, мы в партийном комитете решили провалить меньшевистскую газету «Известия Горлово—Щербиновского района», которая распространялась по всем рудникам в обязательном порядке, с удержанием от местных Горло-Заводских комитетов с платы; мы сейчас же скомпрометировали издание газеты, как не защищающее интересы рабочих и не печатающее резолюций митингов, не стали не только давать средства на газету, но и самую газету не допускали для распространения на рудниках. Меньшевики усмотрели в этом с нашей стороны провокацию, подняли крик, но поправить дело не смогли, так как рабочие исполнили наши требования и деньги направляли для наших газет «Правды» и «Звезды». После долгой, абсолютно неорганизованной эсеровской работы, увидев, что у нас существует комитет партии и введена дисциплина среди членов, эсеры приступили к организации своего комитета и открыли запись. Запись у них пошла широкая; шли все и вся, кому не лень. Одних привлекал лозунг «Земля и воля», других то, что эсеры—партия, входящая в коалиционное правительство, и вдобавок с ориентацией на Керенского и бабушку Брешко-Брешковскую. Эта безалаберная запись через несколько недель разложила весь их комитет, ибо среди всей записавшейся массы не было видно никакой дисциплины, а каждый из них отвечал за себя лично и на всех выступлениях молол всякую ересь, кто во что горазд.

Этим временем мы усилили агитацию за организацию крестьянских земельных комитетов и за захват помещичьих земель, инвентаря и т. д., но, не имея еще в селах опоры, наша агитация шла слабо, не считая, конечно, частичного захвата крестьянами помещичьих земель, против чего Губернский Комиссар Екатеринослава беспрерывно слал угрозы и приказы о возвращении взятого крестьянами помещичьего инвентаря, но все угрозы ничего не помогали. Сделали было попытку и меньшевики своей контр-агитацией устрашить крестьян не трогать помещичьего хозяйства, во избежание того, что с фронта снимутся солдаты и расправятся с крестьянами за захват, а с рабочими—за агитацию. Они указывали на еще более страшное: на открытие солдатами фронта немцам, что грозит гибелью революции. Одновременно наш комитет подготовлял рабочих для обще районной стачки, каковая должна быть проведена в обще-донецком масштабе, под руководством из Харькова, ибо материальное положение рабочих с каждым днем становилось все хуже и хуже.

В середине этого м-ца шла подготовка к первому Всероссийскому С'езду Советов—в Петрограде. Агитация усиливалась с нашей стороны, как и со стороны меньшевиков, а эсеры указывали на необходимость посылки на с'езд и от крестьян совместно с рабочими (т.-е. произвести выборы на одной совместной конференции с рабочими). Мы отлично понимали, что крестьян будет большинство и они своим голосованием за эсеровскую

резолюцию провалят нас, не дав ни одного места, но делать было нечего; созвали в Никитовке с‘езд с крестьянами вместе, где сразу обнаружилось, что их большинство; все же мы решили выставить свою резолюцию самостоятельно. Самых важных два вопроса, это—мир и власть советов. Меньшевики и эсеры с интернационалистами составили блок, а мы остались одни. В президиум мы прошли меньшинством. Председателем с‘езда прошел меньшевик Трубицын. С нашей стороны выступал с докладом товарищ Грузман, по вопросам о мире и о власти советов. После долгих прений, как одной, так и другой стороны, нам удается большинство крестьян склонить на свою сторону и при голосовании резолюций проходят наши. Увидев свой провал меньшевики демонстративно покинули с‘езд. Мы же с‘езд вели до конца, избрав двух большевиков—т.т. Грузмана и Дубового и 2-х беспартийных шахтеров. Когда меньшевики узнали, что мы послали на с‘езд представителей, пришли с Трубицыным во главе ко мне для переговоров, чтобы уступить им два места, в чем было отказано и демонстративная посылка ими двух делегатов на Всероссийский с‘езд там не была признана.

Для срыва агитации Керенского за войну до победы мы имели хорошую почву; рабочие нас поддерживали потому, что война им надоела, а, главное, рабочие никогда не могли узнать от меньшевиков, когда будет конец этой войны. Выступление эсеров с попыткой воздействия на патриотическое чувство рабочих не имело никакого успеха. Заем свободы, который пытались провести коллективом по рудникам и заводам среди рабочих через конторы предприятий, не имел никакого сочувствия рабочих, ибо нам ясно говорили, что за данные деньги будут продолжать взаимное истребление рабочих, которое и так уже длится четвертый год. Напоминая, что за протест против кредитов на войну пострадали наши депутаты в Государственной Думе: т.т. Петровский, Самойлов, Бадаев, Шагов, Муранов, меньшевики и эсеры пытались указать на германских рабочих, которые дают заем на войну для убийства наших рабочих; но и здесь потерпели поражение пояснением рабочим о протесте, высказанном в Германском рейхстаге Карлом Либкнехтом, который также старался отвести рабочих от братоубийства. Нам удалось организовать демонстрацию рабочих и работниц всего района; с протестом против подготовления наступления и требования мира.

Развивая организацию Профсоюза, мы не выпускали их из под своего влияния, хотя в управлениях большевиков было проведено меньшинство в силу недостаточного количества товарищей, но все же работу поставили так, что все принципиальные вопросы разрешались общим собранием и так как инициатива организации Профсоюза была наша, то рабочие на общем собрании голосовали за предлагаемые нами резолюции.

Неожиданно к нам в район прибывает целая делегация матросов Черноморского флота для проведения по рудникам и заводам митингов, с целью сбора золота и серебра, а также продажи займа свободы коллективным порядком. Митинги целых поселков созывались посредством трубачей. Меньшевики и эсеры оказывали всяческое им содействие, чувствуя своих

родных собратьев. На всех без исключения митингах нам пришлось оказывать всяческое противодействие, чтобы сорвать как сбор, так и подписку на заем и не дать ввести рабочих в заблуждение. Наши выступления имели свое воздействие и рабочие хотя колебались, но не голосовали. Тогда эсеры призвали проклятье на головы большевиков, выставляли обвинение рабочим, в предательстве фронтовиков германскому милитаризму. Вся интеллигенция, от конторского служащего до директора, совместно с торгашами подняла вой, с угрозами рабочим, что данная делегация, возвратясь в Севастополь, об'яснит поведение рабочих и Черноморцы придут сюда вооруженные и силою пошлют на фронт тех, кто не помогает фронту, и вернут тех, кто сидит по три года в окопах, но все угрозы не оказали своего должного воздействия. Подаяние и запись рабочими не поддержалась, но как раз во время этого митинга на Артзаводе, когда все думали, что угроза Черноморцев сломит сопротивление рабочих, получаем телеграмму: «Всем, всем. Черноморцы Севастополя захватили власть и передали Совету Рабочих Депутатов». После оглашения данной телеграммы радости рабочих не было конца, а прибывшие Черноморцы совместно с эсерами пытались опровергнуть данную телеграмму, предупреждали, что она может быть провокационная, но все же вынуждены были покинуть завод ни с чем и в тот же вечер уехать на Севастополь.

Немало усилий пришлось положить во время выборов делегатов на Всероссийскую Конференцию Профессиональных Союзов в Петроград и все же список прошел наш: на с'езд был послан я.

Продолжая постепенно связываться с Макеевкой, Юзовкой, Енакиевом и Бахмутом, мы не имели времени на выезд в данные районы для организации большевистских ячеек и разрушения эсеровской и меньшевистской работы. Немало противодействия оказывал Юзовский меньшевик—Мишкин (ныне большевик), а также в Енакиево эсер доктор Тавшевадзе и Гинзбург, все же им приходилось с каждым днем терять свое влияние среди рабочих.

Пресловутое наступление Керенского—18 июня (по ст. стилю), которое было проиграно, немало расшатало нашу работу. Первым делом пошла провокация и обвинение большевиков в предательстве, измене и т. д. Рабочий, какую газету ни возьмет, всюду обвиняют большевиков. Вновь появился на сцене запломбированный вагон, наступило великое торжество для эсеров и меньшевиков, они на митингах и общих собраниях совершенно уверенно доказывали рабочим, что это так и есть и довели агитацию против большевиков до того, что стали раздаваться крики «бей большевиков!». Нашей организации пришлось на время укрыться, спрятав свои документы и бумаги, а самим направиться на более надежный ртутный рудник и переждать пока утихнет погромное настроение. В эти дни меньшевики и эсеры, случайно встречаясь с нами, не только не здоровались с нами, но и не глядели на нас, как на уличенных доподлинных шпионов Германии. Прождав в таком изгнании три дня, увидев, что погромный пыл немного стих, разошлись каждый по своим рудникам и заводам и первоначально по мастерским, а потом и на митингах стали об'яснять рабочим причину

проигранного наступления. Эсеры делали попытку сбросить нас с трибуны, но рабочие, заинтересовавшись кто же именно виноват, усмиряли эсеров и, слушая нас с большим желанием, охотно вновь примыкали к нам. Так мы в период 3-4 дней вновь восстановили свое прежнее положение, после чего рабочие уже не обращали большого внимания на истерику эсеров.

Мы решили осуществить наше майское постановление, т.-е. приступить к организации районного совета рабочих депутатов, упразднив меньшевистский райисполком и местные рудничные, заводские исполнительные комитеты.

Учитывая необходимость строгого учета и распределения малочисленных работников, мы не имели возможности заполнять столь многочисленное количество существовавших всякого рода Исп. Ком., Горно-заводских комитетов и институтов старост, плюс к тому еще комитет общественной безопасности. К концу июля мы созвали, после усиленной агитации, общерайонный с'езд, рудничных и заводских И. К. С. Р. Д., где предоставили большинство беспартийным, сочувствующим большевикам и избрали Горлово-Щербиновский районный Совет рабочих депутатов, в составе 40 человек, выделив постоянный Исполнительный Комитет—12 чел., председателем которого был избран я. Центр мы образовали в Никитовке. Таким образом, мы об'единили под единым руководством Щербиновку, Ртутный, Горловские рудники, завод и Байрак со всеми мелкими шахтами, а для влияния на жел. дороги втянули и представителей железнодорожников.

Железнодорожники были настроены по-меньшевистски, и наше появление на территории станций в одиночку в Никитовке, Горловке, и др. было не безопасно со стороны железнодорожников, но они нас не избивали в силу боязни, зная, что за нами тысячи рабочих; все же мы создали свой центр при ст. Никитовка—в центре наших противников—эсеров и меньшевиков.

А через несколько дней мы созвали крестьянские волостные земские самоуправления, об'единились с ними, дав им в совете 4 места. Этим самым подорвали работу волостных самоуправлений и подчинили их себе. Затем последовательно реорганизовали во всем районе милицию, назначили комиссаров милиции рабочих, преданных, совету.

Эсеры и меньшевики, увидев свое поражение, об'явили Никитовку городом и создали в противовес нам Городское Самоуправление, имея в виду выхватить у нас из рук управление Никитовкой, как в административном, так и в хозяйственном отношениях, но мы через Совет постановили: самоуправление распустить, подчинив Никитовку Совету.

Ведя свою партийную работу в районном комитете партии при нашей цитадели ртутного рудника, в который входили т.т. Грузман, Лапин, Дубовой, Острогорский, Амилехин, Вайнер и я, мы ни на один час не выпускали из виду ни одного рудника. Стоило только прослышать, что где-то меньшевики собираются выступить на митинге,—а эти митинги тогда были сплошной эпидемией—как мы по силе меньшевиков, командируем наших товарищей и этой организованностью мы их всегда разгоняли, а наша прямота, открытая свободная речь без всяких ужимок придавала рабочему веру в большевиков.

Дни 3 и 5 июля, расправа в Петрограде над большевиками, с болью отозвались на рудниках. Эсеры в своих выступлениях комментировали это выступление на все лады и чуть ли не с оффициальными документами в руках выступали, доказывая рабочим явную измену большевиков делу рабочих и революции и требуя запрещения выступать нам на митингах. Вновь вернулись дни поражения наступления Керенского, вновь пришлось дни и ночи напрягать усилия, чтобы рассеять перед рабочими туман провокации и не дать втянуть рабочих в шовинизм. Но как ни трудно и тяжело было, все же значительно, легче в сравнении с первой меньшевистской реакцией, удалось удержать рабочих путем упорного раз'яснения смысла провокационного разгрома наших партийных и рабочих профессиональных организаций юнкерами и казаками. На общих митингах вынесли резолюцию протеста против коалиционного правительства, которое явно вело борьбу с рабочими организациями, а в связи с введением на фронте смертной казни, нами была устроена грандиозная манифестация, с лозунгами «Вся власть Советам!».

Июльские события в Петрограде дали пищу для большого шума эсерам и меньшевикам, но нам послужили хорошей школой и уроком, как относиться и бороться с мелко-буржуазными партиями.

Наш Райсовет, расширяя свою работу, укреплялся с каждым днем; рабочие и беднейшее население увидели в нашем совете определенную мощь, оказывали ему полное содействие, а непокорных мы подчиняли административным порядком. Директоров и заведующих рудниками мы подчинили горно-заводским комитетам, поставив всю администрацию под надзор комитетов. Инженеры и штейгера, которые тогда начали немного лукавить, были твердой рукой призваны к порядку. В этом они усмотрели насилие над личностью и завопили, что будут жаловаться своим правлениям и комиссарам губернии, что мы срываем и деморализуем предприятия. Были с их стороны попытки уклонения от исполнения предписаний Совета, но за это их немедленно арестовывали, а меньшевики и эсеры только и кричали о том, что мы вводим в стране анархию и разрушаем предприятия, но вводимый нами контроль с каждым днем укреплялся. Ни одно заседание правления рудника или завода, без участия Горло-заводского комитета, не могло заседать. Бывали случаи, что рабочие, того или другого строптивого инженера или штейгера вывозили на тачках с предприятия и администрация, видя, что везде и всюду могут только большевики оградить их благополучие, стали обращаться к нам каждый раз для ликвидации конфликта— между ними и горным комитетом.

Первоначально организованные меньшевиками паритетные конфликтные камеры, которые улаживали претензии и всякого рода требования рабочих между предприятием стали пустым местом и мы их заменили для населения примирительными камерами, а тяжбы между предприятиями и рабочими постановили передавать в конфликтный отдел при Совете Рабочих Депутатов. И здесь в особенности кулаки, владельцы мелких шахт, стали чувствовать, что их право начинает рушиться, а право рабочих совет защищает всей полнотой своей власти.

Постепенно упраздняя меньшевистский комитет общественной безопасности, мы всполошили эсеров тем, что выбивали их со всех углов и они бросились в села и деревни, волостные управления, с целью подготовки агитации к выборам в Учредилку и противодействия нам из села; меньшевики же остались частью на рудниках, продолжая свою оборонческую проповедь, а частью пошли в продовольственные комитеты зашибать копейку.

Итак, август м-ц нас застает в более благоприятной обстановке: Совет был наш, горно-заводский комитет также, в административном отношении мы являемся хозяевами, но меньшевики не оставили нас в покое. Пользуясь своим присутствием и связью с мобилизационной комиссией, при воинском уездном присутствии, они решили через посредство этой комиссии снять с учета военно-обязанных при предприятиях ответственных наших товарищей, выслав их на фронт и, обессилив нас, вновь захватить власть в свои руки. Комиссия эту миссию проделала, так как в ней большинство было эсеров. Мы получаем сведения, что некоторые товарищи, пользующиеся авторитетом среди рабочих, мобилизованы и им в трехдневный срок приказано явиться в воинское уездное присутствие. Так, с Горловского Артзавода попал тов. Клипов и другие и много с рудников передовых наших рабочих. Тогда мы решили на заседании Совета, под моим председательством, не дать ни одного рабочего на фронт и впредь воинскому начальнику в Бахмуте не подчиняться, а также все его распоряжения, без санкции нашего совета, считать недействительными. Об этом мы поставили в известность рудники, заводы и управления предприятий и предупредили, что какие бы то ни было списки, которые будет требовать воинское присутствие, направлять к нам в Совет. Рабочие ожили, одобрили наше постановление и еще тесней сплотились вокруг нашего совета.

Но зато эсеры и меньшевики взбесились. Они никак не ожидали с нашей стороны такой смелости и такого противоядия против их предательского намерения выхватить наших товарищей и отправить на фронт с целью вновь стать во главе руководства рабочими, чтобы предавать их на пушечное мясо буржуазии.

Не остался молчаливым и воинский начальник. Посыпались к нам письменные угрозы и приказы—отменить наши распоряжения. В случае неподчинения, он грозил арестом. Эсеры вторили, требуя покорности, ибо дело может дойти до того, что пришлют военную силу, нас арестуют, а Совет распустят и не дадут его вновь избрать. На все это мы отвечали отказом и требовали невмешательства в наш район, где хозяином является Совет. Так по нашему и осталось.

Сформировавшееся коалиционное правительство, с вхождением в него эсеров и меньшевиков, для Горлово-Щербиновского района не существовало, а если и существовало, то только как об'ект ненависти.

На одном из пленумов Совета мы внесли предложение об уничтожении всех буржуазных газет, приходящих в наш район. Меньшевики протестовали, указывая, что рабочие должны читать все газеты, а мы им только должны раз'яснять суть буржуазной печати; но мы учли, что наша печать

слаба, а после разгрома наших типографий количества наших газет не хватает. Свое постановление мы провели в жизнь. На каждом приходящем поезде идет осмотр багажного вагона, выбрасываются все буржуазные газеты, а вслед за ними и эсеровские, и уничтожаются. Данную работу было поручено проводить тов. Петровскому—рабочему арт. завода, который с достоинством ее выполнял. Поднялся поистине стон не только интеллигенции, но и эсеров с меньшевиками, которые кричали, «что это посягательство на личность человека и свободу печати» и угрожали тем, что от нас все отвернутся, ибо если мы сейчас не даем свободы печати, то при нашей власти будут невыносимые условия. Нас называли варварами и дикарями, говорили, что мы навязываем силою свою идею и т. д., а эсеры стали грозить нам индивидуальным террором.

Арест т.т. Троцкого и Луначарского, а также розыск т.т. Ленина и Зиновьева, внесли на рудниках в среду рабочих смутное понимание истинных причин их вины. Ведь эсеры то и дело рабочим указывали на то, что если бы большевики не были немецкими шпионами и если бы они не губили революцию, то революционное правительство без вины не арестовывало бы их, и если Ленин и Зиновьев—истинные социал-демократы, то почему они укрываются от демократического правительства, а не идут смело на суд доказать свою правду перед рабочими. Если они не боялись Романовского суда, то нашего демократического они не должны избегать. Значит они чувствуют себя виновными и т. д.

Все это будоражило умы рабочих до того, что хоть возьми, да уходи из завоеванного нами Совета рабочих депутатов, а это означало устраниться от выборов в Учредилку. На нас стали смотреть не иначе, как на врагов революции и мы твердо решили давать отпор. С непоколебимой верой в успех наших завоеваний и памятуя, что мы здесь обязаны оказать всяческую поддержку Петроградским рабочим и оказывать сопротивление всеми способами буржуазно-эсеровским кровавым расправам и не задумываться ни перед какими мерами, против нанесения ударов со своей стороны эсеровскому буржуазному произволу. Устройство рабочими беспрерывных общих собраний, резолюции протеста против действия коалиционного правительства и действий эсеров, вызывали с их стороны отпор. Они хотели затушевать свою погромную работу распространением легенды о том, что большевики хотели убить Чернова, что большевики всеми мерами не допускали эсеров ни к какой активной работе среди рабочих на рудниках. Мы направляли наши резолюции, как в нашу газету «Звезда»—Екатеринослав, так и непосредственно в редакцию «Петроградских Известий».

Распоряжение Керенского о переводе Николая II с семьей в Тобольск, поколебало веру рабочих, шедших за меньшевиками, лучше всякой агитации в то, что Николаю подготовляют бегство за границу, а, следовательно, сохранение за ним престола. Это ударило рабочих по головам хуже всякой травли большевиков, ибо здесь стали зарождаться среди рабочей массы страх за будущее, страх перед расправой над рабочими за участие

в революции по примеру Парижской Коммуны и рабочие к эсерам и меньшевикам стали питать все усиливавшееся отвращение и не обращали серьезного внимания на все их истерические вопли.

А все усиливающаяся война с поражением на фронтах русских армий, нервировала рабочих, ибо никто не мог сказать, когда же будет конец никому не нужной и затеянной буржуазией войны, когда рабочие смогут выйти из кабалы империализма, милитаризма, и все растущей дороговизны. Рабочие, убеждаясь из нашего настойчивого требования мира, что единственные противники буржуазии, это большевики, решили, что голосовать при выборах в Учредилку нужно только за список номер два большевиков.

И наша работа, как партийная, так и советская, проводилась в полном согласии с громадным большинством рабочих.

К этому времени мы фактически связались с Бахмутом, в котором был тов. Харечко Тарас и тов. Нагорный, которые вели отчаянную борьбу при земельном отделе Земской Городской Управы, ибо там было меньшевистско-петлюровское большинство, обладавшее громадным удельным весом в этом мещанском обывательском городе.

Исполнительный комитет Бахмута был ничтожный и ни в чем себя не проявлял, а управляли городом—городская и земская управы. Уездкомиссаром милиции был инженер Янцевич, посаженный домовладельцами, и защищавший принцип собственности.

Назначенное в Москве Государственное Совещание внесло нам немало лишней работы. Мы указывали рабочим, кто на него приглашен и какую цель оно преследует. Зная неустойчивость коалиционного правительства и желание буржуазии продолжать войну, рабочие к данному совещанию отнеслись самым критическим образом. Этому особенно содействовало отрицательное отношение к совещанию фракции большевиков и братание Церетели с Бубликовым. Последнее взбесило рабочих не меньше провозглашения Керенским Корнилова первым русским солдатом. Да и эсеры и меньшевики были удручены и вздыхали о том, что буржуазия, возможно, захватит власть и назначит своего диктатора, но возлагали надежды на Чхеидзе, Мартова, Дана, Либера, Чернова и т. д., что они не допустят нежелательных явлений, на большевиков же продолжали лить грязь и обвиняли их в том, что они мешают укрепиться демократическому правительству и помогают буржуазии захватить власть. Они утверждали, что от большевистских действий создается только анархия, а от анархии отвернутся не только рабочие, но и обыватели.

Получив сведения о протесте и забастовке Московских рабочих по адресу Государственного Совещания, эсеры были ошеломлены и никак не могли понять, что-же это означает. Они решили, что во всем виноваты большевики и с большевизмом необходимо бороться другими мерами, вплоть до высылки из пределов Российского Государства, а шахтеры из солидарности одобрили действие московских рабочих и со своей стороны на митингах выступали против политики, проводимой Керенским на московском Совещании. Когда прибыл для доклада с Московского Совещания—

эсер студент Гинзбург и в докладе о Совещании пытался подчеркнуть, что большевики своей безграмотностью чуть было не подписали приговор Рабочей Революции, то его освистали и не дали говорить.

К концу августа м-ца, к нам в район прибывает тов. Г. И. Петровский, долгожданный и горячо любимый Донецкими шахтерами. Хотя многие его лично не знали, но он всегда был для рабочих символом борца, смело об'явивший в Государственной Думе протест против империалистической войны.

Григорий Иванович Петровский по Донбассу—тогда Екатеринославской губернии—по выборам в Учредительное Собрание по списку шел первым, поэтому его привет воодушевил малодушных рабочих и убил влияние эсеров и меньшевиков. После продолжительных и неоднократных бесед с нами по вопросам о борьбе за власть и об эсерах он дал нам необходимые указания, как держаться в дальнейшем. На назначенные по рудникам и заводам митинги рабочих сходились от старого до малого слушать выступление тов. Петровского. До сих пор они о нем часто слыхали, а теперь желали и увидеть. На одном из таких митингов об'единенно назначенного рудником № 1 и Артзаводов в Горловке присутствовало рабочих до 50 тысяч человек. Собралась и вся интеллигенция, со своими «генерал-меньшевиком» Трубицыным, подрядчиком Аташевым, инж. Лещинским, эсером Масловым и т. д. Первым оратором выступил тов. Петровский, а противниками его вышеперечисленные лица. Здесь же выступил против тов. Петровского бывший прапорщик, эсер Красненко (ныне большевик, член ВУЦИК'а), который тоже лягнул большевиков: они, мол, ведут революцию к пропасти, а поэтому бегите от них, как от чумы. Вся аудитория рабочих доклады Петровского слушала с большим напряженным вниманием и рабочие были в восторге, увидев лично борца за интересы рабочих.

Все выпады эсеров и меньшевиков при всем их старании подорвать авторитет тов. Петровского, указывая на Малиновского и других провокаторов, изменивших партии большевиков,—ни к чему не привели. Даже рабочие рудника № 1, бывшие в большинстве оборонцами и все время шедшие за меньшевиками, после этого митинга приняли предложенную нами резолюцию. После об'езда нашего района тов. Петровский выехал в Дебальцево, куда я его сопровождал и где были проведены митинги. Главная тема у нас была—выборы в Учредилку. Дебальцево из себя представляло эсеровско-меньшевистское дно и по приезде туда тов. Петровского, там еще не существовало даже комитета партии большевиков, а если зачатки и были, то нежизнеспособные: местные железнодорожники, воодушевленные эсеровской агитацией, разгоняли Комитет. Перед выступлением тов. Петровского предварительно пришлось выступить мне, чтобы позондировать почву, ибо нельзя было надеяться, что выступление тов. Петровского закончится благополучно. С от'ездом тов. Петровского, Дебальцевцы неоднократно обращались к нам в Никитовку, чтобы им прислали какого-либо агитатора.

Работа в районе оживлялась с каждым днем, рабочие все больше и больше втягивались в революционную борьбу. Каждое новое политическое событие рабочих поднимало на ноги и заставляло их принимать участие в строительстве новой жизни. Советы уже стали принимать форму единственного управления, которое удовлетворяло все насущные требования рабочих. При такой твердой поддержке рабочих, наш Совет в конце августа решил: положительно овладеть всей административной властью района вплоть до железной дороги.

В этот промежуток времени проходили выборы в уездные и Губернское Земские Самоуправления. По нашему району прошли подавляющим большинством большевики, т.-е. рабочие голосовали за нас, и я был проведен в члены волостного, уездного и Губерн. (Екатеринославского) Земства; но мы на эту отрасль работы не обращали большого внимания и, побыв всего на одном пленуме Думы, больше не являлись, увидев бесполезность этой работы.

В Екатеринославе был созван первый Губернский С'езд Советов, на нем было представлено большинство эсеров и меньшевиков. С'ездом руководил меньшевик—Сандомирский (Нил). Наши резолюции, требовавшие признания Советов единственной властью, не принимались.

Корниловский мятеж после Московского Государственного Совещания окончательно подорвал авторитет эсеров и меньшевиков. Здесь стало ясно всем рабочим поведение коалиционного правительства и те цели, которые оно преследовало через Корнилова. Эсеры стушевались и пробовали было на этой авантюре блокироваться с нами для общей борьбы против реакции справа, но мы им дали достойный отпор, ответив, что «ни о каких соглашениях слушать не желаем». Мы ясно понимали, что хотя выборы в учредилку идут, но власть в центре должна перейти к Советам.

В сентябре, усиливая агитационно-организационную работу, мы внимательно следили за событиями в Петрограде, но все время ниоткуда не получали никаких руководящих указаний, за исключением непосредственных поездок в Петроград и периодического пребывания в Петрограде т. Грузмана, который выехав на шестой с'езд Р. С. Д. Р. П. (Б) в конце июля долгое время не возвращался. Харьков даже не ведал о том, что у нас творится. В сентябре м-це мы, постановлением Совета, национализировали, согласно поданной рабочими жалобы, мелкую шахту кулака Пьянцева, отдав ее рабочим на эксплоатацию и оказав со стороны Совета денежную материальную поддержку. Шахтовладелец Пьянцев поехал в Харьков в Исполнительный Комитет с жалобой на наш совет. Из Харькова посыпались беспрерывные телеграммы и выписки из протоколов о немедленном возвращении шахты Пьянцеву с угрозой в случае неподчинения отдать под суд. Мы, конечно, не подчинились Харькову, а надоевшего нам Пьянцева арестовали. После этого случая рабочие мелких крестьянских шахт, видя нашу твердость и полезность отбирания шахт с передачей на ответственность рабочих, стали десятками приходить с требованием передачи шахт в их руки. Мы, утверждая в Совете ходатайство рабочих, отобрали их без всякой компенсации у кулаков. Когда кулаки увидели, что власть у нас,

то стали надоедать своими просьбами об удовлетворении их хотя бы 10% отчислением доходов шахты на существование. Им во всем было отказано.

Впоследствии, усмотрев, что Совет дальше не может существовать на процентное отчисление рабочих, постановили: с рабочих процента не взимать, а обложить предпринимателей и торговцев, проведя обложение по разрядам—от 10% до 20% его товарного имущества. Мы не только покрывали расходы на советы и служащих, но и приобрели типографию, усилив выпуск листовок.

Стоявший все время неразрешенным положительный вопрос о красной гвардии, теперь становился для нас вопросом жизни и смерти, а раз это так, то мы его и разрешили. Приобретение револьверов из Тульского завода стало неудовлетворительным, ибо нужны были винтовки; поэтому командировали в Харьков т. Лапина, который должен был их достать, через посредство т. Артема.

Весь этот период времени проходил в частых стачках на рудниках. Нежелание рабочих работать больше восьми часов, захват власти Советом, неподчинение воинскому начальнику, а также уездным и губернским властям, все это вызвало присылку к нам специально правительственной комиссии, с целью уговорить нас не скандалить, а подчиниться правительству и исполнять все его распоряжения. Мы отказались вести переговоры. Тогда к нам прислали с Румынского фронта смешанные воинские части всех родов оружия, эскадрон 4 Сводной Дивизии, под командой генерала Балясного для водворения порядка и подчинения нас правительству, ибо Горло-Щербиновский район имел громадное значение по количеству и качеству добычи угля. Здесь добывали: кокс, брикет, высшей марки паровичный уголь, ртуть и т. д. Данный эскадрон разместился в селе Байрак и ежедневно совершал в полном вооружении демонстрации и об'езд рудников, желая навести панику. Мы со своей стороны пошли обрабатывать солдат и послали солдатскому комитету предложение прислать своих представителей к нам—в совет рабочих депутатов, для совместной работы. К нам явились все эсеры. Оказалось, что весь эскадрон пропитан эсеровским духом. На первом же Пленуме они нам стали петь песни о фронте, окопах и трехлетних страданиях, с указанием, что здесь в тылу, а особенно в Петрограде не работают, а только занимаются манифестациями и требованием жалованья, что мы поощряем дезертирство, разлагаем фронт, что если это будет продолжаться и дальше, то фронтовики придут и потребуют на смену себе рабочих. Они подчеркивали, что оружие у них, а не у нас. Как ни канителились с ними, а своих результатов добились, так как они запоздали для своевременных выборов в Учредилку. Солдатам дана была льгота производить выборы там, где они получат оседлость. При выборах в эскадроне сколько эсеры ни хлопотали, солдаты большинством голосов голосовали за наш список, а через несколько дней мы настояли на перевыборах эсеровского солдатского комитета. Тогда генерал Балясный, видя, что вместо усмирения нас его эскадрон разлагается, перевел его с нашего района в Вышенский, а сам совершенно скрылся.

Выход из Исполнительного Комитета в Петрограде Чхеидзе, Скобелева, Церетели и т. д. не остался у нас без последствий. Видя ослабление у нас эсеров и меньшевиков, мы у себя захватили железнодорожные станции: Никитовку, Горловку и окружающие станции. Мы поставили своих комендантов для контроля проходящих грузов на Ростов, так как имели сведения, что Керенский под всяким предлогом направляет туда военное обмундирование, оружие, деньги и т. д. Это не обошлось без сопротивления железнодорожников, но, не имея у себя силы, Н-ки станций подчинились нашему постановлению. Затем мы пошли дальше. В виду того, что рабочие рудников испытывали сильный недостаток в продовольствии, одежде и материалах, то мы все для нас необходимое разгружали без различия груза и распределяли между рудниками.

Таким образом удовлетворяли рабочих.

Выборы делегата в Петроград на Демократическое Совещание мы провели и я был избран. По приезде с совещания с громадным багажем, который был дан из ЦК Партии, вместе с т. Грузманом, работа была поставлена совершенно иначе. Зная, что фракция большевиков после Демократического Совещания настояла на немедленном созыве 2-го С'езда Советов, мы уже в этой области ничего не делали, так как рабочие в большинстве следовали за нами, а, следовательно, и на выборах на 2 С'езд Советов кампания была обеспечена. Держа власть в районе в своих руках, мы занялись обычными своими повседневными делами. Нас уже никто не трогал и не беспокоил потому, что некогда было уже обращать внимание на наш район из-за событий в Петрограде, или же потому, что наши затеи были ничто в сравнении с «Центральными».

Октябрь: Образование Совета Республики, о котором мы узнали, будучи на Демократическом Совещании, где избирался предпарламент, нас ничуть не беспокоило, так как мы еще из Петрограда уехали с критическим отношением к нему. Мысли были заняты тем, где и каким путем достать винтовки на всякий случай, ибо власть по районам хотя и была у нас, но если бы к нам прислали какую-либо роту, то она наш Совет разогнала бы. С большими усилиями т. Лапину удается привезти из Харькова 70 шт. винтовок. Это немного укрепило наше положение. Мы были вооружены. Партийные товарищи и более сознательные беспартийные рабочие этим положили начало Красной Гвардии.

Сидевшая в Киеве Центральная Рада нас не задевала, ибо шахтеры были далеки от шовинистического угара, но Рада имела корни в Бахмуте. Поэтому мы частенько являлись туда, для поддержки наших товарищей— Харечко, Нагорного, Литвинова и других, где они, будучи в меньшинстве, организованно ничего не могли сделать. Все же собрания или с'езды украинских националистов они не давали проводить, всегда срывали их, не дав доводить до конца.

Когда Рада опубликовала Универсал о созыве Украинского Учредительного Собрания, то мы решили никакой кампании за выборы не вести и участия в выборах не принимать, а стараться эти выборы на местах проваливать. Так оно и было.

В скорости в Бахмуте стали образовываться всякого рода организации шовинистического оттенка, вроде «Вільного Казацтва» и других, а находившийся в Бахмуте гарнизон к этому времени был постепенно заменен фронтовиками Петлюровского полка, что не давало нам открытой возможности захватить Бахмут в свои руки. Поэтому мы, установив тесную связь с Бахмутской организацией большевиков, вели единую линию сопротивления как петлюровщине, так и меньшевистско-эсеровской коалиции, которая под лозунгом «Единой Демократии» имела тесную связь с партией Народной Свободы. Их общей целью была борьба против власти Советов.

Новоизбранные Думы и Земства в этот период свой авторитет совершенно потеряли. Крестьянство никаких налогов и податей не выполняло потому, что не чувствовало фактической власти. Кроме того, беднейшее крестьянство, усваивая все более революционный дух борьбы с помещиками и захвата их земель, имело уже склонность к власти Советов. По селам и деревням оно оказывало немалое сопротивление кулачеству, которое работало, группируясь вокруг петлюровских кружков, в тесном единении с эсерами. Не лишне заметить, что находившиеся здесь эсеры проводили точку зрения самостоятельности Украины на федеративных началах с Россией. Такой суверенитет они отстаивали и в Белоруссии, которая в союзе с Украиной ратовала за единый фронт против большевиков. Эта идея не могла привиться среди рабочих шахт и заводов, которые к шовинизму относились с презрением.

В такой обстановке жизни района небольшой но сплоченной группе большевиков пришлось ориентироваться и бороться за диктатуру пролетариата с эсерами и м-ками, сплотившимися в тесный союз со всей крупной и мелкой буржуазией и поддержанными обывательщиной.

Вскоре после выявления нашего большинства в Советах эс-эры и м-ки не принимали никакого участия в работах Советов, хотя, по правде сказать, мы их и не допускали ни к какой работе; а посему с.-р. и меньшевики только тем и занимались, что выступали на собраниях с ликвидаторской критикой, стараясь запугать рабочих паникой: большевики, мол, погубят полстраны, отдав ее немцам, и возродят монархию, от которой достанется всем.

Украинско-шовинистические всякого рода группировки стали проявлять себя более активно, делая попытку захватить власть в свои руки в связи с тем, что Центральной Украинской Радой был опубликован Универсал о созыве Украинского Учредительного Собрания. Они стали требовать в своих выступлениях на митингах передачи нашим Советом власти Украинским Спилкам на местах и проведения централизации власти Центральной Рады в Киеве. Так как они имели за собой до смешного ничтожное меньшинство, то их требования оставались гласом вопиющего в пустыне. Об'явившиеся Украинские Соц.-Демократы Интернационалисты примкнули к нам с оговоркой, что будут работать совместно с нами до той поры, пока в Центре утихнет возникшая гражданская война, а там, мол, мы с'умеем столковаться по вопросам о языке и самостоятельности Украины и о федерации с Россией.

Поступившие сведения о петроградских событиях и о поражении как Керенского, так и Краснова,—не давали возможности всем желто-блакитникам и с.-р. более или менее правильно ориентироваться в том, что делать. Они решили бойкотировать все органы, где работают большевики, и самим в них не входить, имея целью затормозить нашу революционную работу и скомпрометировать нас в глазах рабочих. Но мы, убежденные в своей победе над буржуазией и прошедшие половину революционного пути, не могли предоставить рабочих стихии. Поэтому, как только создался в Харькове Военно-Революционный Комитет, мы создали таковой и у себя, распространив его власть на весь Бахмутский уезд, а для того, чтобы оградить от всяких опасностей и разгрома Военно-Революционный Комитет, мы, имея вокруг себя революционную опору рабочих, перенесли центр в Никитовку, на железно-дорожную станцию, ввели в него товарищей Тараса Харечко, Грузмана, Острогорского, Амелехина, Седого, а меня назначили председателем Совета.

Контролируя проходящие поезда, мы добыли до 200-х винтовок и массу патронов, да вдобавок к этому тов. Лапиным вновь были привезены из Харькова винтовки, которые розданы были более надежным рабочим на рудниках и заводах, составив дружины красногвардейцев.

С.-ры и м-ки на все это смотрели со страхом и трепетом, считая все наши действия пагубными для самих себя, как для партии, но мы одновременно вели усиленную работу среди рабочих, не допуская с.-р. демагогии, разлагавшей рабочих. Декрет большевистского Временного Правительства о созыве Учредительного Собрания—отнял повод с.-р. для агитации, ибо, благодаря этому декрету, рабочие убедились в неосновательности агитации с.-р. и меньшевиков, и в этот период более, чем когда-либо, рабочие были уверены в созыве учредилки, без отсрочек.

В эти дни мы получили из Петрограда первую сводку о ходе событий на революционных фронтах и извещение о назначении к нам в Донбасс эмиссаром тов. Петровского. Получив это сообщение, мы с большим нетерпением ждали прибытия тов. Петровского, хотя мало надеялись на его приезд. Оказалось, однако, что тов. Петровский тогда еще раз‘езжал по Донбассу и, получив известие о перевороте в Петрограде, направлялся к нам в Никитовку. Совершенно не зная о своем назначении, он был немало удивлен. Пробыв с нами несколько дней в Военно-Революционном Комитете, руководя работой по укреплению Соввласти и дав соответствующие указания на будущее, тов. Петровский выехал в Петроград в Смольный. Он указал перед от‘ездом, что на выступление Центральной Рады в Киеве необходимо ответить вооруженным сопротивлением. Руководясь уроком тов. Петровского, мы довели существование Советов до прихода немецко-гайдамацких банд.

Ноябрь. Разворачивающиеся события в Петрограде, в Москве и в целом ряде других городов России, начавшееся контр-революционное выступление Центральной Рады в Киеве и заметное брожение Каледина на Дону создали сгущенную атмосферу в районе: было что-то тревожное и неразрешенное. Сознательные передовые рабочие теснее сплотились вокруг

большевиков, днем и ночью следя за тем, что происходит в центре. Победили мы или нет? а что, если победят кадеты и с-ры? тогда нет спасения, все погибло. Что реального мы на рудниках могли сделать в смысле оказания поддержки в борьбе с кадетами и с-р. в Петрограде? ничего!—На месте нам воевать было не с кем, ибо здесь все было подчинено нам. Стоя на распутьи, в ожидании возвращения делегатов со 2-го С'езда Советов, мы все же приступили к укреплению той власти, которую имели. Мы были готовы ко всем случайностям, которые будут проявлять Украинская Центральная Рада и Каледин. Все же ждать когда победят рабочие Петрограда и Москвы, нечего. Надо нам самим проявить себя, дав почувствовать буржуазии. Для этого Военно-Революционный Комитет приступил к усилению связи с Юзовкой, Енакиевом, Луганском, Гришино и т. д. На всех телеграфах и телефонных станциях, как правительственных, так и железно-дорожных, были поставлены контролеры и красно-гвардейцы. На железнодорожных станциях усилили комендатуры, установили абсолютный контроль на всех проходящих в Ростов поездах и усилили формирование Красной Гвардии, концентрируя ее на Ртутном руднике. С-ры и м-ки, видя потерю своего влияния на рабочие массы, стали группироваться вокруг украинских самостийников, надеясь удержать вместе с ними Украину как от разгрома немцев, так и от «анархии» большевиков. Самостоятельная Украина, освобожденная от большевиков, сумеет создать у себя твердую власть, водворить внутренний порядок, а там, конечно, усмирить большевиков и в России. Эти планы они стали проводить в блоке с украинскими с.-д. и с.-р., явно черносотенными организациями, как «Вільне Козацтво», партия «Народной Свободы», имевшими за собой дышавшие на ладан думы и земства, как общественные аппараты. В городе Бахмуте стояли украинизированные полки, которые после «Универсала», провозгласившего Украину независимой Народной Республикой, вывесили над земством желтый флаг, сняв наш красный. После этого сделали попытку на руднике прислать оффициальное постановление о подчинении только Центральной Раде и выполнении всех ее требований, с роспуском на местах Советов, избрав на их место «Радянські Спілки».

М-ки и эсеры, по примеру своих центров, старались организовать комитеты спасения родины, но легально этого не осуществляли, не решаясь на это без поддержки рабочих; чтобы не подвергнуться окончательному разгрому они все это проводили подпольно, ведя усиленную агитацию против большевиков, возмущаясь арестами в Петрограде и Москве их лидеров, а равно и роспуском Московской и Петроградской Дум. Они пророчили основательную анархию в стране, в которой большевики, вследствие своей малочисленности, не сумеют справиться с хозяйством и управлением государством. Они утверждали, что вся демократия против большевиков, почему и не работает ни одно государственное учреждение, и уверяли, что и рабочие только в меньшинстве с большевиками. Их контр-агитация этим только не ограничивалась; эсеры доходили до такого шовинистического угара, что своим антисемитизмом превосходили черносотенца печальной памяти Пуришкевича. Здесь,кроме деловой критики Совнаркома, как негосударственных деятелей, не окончивших даже высших учебных заведений, растлевали

сознание отсталых рабочих, указывая, что Ленин, Троцкий и Стеклов—все жиды. Тысячу раз на все лады они расшифровывали их фамилии и происхождение и указывали, что они виновны в гибели русской нации потому, что заинтересованы кровно в победе немцев.

Уходившие из нашей организации большевиков в июньские дни рабочие вновь возвращались к нам и вступали в формировавшуюся Красную Гвардию.

Украинизация с первого дня потерпела крах. Дипломатическая их попытка из Бахмута подчинить рабочие районы Центральной Раде с организацией «Радянських Спілок» была отвергнута с предупреждением, что в случае насильственной попытки со стороны украинских шовинистов—выступим с оружием вплоть до полной их ликвидации.

На этом успокоились как украинцы, так и эсеры с меньшевиками, ожидая, что все переменится сверху, ибо уже предрешено, что большевики больше 3—4-х недель не продержатся у власти, т. к. не по себе взяли ношу, идя с оружием против всей демократии, а на штыках долго власти не удержишь.

Соглашение с левыми эсерами нам на местах ничего особенного не внесло, ибо здесь трудно было понять, где левые, где правые, а посему к нам ни в Военно-Революционный Комитет, ни в Совет никто вводим не был, да мы и не старались с ними сближаться, зная, что этим самым внесем в свою среду лишних говорунов, мешающих нам работать, хотя отдельные элементы на этом основании пытались потребовать себе место при Военно-Революционном Комитете и Совете, в чем им было отказано.

2-й Чрезвычайный С'езд Крестьянских Депутатов и об'единение его со 2-м С'ездом Рабочих Депутатов вышибли окончательно из-под ног с-р. почву у всех наших и других противников, хотя они старались доказать рабочим фиктивность об'единения двух с'ездов, как неправильно созванных, никем не уполномоченных и заседавших без участия в нем демократии. Все же ободренный таким об'единением шахтер приобрел больше бодрости и уверенности в конечной победе над буржуазией и скорейшем прекращении империалистической войны—этого главного пожелания рабочих. Теперь уже было больше уверенности в единственных защитниках интересов рабочего—большевиках, и никакая украинизация или обещание с-р. не смогли бы рабочих поколебать в обратную сторону.

Об'явление Совнаркома о желании прекратить войну с Германией и вступить в переговоры с нею дало повод меньш—кам и с-р. убеждать рабочих в том, что, России придется платить громадные контрибуции в пользу Германии и все-таки мира не будет, т. к. союзники этот сепаратный мир признают предательством русского народа и заставят нас вести войну; к тому же рабочие Франции и Англии, находящиеся на фронтах, отшатнутся от Русской Революции и русских рабочих, увидев, что мы ослабили их фронт и отдаем на истребление германским солдатам. От всех этих бредней рабочие отмахивались руками, предлагая всем, кто хочет воевать, отправиться на фронт, а не сидеть здесь.

Саботаж чиновников в центре, как в Петрограде, так и Москве, нашел отклик и на рудниках среди директоров, инженеров, штейгеров и всей интеллигенции, которые стали постепенно этот саботаж проводить в большей степени, чем мы этого ждали. То там, то здесь начали затопляться шахты, приводиться в неисправность машины и серьезное оборудование. Упрятывались и портились необходимые трудно-приобретаемые технические материалы, отказывались от своевременного приобретения продовольствия; этим они начали производить давление на рабочих, указывая, как на единственное зло—на захват власти большевиками. С-ры поддерживали их, указывая что может дать большевистская власть, ссылаясь на анархию, внесенную большевиками, не понимающими, что без капиталистов мы жить не можем и что необходимо пройти этап буржуазной революции, которую мы должны были бы использовать для организации и сплочения рабочих.

В это время стал выявляться бандитизм, который выступил под флагом анархистов. Он выразился в попытке захватить рудники с передачей их в ведение рабочих—каждое предприятие в отдельности, без подчинения кому-бы то ни было, и с другой стороны стали развиваться экспроприации, доходя до открытых ночных и дневных грабежей рабочих и крестьян. Таким образом, дезорганизовывалась восстанавливаемая нами административная сторона жизни района и наводились на население страх и ужас. В такую обстановку попал более слабый Байракский рудник и впоследствии спровоцированный Щербиновский, где притихшие с.-р. усугубляли положение, поддерживая саботаж администрации и бандитизм, лишь-бы скомпрометировать большевиков и оправдать свое пророчество, данное 1 месяц назад.

Но Военно-Революционный Комитет и Совет не дремали. На проявления саботажа администрация рудников ответила административными взысканиями, запретом выезда куда бы то ни было без разрешения Совета и т. д. Инженеров об'явили ответственными за все дефекты, проявляющиеся на рудниках, а более строптивых выбросили не только из рудника, но и из района, заменив их квалифицированными рабочими. Власть на предприятиях передали Горным Комитетам, со всем административно-техническим управлением, принимая все меры к восстановлению уже успевших затопиться рудников. Директора Бельгийских и Французских обществ запротестовали было против вторжения в их предприятия, как иностранно-подданные, но за свой протест были вышвырнуты даже из занятых ими особняков. Таким темпом шла реорганизация предприятий под полным руководством и Управлением рабочих.

Руководство борьбы с бандитизмом В.-Р. Комитет возложил на меня, как на Председателя Совета. Я организовал по району в Горловке и Щербиновке комендатуры и усилил кадр конной милиции. Был предпринят целый ряд облав по из'ятию бандитов и проведению на этих рудниках митингов с раз'яснением действий и пропаганды анархистов. Не имея у себя никаких ни теоретических, ни практических знаний в области судопроизводства и не желая своими чрезмерно революционными действиями скомпрометировать или подорвать авторитет нашей партии

и Правительства, мною в Горловский 1-й Революционный Трибунал, под моим председательством, приглашен был в коллегию один от партии с.-р., один от м-ов (которые отказались) и один от Профсоюза. Мы повели беспощадную расправу с бандитизмом, а когда бандитизм стал усиливаться, то Революционный Трибунал был сконструирован из 3-х лиц, назначенных Советом и утвержденных В.-Р. К. из товарищей: Клипова, Петровского и Подольского. Трибунал создан был самой жизнью для борьбы с врагами рабочих. Он окреп и беспощадно расправлялся, как с бандитизмом анархическим, так и с саботажниками. Эти революционные меры оказали свое действие. Бандитизм резко изменился и не проявлялся в таких дерзких формах. С.-р., увидя в наших руках орудие борьбы с классовыми врагами и бандитизмом, возопили о бессудном терроре, грозя нам ответственностью. Небезынтересно отметить, что обывательское население и крестьянство были чрезвычайно довольны умелым водворением порядка, тишины и спокойствия после всех бед, вызванных бандитами.

Работа В.-Р. К., где больше всего оставались только тов. Харечко и Грузман, была с утра до ночи напряженная. Плохо налажена была связь с Юзовкой, где меньшевики не переставали отклонять рабочих от широкого революционного движения за укрепление Власти Советов.

В это время Каледин уже выступил против Советов и стягивал отовсюду фронтовиков-казаков и офицерство. Первым шагом Каледина было выступление против Донбасса, потому что для него страшны были рабочие и нужен был уголь. Но его главной политической задачей—было отрезать Донбасс от Революционной России. Под первый удар подпала Юзовка, стоящая на границе Донской области. Меньшевики все это видели и знали, но полагали, что широкой демократии с казачеством можно будет ужиться, поэтому они удерживали рабочих от организации Красной Гвардии и вооруженного выступления против казаков.

Совет все усиливал набор Красной Гвардии, вооружая рабочих отбираемым у солдат и казаков, шедших самотеком с фронта, оружием. В.-Р. К. усиливал оперативную работу по из'ятию шпионажа как Донского, так и Украинского, подготовляя стратегические опорные пункты для обороны, на случай выступления Каледина.

Поход Корнилова и бой под Белгородом заставил нас быть во всеоружии, ибо было предположение о проходе Корнилова по линии Северо-Донецкой ж. дороги. Эта первая тревога привела рабочих не к панике, а, наоборот, к желанию повоевать с контр-революционным генералом.

Декабрь застал нас в более напряженной работе, нежели все предыдущие месяцы. Переговоры с Германской делегацией в Бресте, успокаивали рабочих на счет внешних фронтов. Это давало возможность рабочему свободно вздохнуть от 3-х-летней милитаризации. Но с каждым днем, все более выявлявшийся внутренний фронт против Каледина заставлял рабочих рудников от милитаризации не уходить, да еще вдобавок днем и ночью быт самому на положении фронтовика. Работая днем, не расставаясь с мыслью, что по первому тревожному гудку одного из рудников придется

оставить кайло или лопату, взять винтовку и итти в цепь да быть в тревоге за свою семью, в случае если казаки ворвутся в поселок рудника,—все это создало у нас напряженное состояние.

А тут еще начались активные выступления Центральной Рады в Киеве против большевиков в контакте с Калединым и Корниловым. Мало вооруженные, на 90% необученные военному делу рабочие начали было впадать в паническое состояние, которое с-р. старались усилить, ставя на вид рабочим, что они послушались большевиков и все время их поддерживали. Теперь, дескать, со всех сторон выступает регулярная армия, которую поддерживают союзники, и задавит совершенно революционное движение. С-р. стали рекомендовать рабочим не принимать никакого участия в выступлении против казаков и петлюровцев.

Захват Калединым, Ростова, заставил В.-Р. К. быть в боевой готовности ежечасно, приводя в боевой порядок Красную Гвардию. Командиром ее был назначен тов. Шишковский Владимир, рабочий Артзавода, который вывел необходимые части из границ Дона и прилегающих рудников Ханженкова, Макеевки, установив связь с Петровскими рудниками и Юзовскими, ибо часть пропущенных Центральной Радой казаков, проходя на Дон, уже совершила первый налет в Юзово-Александровском районе.

Нами получены были сведения, что на Дон идут маршруты со всякого рода вооружением и обмундированием, переправляемым под флагом Союзного Красного Креста, под видом медикаментов и лазаретных принадлежностей. Нами был усилен надзор над проходящими поездами и удалось задержать упакованные новые пулеметы системы «Максим», винтовки, полевые прожектора, автомобили и т. д.

Работа В.-Р. К. и Совета была сосредоточена исключительно на подготовке внутреннего фронта и управлении внутренней жизнью района. Иметь какие-либо сношения с г. Харьковом или Екатеринославом не было времени. Да и Харьков мало думал тогда о нас, а поэтому пришлось все делать и создавать самим на свой личный страх и риск. На проходившие в Харькове С'езды Советов или Партийные Конференции мы посылали своих представителей, которые там просиживали безвыездно по целым месяцам—это тов. Лапин и Острогорский.

В этот же период по району реорганизован был Продовольственный Комитет: выбросили оттуда меньшевиков, некоторых пришлось арестовать, в том числе председателя—меньшевика Касьянова, а некоторые удрали.

Бахмут, в ноябре месяце проявлявший попытку к украинизации уезда и укреплению власти Центральной Рады, во время выступления гайдамаков в Киеве проявил свою власть исключительно по городу, но не осмелился распространить ее на окружность. Харьков был захвачен большевиками и потерял всякую связь с Киевом. С другой стороны Бахмут, имея вокруг себя рудники, лишенный возможности совместного действия с Доном, проявил свою полную беспомощность. Находившиеся в городе украинизированные войска в большей своей половине были склонны к разоружению и раз'ехались по домам, а меньшая часть, более шовинистическая—ушла на Полтаву к петлюровцам, и город перешел в руки Городского Совета,

где приняли участие рабочие как заводов, так и соляных рудников. Но в силу того, что Бахмут не представлял собою пролетарского города, мы на него не обращали серьезного внимания, а с.-р. и м-ки, потеряв надежду на вооруженную силу Рады, приутихли, занявшись своей работой в думе и земстве. Они надеялись на проведение выборов в Украинскую Учредилку, или полагались на Всероссийскую Учредилку, которая возьмет власть в свои руки и изменит государственную жизнь.

Они надеялись, что там разрешится судьба и Украинской Народной Республики. Каледин их не беспокоил. Они думали, что казаки также отстаивали только свою область, так что суверенитета Украины не нарушат.

Нам иметь вооруженное столкновение с Центральной Радой не пришлось, но пришлось открыть военные действия против Донских казаков, которые первые свои налеты совершили на Макеевские и Ханженковские рудники, разогнав там меньшевистские Советы и Профсоюзы, расстреляв десятки рабочих, изнасиловав женщин и ограбив рабочие квартиры. Тогда более революционные рабочие прибыли к нам в район. Они были вооружены и принимали вместе с нашим отрядом совместную борьбу с казачеством.

Избранный Всеукраинский Исполнительный Комитет (ЦИКУК) был безжизненный, ибо был настолько не работоспособный, что наш делегат тов. Острогорский, сперва просивший взять его оттуда, впоследствии сам ушел и прибыл в район.

В Рождественские дни нами были получены сведения, что с Румынского фронта должны проехать на Дон 3 эшелона казаков. Устроив вооруженную засаду вокруг станции «Горловка», мы эшелоны, один вслед за другим, остановили и разоружили, под командой т. Шишковского, отобрав у них громадное количество винтовок, шашек, пулеметов и всяких телефонов и шанцевых инструментов, направив обезоруженных казаков на Дон. С двумя эшелонами пришлось имет перестрелку, в результате чего несколько человек было убито с их стороны и один красногвардеец.

В эти же дни праздников, 27 и 28-го декабря, совершил свой разбойничий налет на станцию «Дебальцево» казачий прапор Чернецов, где было убито и вырезано до 20-ти чел. Советских работников и рабочих Депо.

Тогда только рабочие поняли, что от реакционного казачества пощады ожидать нечего, что Донские генералы и помещики скорее сами пропадут, нежели согласятся утерять свою власть. И с этих дней наш район Горловка стал боевым центром и пунктом, куда сбегались со всех сторон рабочие и семьи, а многие семейства оставляли уже убитых казаками своих отцов, мужей и сыновей, шли к нам искать приюта и защиты.

Декабрь заканчивался устойчивым положением—Совета рабочих и крестьян. Рудник № 1, который с февральской революции до августа все время своим большинством плелся за меньшевиками, стал революционным и по первому зову рудничного гудка выходил на свои посты. 5-й и 8-й рудники всегда были с нами и теперь шли впереди во всех опасностях, которые несут казаки. Рудники Веровка, Софиевка, Бунга, зараженные меньшевизмом, анархизмом и укрывавшие их,—теперь в силу грозящей опасности с Дона держали твердую линию, общую с нами, для отражения казачьих набегов.

Ртутный рудник, с первых дней Февральской Революции, был колыбелью Горлово-Щербиновского района, воспитавший в своем революционном духе и соседей своих, стал теперь штаб-квартирой Красной Гвардии и приютом рабочих, уходящих от Каледина. Щербиновский, Нелеповский и Северный рудники в скорости после февраля стали ариергардными аванпостами рабочих Горлово-Щербиновского района, и анархисты, несколько раз пытавшиеся посеять разложение на Щербиновских рудниках, не только не имели успеха, но, по распоряжению Совета, были арестованы и искоренены, а имевшиеся меньшевики, первое время надрываясь во имя спасения рабочих Щербиновских рудников от большевистской опасности, позже выдохлись сами по себе и прекратили существование.

Во всем районе,—нужно отдать справедливость администрации Щербиновки,—за весь этот период никто из инженеров или штейгеров и т. д. не только не бежал, но и не делал попытки к саботажу, работая честно, сохраняя рудники в исправности совместно с рабочими, стараясь безболезненно переживать все осложнения, создавшиеся в силу революционных событий.

Байракский рудник, с первых дней февраля, был с большевиками, а после октября вторгшиеся в него анархисты внесли дезорганизацию и террор. Их пришлось твердой рукой расправы выдернуть из рабочей среды, и Трибунал вынес им заслуженные наказания. Байрак стал верным товарищем, помогавшим своим собратьям рабочим в дни Калединщины.

Установлена была связь с рабочими заводов Константиновки, Дружковки и Крематоровки, которые оказывали поддержку нам посылкой отрядов красногвардейцев для борьбы с Калединым.

Юзовка и Петровский завод остались в подавляющем большинстве верными своей меньшевистской тактике и никакой революционной деятельности ие проявили.

Ни об‘явление Центральной Радой Украины Самостийной Республикой, ни затянувшиеся переговоры с Германией не могли отвлечь внимания рабочих от начатой внутренней борьбы с буржуазией. Рабочие часто говорили, что нужно только, чтобы на Севере победили наших кадетов, а здесь с Радой и Калединым мы справимся сами. Основная цель была одна: начатое довести до конца. Посему наш Совет был единственной законной властью, распоряжения и приказы которого исполнялись безоговорочно.

В.-Р. К. и Совет работали без устали, напрягая все усилия к одержанию победы над контр-революцией, надвигавшейся из Киева и Дона.

Манифестаций и демонстраций больше не было: некогда было. Надо было работать, да и не к чему было демонстрировать. Все понимали, что настало время боевой работы, а митингование и разглагольствование были отведены на последний план; за попытку внести дезорганизацию в ряды рабочих или в среду мирного населения всякий предавался суду Революционного Трибунала, ибо Революционный Трибунал был на страже рабоче-крестьянской революции.

КАЗИМИРЧУК

Харьковская Красная Гвардия

На вечере воспоминаний, посвященном организации Красной гвардии в Харькове и ее участию в великой борьбе, собрались уцелевшие в битвах революции ветераны, чтобы здесь, в товарищеском кругу, восстановить хотя бы в самых общих чертах эту героическую эпоху из нашей борьбы.

Тов. Кин, один из первых наиболее заслуженных борцов нашей Красной гвардии, до октябрьской революции был членом Исполнительного Комитета, который состоял из 11 человек, из коих только 2 были большевиками.

Тов. Кин сообщает интересные моменты, как вооружались наши первые отряды.

«На мне, как на члене Исполкома, лежала задача использовать все возможности, чтобы достать оружие через Исполком. Все, что можно было достать, передавалось в Харьковский Комитет партии, который отправлял оружие дальше—по районам и заводам, где велась непосредственная работа по организации Красной гвардии. Небольшое количество оружия было добыто, но вскоре выяснилось, что в Харькове оружия в достаточном количестве мы получить не можем, а что достать его нужно в Туле.

Так как Тульский Завком весь состоял из меньшевиков, и благодаря этому только меньшевики могли получить оружие, нам пришлось заключить сделку с меньшевиками—Поляковым и некоторыми другими, чтобы оружие получить.

Помимо этого, нам пришлось достать меньшевистскую печать и сфабриковать поддельные бумаги. С нами поехали наши товарищи в Тулу и достали транспорт оружия».

Тов. Кин в своих дальнейших воспоминаниях отмечает, что Харьковская Красная гвардия в борьбе с контр-революцией сыграла громадную роль.

«Наиболее стойкими отрядами были вэковцы: они отличились в борьбе на Донском фронте, против Каледина, под руководством Рухимовича. Вполне справились они со своей задачей также под Белгородом, когда прорывались на Дон красновские отряды. Эти «внешние фронты» отвлекали внимание в то время, когда и внутри не все было в порядке.

В Харькове был гайдамацкий полк (на Москалевке) и эсеровский броневой дивизион. Мы не могли их обезоружить: они были гораздо сильнее нас, имели опытных командиров и дисциплинированные части. И они являлись вечной угрозой в тылу. Они были обезоружены только тогда, когда приехал Антонов.

В декабре месяце, когда уже образовался фронт с гайдамаками, началось сведение отрядов в полки. В Харькове была заложена организация 2-х полков: одного так называемого «Рабоче-крестьянского полка», и другого «Крестьянского» полка.

В организации этих полков была допущена крупная ошибка. Были назначены командир и политком, которым предоставили право набирать добровольцев. Полк образовался через несколько дней, но с самого начала его организации оказалось, что от 50 до 60% его состава были уголовные преступники. Через несколько дней начались грабежи. Пришлось мобилизовать студенческий отряд и часть рабочих дружин для ликвидации бандитизма.

Этот полк причинил нам много хлопот. Когда полк получил приказ Главкома выступить на фронт, он его не выполнил, а рассыпался по городу и начал производить грабежи. В то время я был комендантом города и существовало постановление, что за грабежи виновные расстреливаются на месте.

Нам целую ночь приходилось бороться с отдельными группами грабителей. Несколько человек были расстреляны, многие арестованы.

Утром остатки полка устроили митинг и обсудив вопрос решили, что комендант не имеет права расстреливать и арестовывать их товарищей. Мне пришлось укрыться в штабе Антонова на вокзале до тех пор, пока произведенным следствием не было установлено, что расстрелянные были раньше присуждены несколько раз к тюремному заключению: один— к 9 годам каторги за изнасилование и убийство, второй, его поручитель, который кстати считался самым «честным» в полку, был присужден к каторге.

Когда, в конце-концов, полк вынудили выступить на фронт, 50% его состава разбежалось.

С нашей стороны была допущена колоссальная ошибка: мы при формировании полка из добровольцев не проверяли их личности.

Большая часть наших вооруженных сил еще тогда называлась не полками, а отрядами, и они носили самые легендарные прозвища, назывались к примеру: «Чортова сотня», «Смерть буржуазии» и пр.

Тов. Антонов свел все эти отряды и влил их в Таганрогский полк. Этот Таганрогский полк был пополнен еще отрядом анархистов, которые в Тирасполи учинили жестокий разгром.

Вновь сформированный, таким образом, полк тоже был тяжелым камнем на шее Советской власти. Приходилось применять крутые меры, раньше чем этот полк привели в приличный вид.

В борьбе с бандитизмом принимал деятельное участие студенческий отряд сформированный по инициативе студентов-коммунистов с разрешения тов. Артема. Из всего Харьковского студенчества, в количестве свыше 3.000 человек, в отряд вступило только 38 или 40 человек. Отряд состоял на 50% из большевиков, остальные были левые эсеры и меньшевики—интернационалисты. Последние отступали вместе с нами, и теперь большинство из них коммунисты.

Я должен отметить еще одну из наших ошибок. Когда на заводах или в районе образовывался отряд, его самостоятельно небольшим отрядом бросали на фронт. И эти стойкие отряды разбивались по одиночке. Но потом членов партии и преданных революционеров из рабочих стали вливать в Крестьянские полки.

Таким путем постепенно, иногда с промахами, все же еще в начале 1918 г. в Харькове был заложен фундамент к организации Красной армии».

В заключение тов. Кин отмечает еще один показательный момент, который характеризует стойкость и самоотверженность первых, правда слабых отрядов тогдашней армии.

«Из Харькова под напором немцев последние части (коммунистические отряды, студенческий батальон и железнодорожники) отходили только тогда, когда немцы уже были на Сумской ул. Наше правительство тогда находилось еще на вокзале.

У ст. Жихарь немцы разрушили путь, установили орудия и открыли артиллерийский огонь по эшелонам. Нам пришлось высыпаться, и т. Рухимович приказал немедленно исправить путь.

Работая под огнем мы потеряли пять убитыми и человек 30 ранеными. Немцы же, в этой схватке, потеряли 12 убитыми и довольно много ранеными. Мы взяли 2 пулемета и одно орудие. Путь был исправлен и эшелоны проехали.

Эта битва показала, что мы уже научились воевать».

Каким путем было, главным образом, достигнуто вооружение образовавшейся в Харькове Красной гвардии

В своих воспоминаниях об организации Красной гвардии тов. Кин упоминает о том, что пришлось вступить в сделку с меньшевиками (с тов. Поляковым) и привести оружие из Тулы. Я хочу несколько подробнее остановиться на этом инциденте. Тем более, что некоторые из главных участников его т. т. Данилевский и Сапельников сложили свои буйные головы за дело революции.

Незадолго до октября, когда широкие рабочие массы уже отошли от меньшевиков и перенесли все свои симпатии к большевикам, Харьковский совет рабочих депутатов был еще меньшевистским; процент большевиков был в нем очень не велик, наиболее активными были тов Кин, Рухимович, Скороход, Сербиченко, Буздалин, Иванов, Тиняков и др. В то же время в Харькове также находился областной комитет Советов рабочих депутатов. Так как этот комитет состоял, главным образом, из товарищей, делегированных Донецким бассейном, то по мере наростания большевистского настроения в широких рабочих массах целый ряд меньшевиков из комитета был отозван и заменен большевиками и, таким образом, незадолго до октября, в областном комитете получилось равновесие и почти одинаковое количество меньшевиков и большевиков и часто решения зависели от того, кто более активно заставлял своих членов посещать заседания. Особенно усилилась большевистская группа комитета с приездом из Киева тов. Леонтьева очень горячего энергичного работника. Из Донецкого бассейна, где рабочие, живя бок-о-бок с казаками, вооруженными с ног до головы, стали доноситься настоящие вопли с требованием дать им оружие. Вопрос несколько раз выносился на обсуждение и хотя входивший от меньшевиков в областной комитет Николай Евгеньевич Попов, очень правый меньшевик, лично старался всячески этот вопрос смазать и сорвать, но и он не имея возможности получить твердые директивы от меньшевистского комитета, что оружия не надо, вынужден был голосовать в областном комитете за то, что надо снарядить делегацию в Тулу и раздобыть оружие. Оффициально были избраны для этой цели я и Николай Данилевский, т. к. на посылку нас единогласно сошлись все члены областного комитета. На помощь Данилевскому большевики уже от себя делегировали Сапельникова и Пастера. Я сразу крепко с ними сошелся и откровенно заявил, что твердо стою на той точке зрения, что рабочим без оружия не обойтись для защиты революции и что нам надо работать

рука об руку для того, чтобы это оружие раздобыть. В Туле нам пришлось очень трудно. Совет рабочих депутатов имел там большинство меньшевиков, а завком Тульского оружейного завода состоял также из меньшевиков, среди которых было много правых. Пользуясь именем Харьковского Совета, который был известен как меньшевистский, я, как секретарь Совета, захватил с собою второй экземпляр печати с большим трудом, путем целого ряда уговоров и уверений, что оружие не попадет к большевикам, что выдача его на месте будет всецело контролироваться меньшевистской организацией, мне удалось получить ордер на завод на выдачу оружия на довольно большое количество, а именно: около 5000 винтовок, около 300 пулеметов и около 5 вагонов патронов. Несмотря на ордер Исполкома на самом заводе пришлось начинать волынку с начала за исключением получения патронов, т. к. на патронном заводе у большевиков были хорошие связи, то, наконец, оружие было получено. С большим трудом были получены для него вагоны. Также пользуясь именем и печатью Харьковского Совета и буквально на своих плечах погрузили оружие в вагоны, причем я, Пастер, Данилевский, Сапельников и еще несколько большевиков из местной организации работали подряд несколько дней и ночей. Было нагружено около 40 вагонов, с которыми мы направились в Харьков. По дороге нам пришлось скрывать, что мы везем оружие во избежание задержек, и тут также выручала печать Харьковского Совета. В Белгороде Сапельников и Данилевский получили сведения, что под Харьковом нас собираются задержать какие-то белые отряды или юнкера, которые будто бы пронюхали, что мы везем оружие. Тов. Сапельников предложил во что бы то ни стало пробиться силой и, хотя нас было всего несколько человек, мы, при помощи т. Пастера, большего специалиста, собрали 6 пулеметов, разбили несколько ящиков с винтовками и патронами, приспособили кроме нашей теплушки еще один вагон, заложили ленты в пулеметы, послали на всякий случай (не помню кого) на разведки вперед человека для того, чтобы подговить под Харьковом большевистские железнодорожные связи и, решив пробиваться, двинулись дальше. Нападения на нас не было никакого и мы благополучно прибыли в Харьков ночью. Уже рано утром передали все оружие на ветку Вэка, где оно усиленно было припрятано. Было решено, что ордера на выдачу оружия действительны за моей подписью и подписью Данилевского по меньшевистской организации. Оружие некуда было дивать и, насколько я помню, поступило подписанных мною несколько требоваиий на несколько пулеметов и несколько сот винтовок, которые были размещены между рабочими паровозного завода и организована рабочая дружина.

Эта дружина сыграла большую роль сразу после Октябрьской революции для поддержания революционного порядка в гор. Харькове и послужила тем ядром, опираясь на который, т. Кину легко удалось разоружить образовавшиеся тогда бандитские полки.

И. А. ПОЛЯКОВ
(Гельферих Саде)

Под знаком революции

(Из истории движения студенчества)

(1901 год)

I

Учреждение в Екатеринославе специального учебного заведения исходило от «благомыслящих» и «наиблагонамеренных» слоев населения и диктовалось не только местными, но и общероссийскими нуждами. Отсутствие специального горного училища в центре каменноугольной, железной и металлургической промышленности бросалось в глаза самым недальновидным людям. Нужда в специалистах горного и заводского дела с каждым годом становилась настоятельней. Петербургский Горный Институт не мог дать столько специалистов, да и какова могла быть цена специалистам, изучавшим специальное дело чуть ли не за 1500 верст от его местонахождения. Приходилось прибегать к заграничным инженерам. Что еще хуже было, так это то, что на многих рудниках инженеров заменяли штейгерами и техниками. Нигде «прогресс» промышленности не обошелся так дорого рабочему, как на юге России. Путь этот усеян тысячами трупов и пропитан густо кровью. Взрывы на рудниках и увечья на заводах превратились у нас в какую-то хроническую необходимость и сопровождались иногда сотнями жертв. И одна из главных причин этой безумной траты человеческого здоровья и человеческих жизней—заключалась в отсутствии надлежащего технического надзора. Но политика, которой так боялось самодержавие, доминировала над всеми его помыслами. Новое высшее учебное заведение, хотя-бы и специальное—это новый очаг молодежи, новое гнездо революционных газет! И правительство, боявшееся просвещения вообще, особенно страшилось новых рассадников высшего образования.

Вот почему правительство так колебалось учредить горный институт в Екатеринославе, почему одно ведомство за другим открещивалось от такой ереси. Пришлось обратиться в загнанное и всеми забытое ведомство—Министерство земледелия, чтобы добиться хоть какого-нибудь результата. Оно поставило городу и горнопромышленникам десятки условий—отвод земли, ассигновку денег, и всеже учредило не высшее учебное заведение—боже упаси—а что то межеумочное—не горный институт, а горное училище и не со студентами и профессорами, а слушателями и преподавателями, выпускавшее не инженеров, а высших техников... Такова

была боязнь высшего образования, с которым неизбежно связана революция. Но, увы, несмотря на все эти предохранительные меры зараза революции проникла и сюда, и не успело училище обосноваться, а охранное отделение завести в среде студентов своего «секретного» сотрудника [1]), как екатеринославское жандармское Управление вынуждено было озаглавить одну из своих многочисленных обложек «Делом о брожении среди студентов Высшего Горного Училища».

II

«Брожение» это началось, конечно, с первого же дня открытия училища. Екатеринославское Горное Училище было открыто в 1900 г., т.-е. год спустя после бурного для студенческой молодежи года, когда волна академических забастовок захватила все высшие учебные заведения и вырвала из них сотни жертв. Часть выброшенных из них студентов искала и нашла приют в новом учебном заведении и сразу приобщила сотни юношей к идейной атмосфере, которой дышала тогда молодежь.

На первых порах «брожение» среди Екатеринославского студенчества не шло дальше пресловутого «академизма». Это было оригинальное проявление охватившего тогда всех «экономизма», в силу которого каждая группа в своих требованиях не должна была выходить за пределы своих «профессиональных» интересов, иногда довольно узко трактуемых. «Академизм», в зависимости от места и времени, трактовался различно, кое-где соприкасался даже с вопросами об университетской автономии, но во всяком случае чурался политики и проблемы русского революционного движения. Эта изолированность «академизма» настолько была сильна среди студенчества, что даже такие опытные бойцы и партийные работники, как Костюшко-Валюжанич, уволенный в 1899 году из Ново-Александрийского сельско-хозяйственного института и попавший студентом в Екатеринославское Горное Училище, вынужден был на время уйти с занятия, и ждать пока административные власти своим усердием не развеют иллюзий «экономизма» вообще и «академизма» в частности.

Это усердие не заставило себя долго ждать и принесло свои естественные последствия. Медвежье вмешательство правительства в университетскую жизнь, ломка всех академических традиций, известный указ об отдаче в солдаты непокорных студентов, полицейские расправы и избиения, массовые увольнения студентов и профессоров, внесение казарменных порядков в высшие учебные заведения, отдача управления ими старым и молодым генералам, заточение студентов в тюрьмы и глухие сибирские улусы—все эти бурные вспышки административных властей лучше всякой подпольной пропаганды всколыхало умы и заставило их работать в определенном направлении. Не прошло и двух лет, как студенческое движение под влиянием административного усердия претерпело значительную метаморфозу. Не только отдельные лица, но и массовое студенчество

[1]) Если мы не ошибаемся специальным сотрудником охранка обзавелась только в 1908 году. Это был Батушинский, которого затем сменил студент под кличкой «Бристольский». Донесения его хранятся в Екатеринослав. Музее Революции.

поняло, что вне общего вопроса русской жизни нет иных вопросов, что вне общей проблемы о свержении самодержавия нет специальной университетской проблемы, что ее разрешение зависит от исхода революционного движения, направленного на свержение самодержавия. Эта мысль пропитала все умы, расшатала все устои популярного в Екатеринославе среди партийных и рабочих кружков «экономизма» и нашла благоприятную почву среди Екатеринославского студенчества, еще недавно придерживавшегося самого узкого «академизма».

III

Это настроение учел организационный Комитет студентов Екатеринославского Высшего Горного Училища, который при содействии Екатеринославского с.-д. Комитета решил 15 и 16 декабря 1901 года устроить в Екатеринославе уличную демонстрацию. Во главе организационного Комитета находился Костюшко-Волюжанич (впоследствии 1 марта 1906 г. расстрелянный Ренекампфом под фамилией Григоровича за участие в вооруженном восстании), состоявший одновременно членом Екатеринославского социал-демократического Комитета. Решено было, что демонстрацию под лозунгом «долой самодержавие!» устроят студенты и что рабочие должны принять в ней участие [1]).

Агитация, которая велась через старост, пала на готовую почву. Большинство активных студентов сразу согласилось, и когда 12 декабря была созвана сходка студенческой массы, она горячо отозвалась и приняла единогласно решение о забастовке, о чем директор училища Сучков счел «своим долгом» довести до сведения губернатора графа Келлера [2]).

11, 12 и 13 декабря членами организационного Комитета Училища и с.-д. Комитета разбрасывались прокламации в Екатеринославе, Амуре и Нижнеднепровске о Харьковских беспорядках и специальные прокламации с призывом к рабочим участвовать в демонстрациях, которые будут устроены студентами 15 и 16 декабря.

Охранка, еще не имевшая тогда своего специального сотрудника из среды студенчества, была тем не менее осведомлена о готовящейся демонстрации и предупредила об этом губернатора. Решительный генерал немедленно составил предупреждение, которое было опубликовано 14 декабря в газетах и расклеено на афишных столбах, кое-где рядом с прокламацией Екатер. с.-д. Комитета. Предупреждение гласило, что всякая попытка к уличным демонстрациям будет подавлена беспощадными мерами; постороннюю публику губернатор просил не присоединяться к толпе из любопытства, дабы «не оказаться без вины пострадавшими». Все жандармские и полицейские чины были поставлены на ноги, из местного гарнизона был выделен баталион Симферопольского полка, который в полной боевой готовности должен был 15-го дефилировать по городу.

---

[1]) Прокламация «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава» (12|XI—1901 г.) хранится в Екат. Музее Революции.

[2]) См. Дело о брожении среди студентов высших учебн. заведений 1901 г. хранится в Музее Революции.

IV

К четырем часам дня часть проспекта между Торговой и Троицкой улицами была запружена народом и полицией. Схватка была об'явлена с обеих сторон открыто, и обе стороны открыто готовились. В глубине одного из дворов (Михайличенко) на Торговой и за гостинным рядом на проспекте стояли наготове конные стражники. Часть из них медленно раз'езжала по проспекту не позволяя многочисленной публике сойти с тротуара. «Сам» жандармский генерал Делло раз'езжал на лошади и руками отталкивал народ с улицы на тротуар. Проскакал несколько раз верхом и губернатор. Все ждали начала демонстрации к 4—5 часам, но публика (среди которых было много любопытных) напрасно прождала до 6 часов вечера, когда вдруг хлынул чуть ли весенний теплый дождь. Значительная часть публики разошлась, а другая скучилась под навесом магазина Ефанова на углу Торговой и проспекта.

Вдруг из вагона, остановившегося на этом же углу, вывалилось значительное число студентов; за первым вагоном последовал второй и третий и все со студентами, которые выстроились у проспекта. В это время из прятавшейся от дождя публики отделилась группа горняков; такая же группа вышла из трамвайной будки. Образовалась внушительная толпа, которая с криками «ура! Долой самодержавие! Долой правительство! Да здравствует свобода!» выстроилась на проспекте и затем, вместе с приставшими к ним рабочими, быстро направились к губернаторскому дому [1]). Для полиции это было несколько неожиданно. Но она все же успела преградить толпе дорогу. Конные стражники перерезали ей дорогу со стороны Троицкой улицы; с тылу ее окружила полиция, прятавшаяся в д. Михайличенко. Вскоре подоспел дефилировавший по городу (под видом «военный прогулки») батальон солдат.

Когда студенты попытались вырваться из кольца пешей и конной полиции и солдат, стражники начали их хлестать нагайками. Хотя по оффициальному докладу губернатора на имя департамента полиции, нападающей стороной была толпа и студенты, которые, де, отказались (окруженные!) разойтись и начали бросать в солдат камни, а полицейских бить палками, на самом деле это было «несколько» иначе. Студенты защищались, когда их ловили стражники, которые гнались за ними с занесенными над головой нагайками и пытались избить их и задержать.

Но что было безусловно бессмысленной жестокостью, это нападение полиции на мирную толпу, прятавшуюся от дождя на проспекте. Как только демонстрация началась, часть полицейских с нагайками, без всякого предупреждения, набросилась на мирную толпу и начала ее избивать нагайками и кулаками. За убегавшими они пускались вдогонку и били, а падавших на скользкий тротуар топтали ногами и тащили в круг арестованных.

Усердствовали и некоторые из солдат, наносившие вырывавшимся из кольца студентам побои прикладами. «Впрочем,—оговаривается губернатор

---

[1]) В этой толпе был И. П. Каляев, проживавший тогда в Екатеринославе и работавший в с.-д. организации.

в своем докладе,—ушибы, нанесенные прикладами не представляют какой-либо опасности для жизни; в одном случае довольно сильные в голову».

Словом за попытку мирной демонстрации полиция жестоко расправилась в большинстве с лицами, не участвовавшими вовсе в этой попытке. Многим, впрочем, удалось бежать. Задержано было 50 человек, из них 24 студента, 1 гимназист, 1 реалист и 2 женщины. Арестованные были водворены в арестанскую при центральной полиции. Число арестованных было бы несомненно больше, если бы «бывший на прогулке» батальон не опоздал и если бы арестованные оказали меньше сопротивления.

Несмотря на жестокие избиения, демонстрация на завтра имела свое продолжение на Чечелевке. 16 декабря, недалеко от Брянской площади, на I улице большая толпа студентов, окруженная рабочими, развернула красное знамя и с криками «долой самодержавие!» и пением марсельезы прошлась по рабочему кварталу. Но, когда из засады выскочили конные раз'езды, толпа рассеялась по переулкам.

Напуганному воображению администрации грезилось повторение «демонстраций и беспорядков», что вызывало, конечно, «тревожное» настроение. Но в намерение и организационного Комитета студентов Екат. Высшего Горного Училища и Екатеринославского Комитета партии Р. С.-Д. Р. П. продление демонстрации не входило, и жандармы вскоре успокоились, хотя в известных видах старались держать департамент полиции в напряженном состоянии... Вслед за большим начальством потянулось и малое, градом рапортов выпячивая перед начальством свои заслуги в деле усмирения демонстрантов. Околодочный надзиратель Телюпа, получивший удар куском железа, рапортует о своем усердии, за ним тянутся надзиратели Пелипенко, Соколов, городовые Егоров и Прядин и прочие. Все эти рапорты носят злобный характер, и сопровождаются указанием лиц, участвовавших в демонстрациях и якобы наносивших полицейским побои. Зато в деле нет ни одного протокола о ранениях, нанесенных демонстрантам, а они были, даже по признанию губернатора, и причинялись нагайками и прикладами по голове.

Но властей этот вопрос мало занимал, между губернатором и департаментом полиции началась переписка совсем о другом, как быть с демонстрантами, и как с ними расправиться, независимо от нанесенных им побоев и поранений.

Особую ретивость проявил в этом отношении губернатор, предложивший привлечь арестованных дважды: за нарушение изданного им обязательного постановления, за сопротивление полиции и нанесении им ушибов и побоев и в порядке 1035 статьи по обвинению в государственном преступлении, на что директор департамента полиции, Зволянский конечно, согласился.

V

Жестоко расправившись с арестованными, администрация начала разбираться в том, кто причастен или непричастен к демонстрации. И, как всегда водилось в подобных случаях, большинство оказалось просто наудачу

выхваченным из толпы, и при всей мстительности полиции пришлось большинство арестованных освободить. К 24 декабря почти все были на свободе. В результате серьезно скомпрометированными в демонстрации оказались 4 студента: Шахнович, Каргин, участвовавшие в демонстрации и кричавшие «долой царя», «да здравствует свобода», затем Марковский и Кравцов, просто участвовавшие в демонстрации, отделавшиеся сравнительно легко.

Но жестоко расправилась администрация с организаторами демонстрации и выдающимся деятелем партии А. А. Костюшко-Валюжаничем, И. Жмуркиной, арестованными только 25-го декабря. У жандармских властей были определенные указания, что Костюшко учредил организационный Комитет Е. В. Г. У., был его членом, что он при участии Екатеринославского Комитета партии устроил демонстрацию, принимая в ней непосредственное участие, при чем пел революционные песни, кричал «долой самодержавие!», «свергнем дом Романовых», «да здравствует свобода» и дозволил себе насильственные действия над чинами полиции. При аресте у него взяли нелегальные документы. Его немедленно заключили в губернскую тюрьму, где условия режима для него были так тяжелы, что он об'явил голодовку, после чего был увезен в новомосковскую тюрьму. В тюрьме его гноили $1^1/_2$ года, после чего по «высочайшему повелению» его отправили в глухой Намский улус (Восточная Сибирь, Якутской губернии) на 5 лет. На тот же срок была сослана и Жмуркина.

Ссылка Костюшко оказалась для него роковой. Человек сильной воли он и в неволе искал выхода для своей энергичной натуры и бурного темперамента. В знаменитой «романовской» истории 1904 года, когда группа политических ссыльных оказала властям героическое вооруженное сопротивление, Костюшко играл руководящую роль и был ранен в бедро. Затем он бежал из тюремной больницы и скрывался долго в приисках. В октябре 1905 г., как только он услышал про революцию, Костюшко прискакал в Читу. По поручению Комитета партии, он организовал боевую дружину из железнодорожных рабочих «Совет Солдатских и Казачьих депутатов» и «союз военно-служащих». По требованию Совета, переданного через Костюшко, был введен новый устав военной службы, переменилось обращение с солдатами, были освобождены политические. Но вскоре прибыл карательный отряд генерала Ренненкампфа. Костюшко был арестован и растрелян [1]).

VI

«Беспорядки,—писал директору департамента полиции екатеринославский губернатор,—продолжались всего 10—15 минут» и тем не менее он продолжал нервировать департамент целый год. В свою очередь и департамент держал в напряженном состоянии местные власти, пугая их предстоящими беспорядками. «По агентурным сведениям,—телеграфировал Зволянский Екатеринославскому губернатору 16 января 1902 г.,—среди

[1]) Теплов. История якутского протеста (дело «романовцев») 1906 года, стр. 447—449, 460.

студентов и во всех слоях общества университетских городов держатся упорные слухи о предстоящих 20 января небывалых еще беспорядках революционного характера». Это был, конечно, плод напуганного воображения. Но все же инстинкт не обманул опытного сыщика. Двадцатого не двадцатого, но надвигалась гроза на самодержавие. И демонстрация 15 и 16 декабря в Екатеринославе была первым громом, готовой разразиться политической бури. Вот почему «десятиминутная» публичная политическая демонстрация 15 и 16 декабря 1902 года сыграла роль значительного симптома не только в екатеринославской, но и общерусской жизни. Она была предтечей грозных событий, которые скоро разыгрались и подточили устои старого режима, чтоб потом их окончательно смести...

Г. НОВОПОЛИН

Петр Слинько[1])

Материалы к биографии

Петр Федорович Слинько (работавший в Киеве во время гетманского подполья под фамилией Сидоренко) родился в 1895 г. 25 июня в с. Оржище Лубенского у., Полтавской губернии. Отец его был крестьянин, владевший 3-я десятинами земли и обремененный большим семейством.

Первое представление о революционном движении Петро (так звали его потом в партийной среде) получил еще в в 11 летнем возрасте, когда летом 1906 года на его глазах был арестован после продолжительного и очень грубого обыска его старший брат[2]). Через два месяца в руки Петра случайно попадает пачка свежеотпечатанного выборгского воззвания. Он прочитывает его и ночью, по своей инициативе, на свой страх и риск, разбрасывает его по селу, всполошив этим полицию. Когда ему было 13 лет, он прочитывает известную в то время «Русскую историю» Л. Шишко и дает клятву, когда вырастет, все силы свои посвятить на борьбу с царем и «проклятыми панами». По окончании сельской школы (в 1908 г.) Петро просит отца, чтобы тот отправил его учиться в сельско-хозяйственную школу. Но у отца нет ни средств, ни возможности. Старшие братья не живут дома, отец надрывает свои силы в тяжелой работе и заболевает, маленькое хозяйство приходит в крайний упадок, и Петро остается дома «на хозяйстве», фактически являясь почти единственным работником в семье. Неся на своих плечах непосильную работу по хозяйству, он нередко нанимается на поденную работу, чтобы поддержать нуждающуюся семью с больным отцом. В 1910 году, работая в качестве поденного рабочего возле молотилки, он по неосторожности попал ногой в шестерню машины и сильно искалечил правую ногу, лишившись всех пальцев ноги и части ступни. Этот случай на несколько месяцев приковал его к постели, и он снова взялся за книжку. Еще во время обыска 1906 г. ему каким-то образом удалось спрятать «Речи бунтовщика» Крапоткина. Четыре года прятал он от всех эту книгу, несколько раз пробовал ее читать, но многое в ней было непонятно ему, и он откладывал свое чтение до более благоприятного момента. Теперь он вытащил ее и тайком от отца принялся за чтение. Но не успел он прочесть и половины, как отец заметил, вытащил ночью из-под подушки и бросил в печку[3]), опасаясь, как бы о ее

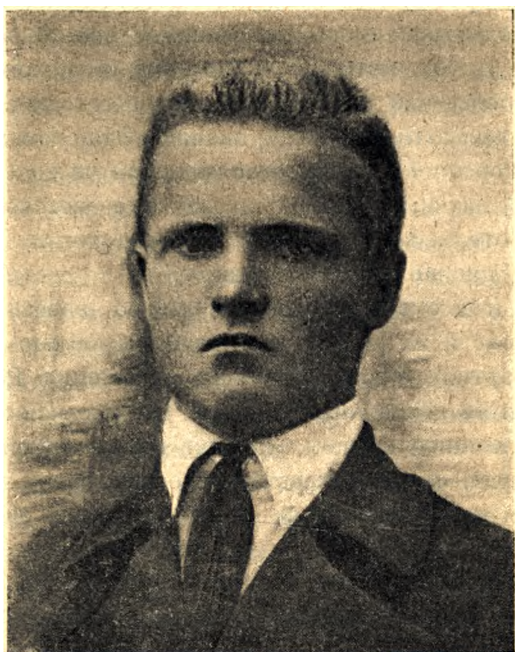
---

1) Редакция просить всех, знакомых с жизнью и деятельностью погибшего тов. Петра, доставить о нем материалы в редакцию.

2) Автор этой статьи.

3) «Речь бунтовщика» была сожжена отцом после того, как он сам прочел от начала до конца эту книгу, тайком от Петра.

существовании не пронюхала полиция. Нужно сказать, что отец и вся семья находилась под непрерывным наблюдением полиции и подвергались постоянным преследованиям за участие старшего сына в революционном движении 1905—7 гг. Во время поездки отца в Полтаву зимой 1909—10 гг.

ПЕТР СЛИНЬКО

Надсилаю Вам, Мамусю, останього свого портрета з часів нелегальної моеї работи в Київі при гетьманщині і дуже-дуже прошу выбачити мене за довге мовчання. Тепер я зможу Вам писати, хоч не знаю чи довго буде ця змога. Петя.
20/I.

На память дорогий Мамусі! Петя.
19/I—1 року. м. Київ.
З новим годом мама! Петя.

для выяснения судьбы арестованного в то время сына, он жестоко простудился на площадке товарного вагона, слег и больше уже не вставал. Все это, конечно, не могло не отразиться на образе мыслей Петра.

После смерти отца (весной 1911 г.) Петро фактически остался главным и единственным работником в семье, с больной матерью, с двумя младшими братьями и с малолетней сестрой на руках. В том же году в Оржище открылось Высшее Начальное (4-классное) училище. Петро, несмотря на возражения матери, поступил на 17 году жизни в училище, еще более усложняя этим свои заботы по содержанию семьи. Эти четыре года, проведенные им в школе, были самыми тяжелыми, самым мрачным

периодом его жизни. Тяжелое материальное положение семьи, постоянные заботы по хозяйству, о куске насущного хлеба, изнурительные полевые работы то и дело отрывали его от школы, от занятий. Тяготение к книге, к развитию у него было огромное. Приготовляя уроки на лету, между делом, он ухитрялся находить время для чтения; очень любил рисовать, а по ночам писал пространный дневник, часто засыпая над ним с пером в руках. Только благодаря своим выдающимся способностям, он благополучно оканчивает школу, которая не дала ему ни положительных знаний, ни развития, ни более или менее серьезной подготовки, но которая зато пробудила в нем ненасытную жажду знаний. Эта жажда так и осталась у него неудовлетворенной. В годы революции он часто сетовал, что отсутствие серьезных научных знаний делает его неспособным к большой политической работе, и все ждал того момента, когда победа пролетариата позволит ему прочно засесть за книгу.

В 1915 году (год окончания школы) Петро впервые узнает о Карле Марксе, Ф. Энгельсе и их учении, о международной борьбе рабочего класса, о политических партиях, о революционном движении в России, о классовой сущности войны и ее возможных исходах. По окончании школы, получив освобождение от военной службы, что при искалеченной ноге не составляло никакого труда, он решает оставить семью и пуститься в широкое плавание, не имея ни определенной цели, ни каких либо ясных планов на будущее.

В августе 1915 года, имея в кармане 12 рублей, и взявши с собою только пару белья, Петро оставляет Оржицу и уезжает сначала в Полтаву, а затем в Екатеринослав в надежде найти какой либо заработок. В сентябре он поступает рабочим на Екатеринославскую областную сельско-хозяйственную опытную станцию (возле ст. Синельниково), а 27 ноября 1915 г. он уже сидит в одиночной камере Екатеринославской тюрьмы по обвинению в принадлежности к укр. соц.-дем. рабочей партии. Через два месяца (21 февраля 1916 г.) Петро был сослан в административном порядке в Сибирь, в с. Баяндай, Иркутской губ., Верхоленск. уезда, куда он и прибыл по этапу весной 16 апреля 1916 г.—пройдя все пересыльные тюрьмы и этапы по пути Екатеринослав—Красноярск. В Баяндае Петро находит колонию политических ссыльных и после долгого тяжелого этапного пути получает возможность взяться за книжку. Здесь он более обстоятельно знакомится с марксистской литературой, с историей революционного движения в Европе и в России, изучает политическую экономию.

Зимой 1916 года у него возникает мысль о побеге из Сибири в Америку. Он тщательно обдумывает план побега, голодает, стараясь скопить для этого необходимую сумму денег из своего, более чем скудного, бюджета. Побег назначен был на весну 1917 года.

Но весна приносит долгожданную революцию и освобождение.

В конце апреля или начале мая 1917 года Петро приезжает из ссылки в г. Лубны, Полтавской губернии. Первое о чем он заговаривает после возвращения из ссылки, это о своем желании учиться, т. к. он чувствует полную неподготовленность к широкой политической деятельности. Но учиться

тому, в чем он испытывал потребность, не было возможности в те дни, да и негде было. В то время политическая жизнь в Лубнах была очень бледная. Тон задавали украинские шовинисты всех мастей, которых Петро не переваривал находясь еще в Баяндае в ссылке. Большевистской организации не было совсем, а с кучкой своеобразных студентов-меньшевиков Петро разошелся с первых же дней своего появления в Лубнах, назвав их на одном из своих выступлений «милюковскими куклами». Считая себя укр. с.-д. с левым большевистским уклоном, Петро пытается, но безуспешно, организовать в Лубнах группу «укр. соц.-дем. рабочей партии большевиков», за что чуть не поплатился своими ребрами в одной из полковых воинских частей, расположенных в Лубнах.

После этого он получает мандат «агитатора» от Лубенского Совета рабочих и солдатских депутатов и существовавшего тогда уездного общественного комитета и отправляется в уезд. Переходя из села в село, преимущественно пешком, Петро созывает сходы, митинги и раз'ясняет смысл и значение происходящих событий.

В одном очень глухом кулацком селе (Овсюки), которое даже в июне месяце все еще не хотело признавать совершившегося переворота и продолжало поминать в церкви царя и служить молебны о его возвращении на царство, Петро чуть не стал жертвой кулацкого самосуда.

Скоро, однако, агитация Петра приходится не по вкусу Лубенскому Совету. Его обвиняют в большевизме, в «демагогии», и он отказывается от звания агитатора.

«Большевизм» и «демагогия» в агитации проявились в том, что Петро резко оттенял социальный момент в революции, призывал к захвату помещичьих имений, выступал решительным противником войны (это было перед известным июньским наступлением Керенского), а также резко осуждал шовинистическую политику Центр. Рады.

Непрерывное месячное общение с селянами, изучение настроений пробуждающегося села поставило перед Петром целый ряд новых, трудно разрешимых для него в ту пору вопросов. С особенной остротой встал перед ним земельный вопрос.

Отказавшись от звания «агитатора», Петро уединяется, в течение двух недель, отказывается от всякого общения с внешним миром и принимается за чтение всего, что можно было тогда достать в Лубнах по земельному вопросу. В результате этого уединения он пишет обширный доклад и отправляется с ним в Полтаву в Комитет большевиков. В этом докладе он доказывает необходимость образования на Украине особой большевистской партии с названием: «українська соц.-дем. робітнича партія большевиків» со своим украинским партийным центром и с особой программой по земельному вопросу, которая в основном должна свестись к социализации земли. В Полтаве его приняли очень сухо, к его затее отнеслись более чем скептически и даже не захотели прочесть его доклада. Тогда он направился в Киев, тоже к большевикам. Там его высмеяли, сказав, что он попал не по адресу и в насмешку посоветовали обратиться к «самому» Грушевскому, который, мол, в этих вопросах более компетентен,

нежели большевики. С кем именно он вел переговоры в Полтаве и Киеве, это, к сожалению, остается неизвестным, но такой факт несомненно имел место.

После неудачного паломничества, результатами которого он был крайне удручен, Петро снова возвращается в Лубны. Это было в начале августа, в разгар предвыборной кампании в городскую думу. В это время в Лубнах образовалась маленькая группа (из 4-5 чел.) левого течения укр. п. соц. рев. (впоследствии боротьбисты), с своеобразной программой, представлявшей смесь марксизма, анархизма и эсеровщины с полубольшевистской тактикой. Петро сразу же примыкает к этой «дикой группе», принимает самое деятельное участие в предвыборной кампании. Группа выставляет самостоятельный список (отдельный от УПСР Центральной Рады) и получает в думе 3 или 4 места, являясь самым левым крылом ее. Скоро эта Лубенская «дикая», группа связывается организационно с Полтавской т. н. левобережной группой УПСР, представителями которой были А. Заливчий, Р. Матяш, Л. Ковалев, Н. Калюжный, Н. Литвиненко и др., впоследствии члены КПБУ. Три месяца находится Петро в рядах этой партии, хотя значительной роли в ней не играл, скептически относясь и к самой партии и к своему участию в ней.

Отношение Петра к октябрьскому перевороту проявляется в посылке им за своей подписью обширной приветственной телеграммы в смольный на имя т. Ленина от имени Лубенского пролетариата. На посылку этой телеграммы пошла вся наличность партийной кассы и часть денег, вырученных им от продажи своих новых сапог.

С УПСР Петро порвал также быстро и решительно, как и вступил в нее. Это произошло тотчас же после ноябрьского с‘езда УПСР в Киеве, где председатель с‘езда торжественно облобызался с приехавшим для приветствия с‘езда Грушевским. Петро был в числе очень немногих, которые реагировали на этот акт шовинистического угара криками: позор! На этом с‘езде Петро выступил с резкой критикой господствовавшего в этой партии мелкобуржуазного шовинистического направления, за что удостоился отповеди лидера УПСР, что он «цвірінькає як жовтороте горобеня», наслушавшись ленинских бредней. После этого с‘езда Петро прекратил свою работу в Лубенской группе, которая немедленно распалась с его выходом, и начал собираться в Питер, прямо к т. Ленину, чтобы изложить ему свою точку зрения на ход и развитие революции на Украине. Но дальнейшие события не позволили ему осуществить этого намерения, и его новая докладная записка на имя «уважаемого, дорогого, но незнакомого с Украиной вождя рабочего класса» (так было написано в обращении), где-то пропала, не получив никакого движения. Между тем к Киеву из Полтавы двигался Муравьев со своими отрядами Красной гвардии. 11 или 12-го января в Лубны прибыл броневик, и в Лубнах была утверждена власть советов. Петро, воспользовавшись первым же отходящим поездом, уехал вместе с тов. Кокошко в Харьков и вступил в число сотрудников «Известий» ЦИКУК‘и. Вместе с нею, в связи с наступлением немцев, он переезжает в Киев, затем в Полтаву и в Таганрог, где происходит ликвидация ЦИКУК‘и.

Он принимает участие в Таганрогском совещании, как член группы левых незалежников УСДРП, затем в Воронежском с'езде этой группы в мае 1918 года и после этого с'езда формально вступает в ряды КПУ вместе с Буценко и др.

В июле 1918 года, после первого с'езда КП(б)У в Москве, в котором Петро принимал участие и был избран кандидатом в первый ЦККП(б)У он возвращается на Украину для налаживания подпольной работы в условиях немецко-гетманского режима. В течение тех 6-7 мес., которые прошли со времени его от'езда из Лубен, Петро сделал такой огромный шаг вперед в своем развитии, какой бывает возможным только в период революции. Это был уже вполне определившийся коммунист, с правильным марксистским подходом ко всем вопросам теории и практики революционной борьбы, умеющий самостоятельно ориентироваться в политической обстановке и наметить и выдерживать определенную твердую линию.

Таким он прибыл на Украину в июле 1918 года и, переждав в Полтаве, когда пройдет у него очередной приступ возвратного тифа, он в августе отправился в Киев для подпольной работы. По дороге он останавливается в Лубнах, надеясь связаться с существующей там подпольной организацией КП(б)У и рискуя быть узнанным и пойманным. Ведь в Лубнах его знали на каждом перекрестке. Действительно, как только он сошел с поезда и вышел на станцию, к нему подошли двое вартовых и потребовали документы. Петро спокойно и уверенно пред'явил ряд документов (фальшивых конечно) на имя учителя Сидоренко. Полное спокойствие и самоуверенность Петра смутили вартовых, которые лично Петра не знали и действовали по указке тайного агента, находившегося в другой комнате и велевшего арестовать замеченного им большевика. Вартовые отошли, один стал возле двери для наблюдения, а другой отправился к агенту. Петро, воспользовавшись заминкой и увидев, что он попал в капкан, присел на подоконник открытого окна и через минуту был уже на перроне. Послышались тревожные полицейские свистки. Поднялась суматоха. Петро юркнул под ближайший вагон и пустился бежать. За ним целая свора вартовых, шпиков, любителей, зевак с криком, шиканьем, улюлюканьем. Поднялась стрельба. Однако, Петру удалось на этот раз благополучно ускользнуть от преследователей и скрыться в ближайшем лесу. Оттуда он пробрался на опытную станцию лекарственных трав, где его спрятали знакомые. Ночью он добрался до ст. Солоница (возле Лубен), сел в товарный вагон первого отходящего поезда и благополучно добрался до Киева.

О периоде подпольной работы Петра в Киеве и на Правобережьи данных сохранилось очень мало. Эту часть его короткой жизни могли бы с достаточной полнотой осветить товарищи, работавшие вместе с ним в Киеве и близко его знавшие, в частности, Н. Тарногородский, Дробнис, отчасти Бубнов и др. Особенно много ценных материалов для биографии и характеристики Петра, в период подпольной работы его в Киеве, могла бы дать его жена Стася Глухова (работает в ЦКРКП под фамилией Слинько).

Известно, что Петро был членом подпольного киевского областного Комитета КП(б)У и не раз об'езжал по поручению Комитета Правобережье

Украины. В октябре 1918 года он ездил в Москву на 1-й с‘езд КП(б)У и был избран кандидатом в ЦК, а затем, когда из состава ЦК выбыл т. Рафаил (Фарбман), Петро был введен в число членов ЦК [1]). На обратном пути, возвращаясь со с‘езда, он на короткое время останавливался в Харькове и в Полтаве.

Во время владычества Директории Петро был арестован петлюровцами не то в самом Киеве, не то в Фастове. Ему грозил расстрел, но он во время убежал из под стражи.

В Киеве после изгнания директории, он был введен в состав Киевского Губревкома, был членом Губкома КП(б)У и Президиума Губисполкома, одно время был председателем Ревтрибунала. Под председательством Петра в Киеве разбиралось дело левого эсера Донского, совершившего террористический акт над немецким генералом Эйхгорном.

На III Всеукр. с‘езде советов Петро был избран членом ВУЦИК‘а, кажется, под фамилией Сидоренко.

При наступлении Деникина, когда необходимость эвакуации Киева сделалась очевидной, Петро был намечен к оставлению на Украине для подпольной работы. Сперва Зафронтбюро предлагало направить его в Николаев или Одессу, а затем было решено послать в Харьков, в составе тройки для Левобережья Украины. В эту тройку вошли: М. Черный, Петро Слинько и Н. Тарногородский.

В самый разгар эвакуации Киева, в средине августа, Петро и Михаил Черный выехали из Киева на пароходе по Днепру на юг, к Черкассам, навстречу наступающему Деникину. Н. Тарногородский в это время еще не прибыл в Киев из Винницы, а потому и не уехал с ними. Предполагалось, что он явится в Харьков позже. А позже произошел провал и арест Петра, Черного и всей харьковской подпольной организации, и Тарногородскому ехать в Харьков было уже незачем.

В Черкассах Петро и М. Черный выждали два дня прихода Деникинцев и раз‘ехались, чтобы разными путями добраться до Харькова. Через несколько дней по приезде в Харьков Петро был арестован на улице. До сих пор обстоятельства, при которых произошел его арест и провал всей организации с достаточной точностью и полнотой не установлены. Существуют две версии: одна—что Петро был задержан деникинцами на улице случайно, при вечерней облаве на дезертиров из белой армии. В числе многих, не имевших установленных документов, Петро, будто бы, попал в участок, и там при обыске во время допроса в нем заподозрили коммуниста и задержали для выяснения. Когда на второй день в подпольной партийной организации стало известно, что Петро задержан и находится в участке, то проникший в организацию провокатор поставил об этом в известность деникинскую контр-разведку, которая и расшифровала Петра, а затем, чтобы не всполошить всей организации и не выпустить ее из своих рук, с помощью того же провокатора, были арестованы и другие члены харьковской организации, в том числе и М. Черный.

[1]) Петро Слинько был также избран членом ЦК на 2-м С‘езде К.П.У., он был также участником Орловского Совещания. Редакция.

По другой версии Петро был арестован на улице контр-разведкой, опознавшей его и неотступно следившей за ним. Арест же М. Черного и др. был произведен позже с помощью того же провокатора и независимо от ареста Петра.

Во всяком случае не подлежит сомнению, что провал харьковской подпольной организации, арест и расстрел Петра, М. Черного и друг. и затем дальнейшие провалы произошли потому, что в организации все время находился провокатор, неизменно наносивший предательский удар, как только организация оправлялась и начинала становиться на ноги после каждого предыдущего провала.

Когда Петро попал в участок и увидел, что его заподозрили, он сделал отчаянную попытку к побегу. Воспользовавшись выходом в уборную, он вырвал винтовку у конвоировавшего его солдата и бросился к выходу, но был тут же схвачен и жесточайшим образом, до потери сознания, избит, после чего его из участка отправили в каторжную тюрьму, где он и сидел до расстрела.

Есть сведения, что из тюрьмы он тоже пытался бежать, но из этой попытки ничего не вышло.

Между тем, уцелевшие от ареста товарищи решили подкупить следователя, который вел дело Петра и Михаила Черного. Но следователь заломил сумму, которой разгромленная организация не обладала в то время. Снарядили одного товарища в Киев за деньгами. Связь была еще не налажена, и раздобыть денег скоро не удалось. И когда, наконец, посланный товарищ прибыл с деньгами, то было уже поздно: ни Петра, ни М. Черного уже не было в живых.

---

28 октября (ст. ст.) в конторе тюрьмы заседал т. н. военно-полевой суд, перед которым предстало 34 обвиняемых в большевизме. Среди них были Петро и М. Черный. Петро держался спокойно, с большим достоинством. Он начинал несколько раз негодующую обличительную речь против палачей-насильников, но его резко обрывали и не давали договорить. Из 34 судившихся 28 были приговорены к расстрелу.

Все осужденные подали прошения о смягчении приговора, только Петро Слинько да М. Черный отказались от подачи прошения, заявив, что они презирают своих душителей и предпочитают умереть, чем обращаться к ним с унизительной просьбой.

Приговор был утвержден. В ночь с 30 на 31 ноября всех приговоренных 28 человек вывели во двор. Отсюда один из них был вызван в контору тюрьмы и оставлен, а остальных 27 человек повели за город. По дороге запели «Интернационал». Конвойные набросились и начали избивать. Избиению был подвергнут и Петро, как видно из протокола освидетельствования трупа.

Все 27 чел. были расстреляны в Григоровском бору и свалены кучей в одну яму.

Так оборвалась молодая, юная жизнь Петра, погибшего на 25 году от рождения в полном расцвете сил и способностей.

С приходом Советской власти трупы были извлечены из могилы и 4 января 1920 года торжественно похоронены в общей братской могиле на Харьковском ипподроме, возле Белгородского шоссе.

Во время похорон в своем прощальном слове тов. Мануильский дал блестящую характеристику Петра.

Отличительными чертами Петра были: его кипучая, неусыпная энергия, удивительная жизнерадостность и душевная бодрость, которая не покидала его никогда, ни в тяжелый период его хозяйничанья в деревне, когда он жил с матерью, ни в годы его голодной и холодной сибирской ссылки, ни в тюрьме, когда над ним уже витала смерть.

«Удивительное дело,—пишет он в своем дневнике во время сибирской ссылки,—при всех моих лишениях, при постоянной непрерывающейся голодовке, настроение духа у меня продолжает быть чертовски хорошим. Уже и сам удивляюсь: откуда оно? казалось бы нет ничего, что могло бы хоть приближаться к хорошему, а между тем настроение не омрачается даже и таким фактом, как голод. Удивительно!» В другом месте он пишет: «Чем больше нужда и лишения, тем бодрее и тверже себя чувствуешь».

Таким он был всегда до самой смерти.

Его честность, прямота и простота и постоянная ровность в обращении при его энергии и постоянной жизнерадостности располагали к нему всех, кто сталкивался с ним. Он слыл хорошим товарищем и хорошим крупным работником. Среди близко знавших его партийных товарищей было много таких, которые не только ценили в нем растущего и крепнувшего работника, но и горячо, искренно любили его.

Закалившись в тюрьме и ссылке, выкристаллизовавшись в огне революции в открытого и смелого борца за освобождение рабочего класса, Петро на глазах у всех вырастал в политического работника крупного масштаба, с широким кругозором, с большим размахом работы. И только отсутствие серьезной политической подготовки задерживало его буйный политический рост.

Революционер с головы до ног, без всякой тени мещанства, в душе ненавидя обывательщину с юных лет, он очень остро и болезненно переживал крушение Сов. власти перед приходом Деникина и искал ошибок, искал способов к их исправлению, искал страстно новых путей и проводил их, угадав, что через 5-6 мес. «снова наша возьмет и уже навсегда». Уезжая на подпольную работу, он говорил на прощанье своему маленькому 15 летнему брату: «подрастай и, если я погибну, иди смело по моим стопам. Знай, что только коммунистическая партия выведет человечество на широкий светлый путь. И ты должен быть в ее рядах,—если хочешь носить имя человека».

С этой верой в грядущее торжество заветов коммунистической партии Петро расстался с жизнью в Григоровском бору, близ Харькова, 30 октября 1910 года.

12 марта
1923 года.

ИВ. СЛИНЬКО

Заднепровье

1913—1917 гг.

I

В пяти верстах к северу от г. Екатеринослава, по обеим сторонам железно-дорожной линии, раскинулся, начиная от берега Днепра и кончая Самарскими лесами, ныне вырубленными, убогий рабочий поселок Заднепровье с такими же убогими слепыми хатенками и домишками, тщательно отгороженными друг от друга. Поселок разбит на четыре предместья. Нижне-Днепровск с Султановкой, Амур и Бараф на берегу Днепра, живописный, утопавший в зелени Самарин и село Мануйловка. Упираясь в небо дымят фабричные трубы, заволакивая черным дымом все Заднепровье. На Амуре раскинулся «Шодуар», далее зав. бывш. Бертхольда (цинковальный), за ним следует Сириус, гвоздильный, Ланге. Указанные заводы, принадлежали частным акционерным обществам. Недалеко от ст. Н.-Днепровск, на песках, разбросаны на большой территории 5 каменных с стеклянными крышами корпусов Н.-Днепровских вагонных мастерских с бесчисленным количеством готовых, больных, требующих большого, среднего и малого ремонта, пассажирских и товарных вагонов.

Здесь же недалеко стоят корпуса Эстампажа и Печного заводов, принадлежавшие Бельгийцам, далее к северу костопальный, гвоздильно-проволочный—Гантке, и «Новый трубный». Всего во время наивысшего напряжения и развития указанных заводов, в мастерских работало около 30 тысяч рабочих всех квалификаций, главным образом, металлистов. Рабочих можно разделить на 2 группы.

1-я группа это переменный состав. Сюда входит значительная часть рабочих, не имеющих абсолютно никакой собственности кроме пары рук, которые он продает сегодня одному фабриканту, завтра другому и т. д., состоящая, главным образом, из элемента пришлого со всех уголков необ'ятной самодержавной бывш. царской империи.

2-я группа—незначительная—представляла из себя так называемый «оседлый элемент», имеющий свой домик и хозяйство. К этой группе я отношу и местных мануловских крестьян, также имеющих свою «земельку» и скотину. Первая группа является квартирантами у вторых, снимая у них квартиры за 3—5 руб. в месяц. Питались рабочие с базаров, куда крестьяне с окрестных деревень свозили продукты, было большое

количество мелочных лавочек, торговавших помимо с‘естных припасов и пивом, и водкой, за что платили постоянно известную положенную мзду околодочным и городовым. Имелось 3 винных казенных лавки, и пивных, располагавшихся всегда возле выходных ворот заводов. Жизнь рабочего поселка была однообразно монотонна лишь по воскресным дням. Во время получки рабочие напивались, дрались, играли в карты; другая, более развитая часть, посещала местные любительские театры как-то: Трезвость, «Просвиту» и кино, где ставили бесконечно «Наталку-Полтавку», «Мазепу», «По на Днипром», «Нахмарило» и т. д. в общем, весь, истрепанный, ничего не дающий для рабочего старо-украинский репертуар. Спектакли всегда заканчивались «Танцами», где рабочая молодежь, воспринявшая «культуру», бессмысленно с бараньим видом плясала до утра с маменькиными дочками тех же рабочих. Культурно-просветительной работы почти не было. Была библиотека в Н.-Днепровских вагонных мастерских, где насчитывалось до 4-х тысяч книг различного содержания. Совершенно отсутствовали книги политического и экономического характера, но за то в изобилии была беллетристика: как современные, так и классические писатели. Подписчиков было чрезвычайно мало. Библиотекой выписывались газеты: «Русское Слово», «Ведомости», «Копейка», из журналов: «Нива», «Огонек», «Родина», «Вокруг Света». Позднее, когда библиотека была в наших руках, мы настояли перед соответствующей администрацией выписывать «Правду» «Просвещение». Была и другая библиотека при Народном доме на Султановке, но о ней говорить не приходится, так как она была под высоким покровительством самодура черносотенного попа...

Вот, приблизительно сжатый очерк существования Заднепровья, которому в истории Революционного движения в России, в истории гигантской Гражданской борьбы будет отведена прекрасная страница.

II

Нижне-Днепровские вагонные мастерские в начале 1913 года насчитывали около 2700 рабочих. Будучи «казенными», как обыкновенно их называли, мастерские в состав рабочих принимали после длинной волокиты и выяснения «политической благонадежности» рабочих через соответствующие полицейские участки и жандармские канцелярии. Имея маленькую привиллегию, я, как сын отца, прослужившего на Екатер. жел. дор. 12 лет, после бесчисленных хлопот, прошений и слез матери, 18 летнем юношей, после моих почти ежемесячных переходов с завода на завод, поступил в качестве ученика в мастерские на 36 к. в день. Первые месяцы нашего ученичества, а нас было человек 12, было только хождение из конторы в контору, исполняли обязанности рассыльных при цеховых конторах. После 6-месячного испытания нас разбили по бригадам уже в качестве настоящих учеников. Жизнь ученика в мастерских отличается от других учеников лишь только тем, что тебя не бьют, а всегда угрожают увольнением. Работа в бригаде давалась самая разнообразная в зависимости от производства. Мне пришлось попасть

в Никкелировочный отдел пассажирского цеха, где заведующим был Я. Игнатенко, мой бывший мастер на Печном заводе. Работая, как все рабочие, 9 часов в сутки я стал прислушиваться и наблюдать в новой для меня обстановке. На частных заводах рабочие и мастеровые жили совершенно другой жизнью, нежели в мастерских: там карты, пьянство, разврат были постоянным необходимым спутником чуть не каждого рабочего. Здесь эти спутники как-будто находились в тени и не выступали так рельефно, как на заводах. Рабочие здесь постоянно находились под угрозой лишения хорошего места, естественно дорожили им и старались вести более или менее приличный образ жизни. Значительная часть рабочей молодежи увлекалась танцами. Другого развлечения она не находила. Выписывали для чтения во время обеда газеты и журналы с картинками. Рабочие, в зависимости от их имущественного положения, держались семейными группами, также выписывали газеты, состояли членами «О-ва Трезвости» при Н.-Днепровских мастерских, куда и стекались от безделья в праздничные дни с детьми и женами, обсуждая последние новости из обывательской, тихой спокойной жизни. Месячный заработок колебался от 30 до 90 руб. в месяц. Но в мастерских были и партийные рабочие. Об этом говорилось потихоньку, чтоб никто не знал. Эти партийные позволяют себе роскошь не считаться с общепринятыми авторитетами мастерских, выписывают, читают и распространяют рабочие газеты: «Правду», «Луч», «Просвещение»; ругают и ненавидят начальника мастерских, не отвешивают поклонов величественному монументальному жандарму Проше, всегда спорят за расценки, не соглашаются в общем со многими явлениями, вытекающими из повседневной трудовой рабочей жизни. Видя и наблюдая все это я, как и многие другие, пренебрежительно относился к одному из таких партийных, который работал в никкелировочном отделении. Это был молодой, худощавый, с опущенными украинскими усами, никкелировщик Д. Лебедь.

Во время работы к нему с оглядками приходили такие же загадочно-спокойные, как и он, с других цехов В. Клочко, П. Воронцов, А. Галах, всегда разбегаясь, если замечали, что их увидел начальник цеха или всевидящий, всезнающий блюститель порядка и спокойствия жандарм Проша. В один из обеденных перерывов, я, как всегда, читал свою газету «Копейку». Я ее выписывал в течении 2-х лет, и ее авторитет был для меня непоколебимым. Все, что там писалось, я считал за сущую правду. Особенно мне нравились печатаемые романы «Антон Кречет», «Ущелье» и «Смерть». Остальные товарищи по цеху вели обычный похабный разговор о женщинах. Лебедь, всегда почему-то присматривавший за мной, изредка вступал в споры со мной по еврейскому вопросу, читая свою газету «Правда». Раз он обратился ко мне: «Как тебе не стыдно, Александр, ты рабочий, а читаешь черносотенно-желтую газету. Ты, как пролетарий, должен и обязан читать и поддерживать свою кровную газету «Правду», которая издается там на далеком севере на гроши таких рабочих, как и мы с тобой, а эту сволочную издает капиталист, который подделывается под нас рабочих и затемняет твое пролетарское классовое самосознание». Я заспорил. Спорили долго, но в конце-концов

я согласился взять у него на время почитать «Правду», где как раз писалось о расстреле безоружных рабочих на Лене. Непонятной после «Копейки» показалась мне она. Я не понял передовицы, а лишь заинтересовался рабочей хроникой, где рабочие пишут о своем житье-бытье. Газета клеймила позором монтеров, мастеров, начальников и др. администраторов и представителей власти. Особенно мне понравились басни Демьяна Бедного, который писал о купцах,—о мужике Федоте. Читая и сравнивая обе газеты, я стал приходить к мысли, что газета «Копейка» действительно вредная газета, а «Правда» это есть настоящая правда. Я попросил чтобы и мне ее выписывали, так как ее газетчики не продавали, а всегда приносил кто-либо из механического цеха: или П. Воронцов или Володька Клочко. Заинтересовавшись чтением, я стал брать книги из библиотеки. Кроме того мне стали давать запрещеные книжки. Помню, первые из них были—«Пауки и Мухи», «Кто чем живет», «Работница», «Конек-Горбунок». При чтении этих книг передомною начал открываться совершенно новый неведомый для меня мир: мир борьбы рабочих за свое человеческое существование и освобождение от тяжелых пут, которыми их сковало правительство и фабриканты. Я стал просить все больше и больше. Беллетристика меня стала не удовлетворять. Я стал просить научных, на что мне Лебедь сказал, что он принесет «Эрфуртскую программу» и «Коммунистический манифест», но что их самому читать тяжело: нужно собраться в кружок и разбирать, —разбирать непонятное; для этого он предложил мне притти на линию возле депо в 6 час. вечера. Там придет за мной такой же молодой товарищ из механического цеха и приведет на квартиру, где и будет разбираться программа. Меня привлекала эта таинственность и неизведанность чего-то запрещенного, желание искать правду, и ей служить. Оторванный от сверстников по цеху, не любя ни танцев, ни разврата, я с радостью согласился. Помню, брызгал майский дождик. Наскоро переодевшись в праздничную одежду, с таинственным видом оглядываясь поминутно назад, я вышел в указанное мне место. По полотну жел. дороги, с беззаботным видом, ко мне подходит тов. А. Кучинский. Я его до этого не знал.—Вы будете Суханов из пассажирского? «Я»!—Пойдемте со мною, уже наши почти все собрались.—«Да кто-же наши? был мой вопрос. «Как кто, разве ты не знаешь?— Я, Булат, Клочко, Воронцов, Чеченин, Галах, Андронов и Лебедь, который сегодня должен прочесть нам о первом мае.

Уже смеркалось. С такими же осторожностями пришли остальные. Все оказались налицо; меня познакомили, с кем не был знаком. Лебедь меня отрекомендовал: «Полюбуйтесь,—ярый антисемит! Я хотя не понял, но засмеялся вместе со всеми. С напряженным вниманием мы слушали путанный доклад Дмитрия Лебедя, который, повидимому, смущаясь, краснея, часто останавливаясь, простым языком говорил о международном пролетарском празднике 1-го мая. Говорил о неведомых тогда для многих из нас учителях Марксе и Энгельсе, говорил об анархисте Мих. Бакунине, который мешал организации I Интернационала и о многом другом. Многое для меня в то время казалось непонятным. Все обменялись мнениями

и вопросами, только я стеснялся задавать вопросы, прикидываясь, что я все понял. Потом, по предложению П. Воронцова, мы решили организовать кружок для изучения политической экономии и марксизма, постановив делать отчисления для нужд кружка. Казначеем выбрали В. Клочко, установив день для наших постоянных занятий в воскресенье в лесу, а в случае скверной погоды—на квартире у Володи, так как он жил сам. Стоит на одну минуту закрыть глаза, как проходят с кинематографической быстротой все происшествия, первые этапы развития, укрепления и организационной деятельности кружков Заднепровья. Общая постановка работы, в условиях полицейского режима, была тяжела. Нужно было скрывать свои мысли, поступки, действия, не только от жандармов, шпиков, но зачастую от рядом стоящих с тобой за тисками таких же рабочих, как ты. Несмотря на это, жизненная сила развития кружков все больше и больше захватывала, как молодежь, так и рабочих. Массовки—эти пробные камни организационной мощи раздробленного рабочего класса—проходили всегда дружно. Лишь изредка, благодаря чрезвычайной осторожности наших патрульных, приглашенные товарищи блуждали и не находили явки. Работа ширилась, росла и крепла; установлена была хорошая связь с Питером, с редакцией «Правды». Газеты мы получали своевременно, попадали к нам и конфискованные номера. Почти ежемесячно устраивали собрания периферии,—общие собрания стали проходить более организованно. Специально выделена организационная тройка из Булата, меня и, кажется, Андронова, задачей которой было всегда отыскивать хорошие места для массовок и их охранять. Стали появляться на наших собраниях т. Носенко, Драчев, Худокормов, читавшие доклады на различные темы, стал принимать участие П. И. Медведев, все время державшийся как то выжидательно, работая в легальных обществах. С городской организацией установлена связь через Василия Рябого (сапожника). Начали дискуссировать с украинскими эсдеками в «Просвите» и за Каменкой. Лидерами у них в то время были Романьченко (Буханько), Дубовый, Сторубель. К началу 14 г. Заднепровская организация, руководимая Нижне-Днепровск. Вагонной ячейкой, значительно пополнилась следующими товарищами: Г. Баглей, П. Апокин, Воропаев, Борисов, все Пассажирского цеха. Почти вся ученическая молодежь была в наших руках, хотя и не входила в наши кружки. Из нее выделялись великолепные технические исполнители: в товарном цеху Логош, Пашукевич и Шелюк, остальных не помню; в колесном П. И. Медведев; кузнечном—Нейжмак; механическом—В. Клочко, П. Воронцов, А. Галах, Кучинский, Ф. Чеченин, Дживинский, Хорошев, и Андронов. К этому времени была заложена ячейка и в «Шодуаре», в которую входили следующие т.т.: Черновалова, А. Новиков, Кузовлев, Куракин, Блинов, Верниволя, Бортников, Маруся с токарного цеха, Ю. Корецкий, Власенко, Татько. На Гантке: сочувств. Мирошниченко; в Управлении Екатер. жел. дор. был Драчев, Скворчевский, Сребницкий, Манкевич; в «Эстампаже»; Хлебодаров в больничной кассе и еще кое-кто.

о которых сейчас вспоминать не стоит. Одни умерли, а другие, легко потеряв свой марксизм, махнули на него рукой и превратились в обывателей, ругая Сов. власть и коммунистов, лишивших их спокойствия, сытости и мещанского уюта. С развитием и укреплением партии естественно встал впрос о нелегальном органе. Решено было издавать, кажется, «Пролетарий». Нашему кружку дано было задание изготовить станок и доставить шрифт с Каменского. Упорно, настойчиво выбирая подходящее время, готовили мы станок. Делать приходилось почти всегда в обеденное время, когда нет ни любопытных, ни монтера. Горячий Петька (Воронцов) всегда торопил изготовлением»: «Что вы, черти, дурака валяете, или хотите чтоб у вас не было газеты. Шрифт и касса уже есть, а станка нет! Надо скорей!» Мы пытались оправдываться—я и Булат—тем, что мешают—и нам действительно много мешали,—однако, станок и подушка скоро были готовы. Собрались вечером у Володи Клочко. Петр и я набираем, Володя и Филипп (Чеченин) никак не наладят станок, подушка не прижимает. Вот набрали большими заглавными буквами «Пролетарий орган Р. С. Д. Р. П. большевиков». Вот передовица, не помню, кем написанная, а дальше хроника, сообщения и перепечатка из Стокгольмск. «Соц.-Демократа». Однако нашим желаниям не суждено было исполниться. Не ладилась наша типография; оттиск слабый и все сливает. Разочарованные, с решением наладить дело во что бы то ни стало, расходимся под утро. Но дальше хуже: то не ладился станок, то Володя закопал где-то в лунную ночь шрифт и его не нашли. В свое время мы часто над ним смеялись, а Володя, краснея и смущаясь, оправдывался: «я когда закапывал луна была как раз вот над этой большой кучугурой, а теперь вот ее нет». Решили от станка перейти к гектографу. Накупили желатину в разных местах, чтоб не бросилось в глаза, в нескольких аптеках вазелину и глицерину и занялись варкой; «лента» вышла великолепная. Так как я имел хороший, разборчивый почерк, то меня заставили писать, и печатными буквами первую листовку по поводу 9 января, а потом ходили с Володей покупать бумагу, уже в разных магазинах, и счета также брали на контору завода Гантке. Сколько принималось предосторожностей, чтоб не провалиться. Вот, кажется, за тобой следит шпик, вот он сел с тобой рядом, вот сел случайно городовой на этот же трамвай или лодку и в голове проносится тысяча мыслей, как уйти, и запутать. Потом уже обыкновенно выяснялось, что это были случайности. Помню, уже в дни империалистической бойни, когда рабочий класс опутал туман шовинизма, когда вышло знаменитое Плехановское воззвание к российским рабочим с призывом к участию в войне против Германии. Комитет решил выпустить листовку (я в Комитет не входил). Техническим исполнителем всех наших «печатных» произведений были В. Клочко, П. Воронцов, Ф. Чеченин, А. Галах, И. Булат и пишущий эти строки. Я в то время был уже прекрасным специалистом «набил руку», как хвалили меня товарищи. Печатать решили на квартире у Галаха в городе. Предварительно завесив окна и двери и стараясь не шуметь, чтоб не слышала хозяйка, мы приступили и решили выпустить 500 экземпляров.

С одного подлинника выходит 30—40, не успеваю писать, рука устает. Дал Володе, ничего не выходит. Звук, шорох, скрип, заставляли стучать наши сердца, однако, работа закончена, руки в химических чернилах, издающих специфический запах. Мне нужно итти за Днепр через мост, одновременно захватить и листовки. Сворачиваю, рассовываю по карманам, благополучно дошел до моста, глухо в ночной тишине шлепают галоши по мосту, при выходе с моста на мостовую передо мною, как из земли являются архангелы: околодочный надзиратель и городовой.—«Стой, кто идет? Ни с места!» Остановился.—«Откуда идешь?» С «Солея».—«Какая там картина? Назвал первую подходящую. «Покажи руки». Показываю в перчатках, снимаю, в тени чернил не видно. «Иди!»—пошел.

Когда я вышел в полосу электрического фонаря, им, вероятно, бросилась в глаза полнота моей талии—слышу:—«Стой, стрелять буду!»—Бегу; из моста выходит поезд. Выстрел. Цепляюсь за поезд и теряю галошу. Смотрю на преследователей. Увидев, что меня нет, ругая городовых, околодочный вернулся на мост. Наутро листовки (рабочие называли их «голубцами»), сложенные в треугольники уже белеют возле станков. В общем листовки у нас выходили всегда своевременно и в прекрасном виде. Можно было без напряжения читать.

III

Время летело, неудержимо, приближая нас к величайшим мировым событиям, а их было так много, расстрелы, стачки, отравление рабочих на фабрике «Треугольник». Все это требовало нашего внимания и своевременного реагирования. Гремят через головы депутатов Государственной Думы бодрые призывающие речи нашей «пятерки» конфискуют, закрывают газету «Правду», но она неугомонная, несмотря на аресты и высылки редакторов в места столь отдаленные, продолжала существовать, несмотря ни на какие репрессии. Прекрасно проходят у нас сборы на нашу «Правду», рабочие стали просить ее, желая также быть приглашенными на массовки. Нужны агитаторы-рабочие, их нет, имеющаяся пара интеллигентов пропагандистов-агитаторов частенько трусит, под разными предлогами не является на доклады и выступления; к таким я отношу Носенко, Драчева и Рысина,—работающих в больничной кассе. Решили организовать нечто в роде подпольной школы агитаторов. Лектором и руководителем согласился быть А. Скворчевский.

В школу попадаю я, Булат, П. Воронцов и Чеченин. Начинаем заниматься. Эта школа дала нам так много... Собирались один раз в неделю то у Петра, то в лесу, то на лодке. Взятая система нашего хорошего, но трусливого, учителя, была прекрасна. В основу наших занятий было положено 3 вопроса:

1. Политическая экономия—занимались по Богданову.

2. Карл Маркс и его учение; «Коммунистический манифест», «Эрфуртская Программа»—Каутского.—«История революционного движения в России и на Западе». Помимо этих основных вопросов занимались

изучением Дарвина; изучение природы по Бельше («Любовь в природе»), а также уделяли внимание и на злободневные темы. Обсуждение речей депутатов и т. д. Вот это—первые учебники нашего марксистского развития.

Черные тучи реакции, все время висевшие над российским пролетариатом, еще ниже спустились, спустились так низко, что горизонт борьбы заволакивался сплошным покровом. Куда ни глянешь, всюду туман. Насаждение различных легальных возможностей представляло опасность даже для вполне опытных, искушенных в борьбе отдельных бойцов и заставляло их всегда быть на страже классовых интересов. Кроме того боязнь обнаружить преждевременно себя подкравшемуся готовому прыгнуть заклятому врагу. Нам удалось использовывать и легальные возможности, для разоблачения этих обществ, с одной стороны, а с другой—выхватывания из этих одурманивающих рабочие головы очагов соглашательства все честное и полезное для организации. После предварительных дебатов на кружках, пришли к мысли о необходимости работать в «О-ве Трезвости», которое имело библиотеку, и захватывало в свои тенета все больше и больше рабочих, где проводилась политика сближения администрации с рабочими, где механики цехов, начальники мастерских с их женами уделяли по директивам жандармского полковника известное внимание тому или иному рабочему и мастеровому. Первой нашей победой здесь были выборы в Правление О-ва Трезвости. Председателем был избран Тов. Лебедь. Несмотря на это, ему все-таки председателем не дали быть, так как по уставу председателем должно быть лицо, назначенное администрацией «не без влияния жандармского отделения». На этот раз назначили механика Пассажирского цеха Перибудагова, армянина, человека хитрого, инженера, слывшего либералом и пострадашего в 1905 г. Эти слухи распространяли, главным образом, подхалимы из членов Союза Русского Народа. Имея чуть не все свое Правление, мы приступили к лекциям-читкам на различные не политические темы. Зав. библиотекой был утвержден В. Клочко, а я его помощником. Были дни, когда наша подпольная библиотека, насчитывавшая около 300 книжек, спокойно распределялась через Библиотеку О-ва Трезвости. Мы вдохнули в О-во свое идейное содержание и одновременно разоблачали в «Правде» своими корреспонденциями под псевдонимами, Арбель, Заклепка, Облезлый, лицемерие руководителей этого милого учреждения. Администрации оставалось только догадываться об авторах этих ядовитых заметок. Были и другие приемы, например: 2 года подряд мы затрачивали деньги на новогодние маскарады, на изготовление костюмов и масок. Первая наша маска, была прекрасно задумана и представляла собой лицо современной молодежи в виде ходячего манекена двуногого осла, на лбу которого была надпись: «Нат-Пинкертон», в карманах порнография и спринцовка, за поясом кинжал, в руках чугунная перчатка. В этом костюме был изящно одетый молодой человек, даже с галстуком. Попытки публики и присутствующей администрации снять и узнать—кто эта маска, не удались. Был присужден 1 приз мраморный черный чернильный прибор. Вторая маска представляла собой действительное лицо О-ва Трезвости,

ходячий манекен, у которого под нагами все классики, лекции и самообразование в проекте, а лицо глупое и пьяное. За это также получил 1 приз.

Третья наша маска, за которую не только приза не получили, но маске пришлось даже удирать, это высокая раскрашенная фабр. труба. Внизу картины из тяжелой жизни рабочего, а по середине—рабочие всех стран подают друг другу руки с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Администрация запротестовала, жандарм хотел задержать ходячую трубу, но она своевременно ретировалась. Имели мы свое влияние и на кооператив, где также основной задачей была эта агитация, где работал в то время, как оказалось впоследствии, старый провокатор Ф. Веренчев. Охранка, видя, что Трезвость, библиотеку которой мы отделили и сделали самостоятельной, становится крамольным гнездом, начала против нас гонения, и предложила администрации преждевременные перевыборы. Было намечено правление из механиков цехов и подхалимов монтеров. Так мы сделали большое, скромное дело и разоблачили сущность Трезвости, где членами были почти все алкоголики. Отвоевав библиотеку, мы пополнили ее политическим отделом, выписывая целый ряд газет и журналов марксистского направления, где почетное место занимала «П р а в д а». В истории нашего движения рабочая печать сыграла огромную роль. Все жертвы, людьми и средствами, окупались сторицею. Вероятно, каждый мог бы припомнить из своего прошлого, какое оживление вызывало обыкновенно в мастерских и заводах появление «Правды». «Правда» была неумолчным голосом рабочего класса, она была источником света, необходимого для рабочего. Помимо этого она давала всем нам возможность вокруг «Правды» организовать новые кружки, которые уже имел почти каждый член первого основного кружка. Стоит только вспомнить и представить себе то состояние, в котором мы часто оказывались, когда она по тем или иным причинам не приходила. Идет, повесив нос, Володя с почты—так и знай, нет «П р а в д ы». Есть «Правда», Володя весел, кепка на затылке. И только «Правда», как огромный рефлектор, бросала снопы красного света на всю страну, освещая все уголки, тяжелыя, где под тяжелым ярмом гнулись трудовые спины рабочих.

22 апреля 1914 года был об'явлен день рабочей печати, д е н ь н а ш е й «П р а в д ы». Все наши усилия были направлены к тому, чтобы помочь газете. И как сейчас помню, она вышла с портретом Маркса и Энгельса. С раннего утра по цехам была получка, мы с пачками полученных юбилейных №№ подходили к рабочим с просьбой помочь газете и пожертвовать в «ж е л е з н ы й ф о н д», «П у т и п р а в д ы». Выводились грязными руками на подписном листе фамилии и рядом 20—50—1 и т. д. Одни охотно давали, другие с опаской быть замеченными, а третьи просто отказывали. Но сбор прошел великолепно. Собрали еще новых подписчиков, написана соответствующая корреспонденция от имени рабочих с заверением, что Н.-Днепровцы по м е р е с и л с в о и х будут помогать. Еще необходимо остановиться на издании марксистского журнала «П р о с в е щ е н и е», который поставил себе задачу всестороннего разбора революционно-

марксистского движения как на Западе, так и в России. Сотрудниками этого журнала были, главным образом, литераторы—марксисты. Этот журнал мы читали с глубоким интересом.

1/V—1914 г. исполнилось 25-летие пролетарского праздника. Была назначена большая массовка, на которую были приглашены и городские товарищи, день был праздничный, полиция с утра рыскала по кучугурам и лесу.

Все жили сознанием собственной силы и мощи, верой в победу. Все дышали первомайским воздухом, наполнявшим все фибры наших душ. С вечера под 1 мая было выбрано укромное место на острове за Сахалином. Высокий кустарник, острова и высокая трава дали возможность хорошо укрыться от любопытных глаз. На площадках дежурят патрульные, весь остров окружен водой, и в удобных пунктах стоят лодки. Вот начинают прибывать приглашенные, частью в одиночку, частью компаниями по три-четыре человека сразу. Среди рабочих, одетых в скромные косоворотки и пиджаки, бросаются в глаза пестрые рубахи, перехваченные у пояса тугим ремешком. Нарядились, как на гулянье. Интеллигенты по платью мало отличаются от рабочих: те же пиджаки только с галстуком и воротничком.

Опытный глаз легко разбирает в этом собрании и лидеров: они отличаются от всех остальных шевелюрой и манерами. Сегодня к нам приехали Квиринг, Лия Полонская, Аверин. В ожидании полного сбора уже ведутся споры. Все смешалось в одну пеструю толпу. Кипит горячий спор. Спорит горячий Петро с одним из городских,—спорят о том, может ли женщина, при современном развитии техники, окончательно вытеснить мужской труд. Говорят оба разом, но это ничуть не затрудняет обступивших их слушателей. В других группах ведутся деловые разговоры—о технике, явках и связях. Вот пришел Ванюшка Булат с группой молодежи впервые допущенной на такое обширное собрание. Вот Николай (Глебов-Авилов) в черной накидке. Он недавно приехал из Питера. Профессионал—партиец. Он высок, худощав, с глубоко запавшими близорукими глазами.

Поблескивая стеклышками пенснэ он подошел к нам:—«Ну, как дела, пропагандисты?»—«Хорошо, скоро кончаем».—«А манифест хорошо знаете?». «Знаем!». Присутствующий Антон Скворчевский самодовольно и любовно поглядывает на нас. Они у меня молодцы. Я их заставляю его зубрить наизусть. А ну-ка Санька, скажи, что повлекло за собой открытие Америки, Индейского и Китайского морского пути? Краснея отвечаю:—«Колонизацию Америки, обмен с колониями, увеличение способа обмена, в общем увеличение торговли, мореплавания, промышленности, достигших неизвестного раньше развития. Этим ускорили накопление революционного элемента, в Феодальном О-ве, которое начало распадаться. «Так, так, молодец! тебе, пожалуй, уже можно вполне выступать». Поспешно шагая, раздвигая кусты, пришел тов. Н. Кузовлев с зав. Шодуара. «Что так поздно? Идут-ли Шодуаровцы?»—Нет они не прийдут, они собрались в кучугурах в Каменке, ждут ораторов.—«Давайте, кого нибудь можно пожертвовать. Да Вас здесь ведь много?» «А много собралось?»,—не поднимая головы спросил

Васька Аверин.—«Конечно много, уже-ж не кружок, ради кружка я не стал бы беспокоить; не летучка, а настоящая массовка». Последние слова подействовали. Посылают Аверина и меня, иди, мол, и выступай. «Нет не пойду?» «Почему?», набросился на меня Володька. Пошли втроем. Вот условный патруль жует копеечный пряник, стоит возле мельницы, взглядом указывая дорогу. Приходим, народу действительно много. Разбились на кружки. Видны карты, пивные бутылки и закуска.—«Для конспираций!»—оправдываются товарищи. Глядя на эти черные в саже, масле, темные фигуры, одетые по разному, тут и рваная рубашка, и белый воротничек и котелок, я не жалел о том, что не услышу интересного доклада Квиринга и Николая (Глебова). Предстоящий митинг, на котором мне прийдется выступать впервые, казался мне интересным, но к приятному чувству еще примешивались тревожные сомнения. О чем говорить? О текущем моменте, а потом о программе. Может быть не все будут слушать, будут шуметь, невнимательно слушать, наконец, возможно появление стражников. Попадешь под нагайки. Представив картину избиения мне стало не по себе. Явилась мысль вернуться. Отказались другие, чего же я иду? но сразу стыдно стало этих колебаний и при мысли, что возвращение могут истолковать, как трусость, стал в уме готовить свою первую речь. Пустынна, молчалива была в то время степь с ее курганами. Вдали виднелась Каменка с белыми призрачными домами. Прямо на нас дышут пламенем корпуса Шодуара и Брянского. Чудилось, что эти каменные гиганты втянули в себя весь мир, всю суетливую, беспросветную жизнь Заднепровья. А в стороне серебряной лентой, казалось, неподвижно застыл красавец Днепр. С Днепра тянуло свежестью и влагой. Заводы глухо гудели стонами, вырывавшимися из их бетонной груди вместе с огненными языками пламени, раздавались стук, гром, лязганье металла. Рев пара, грохот тяжелых молотов. Ровно, не торопясь, точно отчеканивая каждое слово, говорил тов. Аверин, говорил долго понятным рабочим языком. Здесь не было вычурных иностранних слов, было все понятно, все разборчиво. Я забыл, что мне нужно говорить слушая с напряженным вниманием каждое сказанное т. Авериным слово, которое хлестало по нервам присутствующих. Он кончил: вздох из сотни грудей. «Начинай!»,—нервно вытирая пот, нетерпеливо сказал мне Василий.

«Товарищи!»—сказал я, и сделал паузу в ожидании когда повернутся ко мне все головы, и стихнет оживление после речи Аверина. Сотни любопытных глаз смотрели удивленно на меня, 19-ти летнего юнца. Измученные лица, темные от пота и грязи. Прямо пред собой я увидел коренастого старика с огромной черной бородой, на голове пожелтевший от времени картуз. Взгляд был недобрый; я невольно с‘ежился под этим полупрезрительным взгядом. «Товарищи!»—повторил я менее твердо, в смущении хотел подняться на ноги, но вспомнил, что надо говорить сидя. Тесным кольцом окружили меня незнакомые люди. Но они мне стали бесконечно близкими и понятными. Сердце мое сжалось от странного, непривычного чувства. Я начал говорить, говорил сперва тяжело, потом слова как то сами полились.

Голос дрожал, колебался и не было в нем уверенности и силы. Была путанная, крикливая с повторением речь. Говорил о борьбе классов,

о противоречиях капитализма, об угнетении пролетариата, о роскоши и богатстве капиталистов. Говорил и смотрел прямо перед собою, не видя лиц своих затихших слушателей... Когда я умолк люди сидели безмолвные, будто ждали еще чего то. Я вытер капли пота со лба. Мне казалось, что все сказанное было ненужно, нескладно и наивно, а то и попросту глупо. Опустивши голову я стыдился собственной речи и только что пережитого волнения. Нас начали благодарить. «Спасибо, товарищи, спасибо, что пришли!».—«И вам спасибо!» отвечал им довольный и радостный Аверин. Он больше всего импонировал общему радостному настроению. Плотный, среднего роста, с широким скуластым лицом, с шевелюрой русых волос, в синей блузе, он мог повесть эту массу куда угодно. Расходимся. Идем усталые. Митинг прошел удачно. Все прямо в восторге. Быстро шли по улице, громко, весело говорили, забывая всякую конспирацию. Зашли в лавочку, купили квасу и бубликов. А вечер уже приближался, незаметно летели часы, на душе было так ясно и радостно. Вспыхивали звезды на темном небе, вспыхивали зарева над Бельгийскими и Брянскими печами. Гудели запертые в каменные корпуса машины, а вдали, утопая в вечерней мгле, шумел город. На утро радостно делимся за станками впечатлениями.

IV

Теперь вернемся к той кошмарной действительности, которая началась с 1914 года.

Одним из главных видов рабочего движения в России, в начале 1914 г. вплоть до войны, несомненно являлась массовая стачка. Именно она окрасила собой в то время все движение рабочего класса. В общей стачечной волне по прежнему выделялась политическая стачка, развернувшаяся с огромным размахом и силой в памятные майские и июньские Петроградские дни. Перед войной размах Питерской стачки, дошедшей до баррикад, был так велик, что мы, тесно связанные с Питером, ждали призыва на стачку общероссийского масштаба. Реакция также не дремала: перед самым об'явлением войны из наших рядов был выхвачен и арестован один из любимцев рабочих, пользовавшийся большой популярностью, авторитетнейший член нашей организации, Петя Воронцов. Особой любовью пользовался он среди нас. Всегда энергичный, широкий, невысокого роста, с черными пронизывающими глазами, с как будто никогда нечесанными волосами, зимой и летом в замасленной кепке, Петро одной внешностью всегда располагал к себе. Он много читал, умно наблюдал, и очень умело делился с товарищами и рабочими своими знаниями и наблюдениями. С периода окончания нами школы Петька сделался влиятельным «своим» оратором, часто наивным, но всегда искренним и верно отражавшим настроение «серой массы». Арест Петра много вызвал у нас толков. Черным предательством начало вкрадываться в душу сомнение, вызвало удесятеренную осторожность. У каждого в душе были свои подозрения... Но никто о них не говорил, а каждый думал свою думу. Грянул гром империалистической бойни. Исчезли баррикады с петроградских улиц. Потянулись бесконечной вереницей эшелоны на запад под стоны и слезы отцов и матерей. Загорелся весь мир, пожар

невиданной в истории человечества бойни народов за интересы капиталистов, помещиков и банкиров, война за новые рынки, за новый раздел мира, за передел «малых угнетаемых народностей». Война вовлекла уже семь из восьми великих держав и грозит вовлечением восьмую.

Она втягивает одну за другой второстепенные державы. Русские, германцы, австрийцы, французы, англичане, индусы, негры, канадцы, сербы, турки, арабы, болгары, румыны и т. д. Все пять частей света развернулись, примыкая к той или иной из воюющих сторон. Жутко, страшно стало за будущее. Идея патриотизма вытеснила из голов рабочих и крестьян интерес к своему положению и вместо об'еденяющего огненного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», раздался клич буржуазии «все на войну! все для войны! спасай отечество!». Раскололся II Интернационал. Не стало «Правды», ее сейчас же закрыли, при чем закрыли все, что мешало самодержавию. Всякая агитация и суждение о действиях Правительства обсуждалось рабочими, считалось чуть не делом рук германского шпионажа. Нас, как работающих в государственно казенных мастерских, об'явили на военном положении, чуть не наравне с солдатами. Администрация одела погоны, предлагали также рабочим, но отказались. В день об'явления войны приехал с Питера наш общий любимец депутат Государственной Думы Г. Н Петровский. Несмотря на дьявольскую слежку за ним ему удалось все-таки быть на созванном нами широком общем собрании, где присутствовали также представители города. Тов. Лебедь был разводящим, мы были патрульными. Тихо. Ровно падает свет луны на Султановские кучугуры. Пробираясь группами и в одиночку идут товарищи, тихо размещаются в кустах, вспыхивают огоньки папирос. Тревожно всматриваясь в даль, ловя каждый шорох, бодрствуют патрульные. Лебедь проверяет:—«Что, ничего?» «Ничего, спокойно». Сменили меня. Бегу, вижу в котловине, сидя и лежа, слушают с напряженным вниманием любимого вождя. Он тихо, скрестив руки, в шляпе и парусиновых туфлях, делает свой доклад, выясняя позицию занятую большевиками в вопросе об империалистической бойне.

Кончил... Развернулись прения, жаркие, страстные. Горели огнем ненависти лохматые головы брянцев, волновались Шодуаровцы, спокойно «урезонивали» Нижнеднепровцы. Присутствующие интеллигенты скромно молчали. Уж слишком было для них тяжело. Не верилось им что это война, самая настоящая война. Они думали, что дело пока обойдется большими маневрами. Мы, молодые, вышедшие уже на широкое поле практической организационно-пропагандистской работы чувствовали нечто другое. Какой-то особенный энтузиазм.—Было желание сейчас же броситься на борьбу, не считаясь с условиями переживаемого момента. Настроение было бодрое, приподнятое, более 40 пар глаз впились в спокойного Григория Ивановича, он делал раз'яснения и отвечал на вопросы. Невольно кто-то обратил внимание на противоположную кучугуру, там, замаскировав себя кустами, стоял человек, кто он! никто не знал. Посыпались предложения: «Пойти к нему и схватить».—«Ну, а вдруг там засада» подумал каждый про себя. Тогда решили разбежаться. Григорий Иванович, успокаивая всех, говорил:—«За меня

не беспокойтесь, я депутат, личность, что называется, неприкосновенная». Задвигались темными точками убегающие с кучугур. Затявкали собаки, затрещали заборы. На улицах ни души. Было 3 часа ночи. На утро оказалось, что тов. Лебедь поставил там патрульного Кучинского и забыл его снять, а он простоял до утра. Утром в мастерской он жаловался, что его не сменили и не дали послушать Григория Ивановича.

V

До властей, вероятно, доходили самые верные сведения и слухи о нашей работе. Они смотрели на нас и ждали от нас «поступков», за которые можно бы было сразу закатать туда, куда, как говорят, Макар телят не гонял. Все участники и члены организации, как потом выяснил тов. Лебедь, разбирая архив охранки, были на счету. Мы также чувствовали и знали, что за нами следят, не предполагая и не допуская мысли, чтобы среди нас был провокатор, а он был, работал, принимал участие, представлял квартиру, даже ходил с револьвером, это был жестянник Стеркин. На его появление и поступление в мастерские мы как-то не обратили внимания. Как сейчас помню его щупленькую тщедушную фигурку с вечно бегающими маленькими глазами. Помню, мы возвращались с Научно-технического О-ва, где был первый Екат. Совет Раб. Депут., т. Лебедь как-то таинственно намекнул о том, что завтра будет арестован наш член организации с ячейки мастерских. Нас шло пятеро: Лебедь, Скворчевский, Воронцов, Вол. Клочко и я. У каждого вырвался вопрос: «кто-же?». Оказалось, это был Стеркин, присланный специально из Петроградской охранки и получавший большие деньги. Другой—Веренчев,—работавший в кооперативе, выдавал Украинск. с.-д.—Их посадили до Учредительного собрания. Первая стачка у нас в Заднепровье была на зав. Шодуар, кажется, в апреле 1915 г., вызвана была значительным понижением заработной поштучной платы (лопаты и снаряды) и длинным рядом новых правил, целью которых являлись все те же любезные акционеровым сердцам барыши, под видом обороны отечества. На заводе «Шодуар» существовал небольшой революционный кружок. Я его называю революционным потому, что там были просто революционно-настроенные рабочие. Из 10—12 человек, не совсем давно привлеченных, неопытных и мало испытанных. Душой кружка был до некоторой степени С. Власенко. Он один был среди них наиболее подготовленный и серьезный. Непосредственного влияния на рабочие массы он не имел. Большое влияние на массу в зав. Шодуар имел в то время украинский с.-д. Буханько, работавший в больничной кассе зав. «Шодуар». Высокий, сильный, с протодиаконским басом, черный, постоянно оборванный, он был в глазах рабочих настоящим «социалистом». Перед самой стачкой, выбранный стачечный комитет был арестован. Арестован Власенко, Татько Ф. и Буханько. Арест к-та естественно предрешил судьбу стачки. Рабочие продержались пару недель и стачку проиграли. Кое-кого увольнили, кое-кого сдали в солдаты и от нашего кружка осталось человек 5.

Аресты продолжались. Арестован Медведев, не выпустили еще Петра Воронцова. Из мрачной тюрьмы, их 2-х белых башен, доходили глухие,

неопределенные слухи о провокаторе, который работает в мастерских. Увеличилась чуть не взаимная слежка... друг за другом. Не знаю как другие, но я подозревал чуть ли не всех. Несмотря на это мы все-таки вели свои кружки, навербованные с заводов Гантке, Эстампаж и Печного. Мобилизовали И. Булата и Н. Хорошева, стало еще меньше 2-мя активными товарищами. Выпустили Воронцова. Подозрительно отнеслись к его освобождению, при чем ходили к нему на квартиру переодетые жандармы. Долго и упорно охранка завлекала всякими обещаниями нашего Петра. Но вскоре он ушел в солдаты. Верно делала свое дело охранка. Н.-Днепровская ячейка почти разгромлена, пострадали и заводы. Война в самом разгаре. Сдали Варшаву. Понаехали к нам в мастерскую эвакуированные поляки, которые держались совершенно обособленно. Условия работы с каждым днем становятся все тяжелее и тяжелее, сбрасывают расценки, увеличивается рабочий день. Работаем по системе Тейлора, введенной молодым 27-летним, начальником мастерских, Хлебниковым. Вечно висела над каждым угроза быть отправленным на фронт. Стали толковать, перешоптываться по мастерским, как-бы устроить забастовку. Требования выставить только экономические: требование увеличения заработной платы. ты. Мы требовали уравнения нас, русских, с поляками, так как они заработную плату получали, как эвакуированные, на 50% больше нас и сверх того еще различные эвакуированные. В один миг, решаем бастовать. Повелась усиленная подготовительная агитация за забастовку. Единодушно высказываются цеха. Назначаем день 15 ноября. Утром пошли по цехам, нерешительно приступили к работе, каждый ждал чего-то, суетились механики цехов. Крадучись, заглядывая в душу каждому, ходил из цеха в цех жандарм. Решили после обеда не приступать. Вот раздался третий гудок, рабочие сидят и не идут на работы. Мы, группа молодых уже пом. слесарей, забили тревогу в буфера. Побежали из цеха в цех с криком:—«Товарищи, выходите на канаву». Остановились станки. Потянулись рабочие черной лентой к канаве (центральная площадь в мастерских). Кинулась администрация уговаривать. Взывают к долгу перед отечеством. Сердитые, недобрые взгляды были им ответом. Шумит 3-х тысячная толпа. Вот выступил кузнец Белоусов и говорит что-то о старостах. Положение неопределенное. Раздаются голоса.—«Ну, что же? зачем вызывали, говори! чего бояться?». Ячейка тут на лицо. Быстро обсуждаем создавшееся положение. Пишет Дмитрий на моей спине целый ряд требований. Толпа шумит, говорят все. Поручают мне выступить. Взбираюсь на тележку, а в руке наскоро написанные требования. Администрация скрылась, не видать жандарма:—«Товарищи!» Все смолкло.—«Прежде всего мы должны поставить в наше требование, чтобы за забастовку никто не был арестован». «Правильно!», несется мне в ответ. «Второе требование, это уеиличение заработной платы наравне с эвакуированными: пункт этот, товарищи, вызван тем, что мы за хлеб платим такую же цену как и товарищи, прибывшие не по своей вине из Польши. Посыпались предложения требовать определенного увеличения заработной платы до 100%. Голосую, проходит 60%. Третий пункт, это отмена сверхурочных работ. Нужно пустить все цеха на

3 смены, у нас много безработных, исключенных солдат, они просят хлеба—, этот пункт также принимается. Потом решили вызвать начальника мастерских, чтоб он выслушал наши законные требования. Послали за ним. Конторщики главной конторы, как прибитые собаченки тихо сидят на своих скрипучих стульях: жалко стало их беспомощных—«Что же вы не выходите на канаву?». Виновато забегали с опущенными глазами. Ждали н-ка, ждали до 5 час., он уехал в город с докладом о «беспорядках» в мастерских. Протяжно густо заревел гудок, спокойно расходимся. По приходе домой каждый из нас очищает свою квартиру от всего того, что может вызвать подозрение. Ночью были произведены обыски. Пришли и ко мне. Ничего не нашли. Арестов не произвели. На утро по цехам ходят жандармы, усилили караулы у гудка. У цеховых контор об'явление, в котором струсившая администрация дороги обещала рабочим удовлетворить возможные законные требования рабочих. Так кончилась наша первая забастовка во время войны в мастерских. Паровозные с удивлением узнали о нашей победе. А нам действительно прибавили,—причем сверхурочные перестали быть обязательными. Завидовали Н-.Днепровцам, которые, не испугавшись всех существующих драконовских военных законов вышли смело, открыто на канаву, в рабочее время. Авторитет нашей ячейки поднялся. Особым уважением рабочих стали пользоваться В. Клочко, Д. Лебедь.

Прошло полтора м-ца после ноябрьской забастовки, меня раба блаженного, через нарочного вызвали в кабинет начальника мастерских. Это было под новый год. На улицах оживление, предпраздничная суета, а я в уютном кабинете, где потрескивал камин, сидя в кресле, вел, примерно, такую предпраздничную беседу. «Г-н Суханов! Мы вас вызвали»,—здесь стоит и жандарм Проша,—«для того, чтоб предложить вам отправиться в распоряжение нач. тяги XI участка. Наше желание вызвано тем, что на указанном участке необходимы такие горячие головы, как вы».—На мое вежливое об'яснение, что я работаю в мастерских 2 года, что я учился быть слесарем, что у меня нет никакого желания оставлять старушку мать с меньшими братьями без материальной поддержки. На это мне еще раз в такой же вежливой форме, но более категорически было предложено, или получить сейчас-же командировочный пакет и билет и отправиться в Никополь на должность временного пом. машиниста—или (присутствующий жандарм был «готов к услугам») отправиться к Воинскому Начальнику, как военно-обязанный. Раздумывать долго не пришлось; я согласился на первое предложение. Сдал инструмент, получил приготовленный расчет, и почти не повидавшись с товарищами выехал в Никополь.—Было тяжело в этой своеобразной ссылке, вдали от товарищей, от мастерских, где условия труда были значительно легче нежели на паровозе. Писем почти не получал. Получал от В. Клочко письма, где он проявил крайний пессимизм и на все окружающее смотрел сквозь призму разгрома организации. Тлетворное влияние Плехановского воззвания начало оказывать действие и на таких товарищей, которые, казалось, должны были быть застрахованы от него. (Об этом напоминаю некоторым нашим уважаемым лекторам

и учителям). Пробыв в XI уч. сл. тяги, где моими ближайшими «друзьями» были жандармы, делавшие у меня обыски, не дававшие мне покою, гоняя с одного депо в другое, я как задорный и неисправимый пом. машиниста, перешел на выучку в 11 уч., который был самым тяжелым на всей Екат. ж. дор. Это—депо Екатеринослав. Здесь условия труда были, действительно, кошмарны. Однако, много я не проездил, подал на комиссию, так как не согласился с постановлением, признавшим меня здоровым, основательно поругался с нач. участка Оводенко, за что меня уволили и предложили явиться к Воинскому Начальнику. Спасаясь от солдатчины и тюрьмы, я перешел на нелегальное положение под фамилией Кирилла Александр. Степового, выбрав своим постоянным местопребыванием с. Каменку и Обуховку. Такую-же участь разделил со мною И. Гребенюк, украинский эсдек, табельщик телеграфных мастерских. Он также не пошел в солдаты и мы вместе с ним провели не одну тревожную ночь.

А. СУХАНОВ

Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок

Рассказать об Ювеналии Дмитриевиче Мельникове могу, к сожалению, слишком мало, так как знакомство наше произошло в неблагоприятной обстановке—в тюремной камере—и продолжалось недолгий срок. Но может быть для читателя небезинтересен будет и рассказ о той общественной обстановке, в которой развертывалась деятельность этого замечательного человека в год, непосредственно предшествовавший нашему аресту.

Арестованы мы были по одному делу, но впервые встретился я с ним только в марте или начале апреля 1890 г. в Харьковской Холодногорской тюрьме, куда, после 8 или 9 месяцев одиночного заключения, я был с окончанием жандармского дознания переведен из тюремного замка дожидаться решения по нашему делу.

Арестован я был летом 1889 года, вскоре после того, как познакомился с кружком рабочих «бекарюковцев». Так их окрестили потом жандармы по имени доктора Дм. Дм. Бекарюкова[1]), тоже привлекавшегося по нашему делу и с которым мне так и не удалось встретиться.

Ювеналий же и другие члены кружка называли себя, если ставился об этом вопрос, то «новонародниками», то «новонародовольцами».

Тогдашний революционный Харьков только что оживал после разгрома 1887 года, когда в связи со студенческими волнениями были произведены многочисленные аресты среди студенчества всех трех высших учебных заведений Харькова. Повсюду возникали кружки разнообразнейшего состава, с большою чересполосностью окраски. Это была пора теоретических исканий в связи с выяснившимся крушением народовольчества, пора первого размежевания в Харькове ощупью, без знакомства с произведениями Плеханова, намечавшегося марксизма и революционного народничества, делавшего попытки увлечь за собою и бросить на путь террористической борьбы силы, накопленные упорною работой пропагандистов в передовых слоях рабочего класса. В центре этой работы теоретического и практического (организационного) размежевания стоял Ювеналий. На его плечах лежала вся тяжесть отпора налетавшим от поры до времени из Питера или из какого-нибудь другого центра «революционным генералам», иногда обладавшим большою вербующею силою, пламенного воодушевления и беззаветного самопожертвования.

---

[1]) О Бекарюкове см. ниже в отд. Документы и материалы.

Такова была, например, Софья Гинзбург, приезжавшая к нам в Харьков в начале 1889 г. Обыкновенно такой приезжий требовал, чтобы его познакомили с рабочими (потому, что слава о нашем кружке гремела и за пределами Харькова; как-то проездом познакомился с ним Глеб

Альбом Истпарта, лист 10.

РАБОЧИЙ ЮВ. ДМ. МЕЛЬНИКОВ.
Харьков Социал-Револ. кружка рабоч. 1885—89 гг.

Успенский, знал о нем и Гаршин), для ознакомления их с программой той или другой группы. Его вводили, он выступал со своим призывом, и вдруг натыкался на неожиданно-серьезное сопротивление со стороны этих слесарей и портных, несмотря на то, что почва тут, казалось бы, должна была быть подготовлена работою народовольцев нескольких призывов (назову шлиссельбуржца Вас. Сем. Панкратова, Ив. Ив. Мейснера).

Ювеналий умел неотразимою силою своих доводов очень быстро прижать столичных гастролеров к стене, а следом за ним научились это делать и другие члены кружка даже в отсутствии Ювеналия.

Но не только с наезжими интеллигентами приходилось вести борьбу Ювеналию Дмитриевичу. Ему приходилось выдерживать натиск и со стороны местных народовольцев (Стояновского, Леонтия Фрейфельда и друг.). Ему все-таки удалось оттеснить их от рабочего кружка, и состязание происходило уже на арене намечавшейся центральной организации, в которую входили представители различных кружков. Здесь его поддерживал другой Фрейфельд, по имени, помнится, Леон, студент-медик, и, кажется, двоюродный брат Леонтия. Он работал и в рабочем кружке. Я его знал мельком, но Ювеналий всегда отзывался о нем с большою любовью и уважением.

Какую роль во всей этой работе играл доктор Бекарюков, не знаю, так как не расспрашивал о нем, а из отзывов Ювеналия помню только, что это был великий конспиратор. В деле нашем жандармы отвели, ему центральную роль, но, может быть, это произошло, главным образом из уважения к его докторскому званию, точно также, как я значился на обложке нашего дела вторым только благодаря своему студенческому мундиру.

А я в то время только что перешел на второй курс медицинского факультета. В гимназии еще попадала мне в руки разная нелегальщина, издания народовольцев и друг., но я плохо разбирался в них и был политически на голову ниже многих членов нашего рабочего кружка. Я отбыл уже свой стаж в двух студенческих кружках. Один из них был народнического устремления, в нем читались «Основы народничества» Юрова-Каблица и членами его были толстовцы (Николай Алексеевич Ширяев, Штейнберг), в большинстве же это был молодняк неопределенно революционного настроения. Второй кружок—был кружок саморазвития, изучали мы политическую экономию, читали параллельно Иванюкова, Смита, Рикардо и Маркса. Первых трех конспектировали и излагали на собраниях кружка, а Маркса читали сообща. Занятиями нашими руководили сначала Стояновский, а потом Леонтий Фрейфельд, оба вскоре затем арестованные по делу Софьи Гинзбург.

Сближения с рабочими я искал еще в гимназии, под влиянием Лассаля и особенно под впечатлением брошюры Либкнехта «В защиту правды». Но тогдашние попытки мои сойтись с рабочими не увенчались успехом и только уже будучи в университете, я случайно познакомился у одной приятельницы с Андреем Филипповичем Кондратенко, слесарем из железнодорожных мастерских, который вскоре и пригласил меня для занятий в кружке их организации. Читать мы начали исторические письма Миртова. Почему выбор остановился на этой книге, затрудняюсь сказать в настоящее время. Сыграла тут свою роль, вероятно, и случайность: книга была редкая, а слава ее громкая, и как раз в это время она попала в наши руки. Но, вероятно, сказалось тут и влияние ранее работавших в этом кружке народовольцев. Андрей Филиппович, по крайней мере, сохранял в то время сильные следы этого влияния. Это тоже была одна

из замечательных фигур в нашем кружке. Страстная и активная натура, с молоду он начинал было пить, не находя выхода своей энергии. По счастью, он встретился с каким-то революционером, который, изругав его на все корки, направил его на стезю революции. С тех пор он всю жизнь

Альбом Истпарта, лист 10

СТУДЕНТ В. Д. ПЕРАЗИЧ.
Харьков Социал-Революц. круж. рабоч. 1885—89 гг.

шел этою стезею и впоследствии сыграл громадную роль в истории Харьковского рабочего движения. Горячо ощущая обиды рабочего класса, он душою требовал активного протеста, отпора насильникам. Естественно, его тянуло к народовольцам, он с большим теплом отзывался о Софье Гинзбург и о Мейснере, и, не будь жены и двоих ребятишек, ушел бы к террористам. Впоследствии у меня мелькало даже предположение, что и меня-то

он пригласил в кружок с целью до некоторой степени эмансипировать от влияния Ювеналия, так как в кружке, если бывали споры, то застрельщиком их с народовольческого угла выступал и оппозицию вел обыкновенно Андрей. Во всяком случае Ювеналий говорил мне, что будь он или Фрейфельд в то время в городе, меня бы не ввели так просто, без искуса, в кружок.

Кроме Андрея, из состава Центрального кружка помню еще двух портных—Ивана Веденьева и Соломона Бронштейн, красавца слесаря Сеню Чайченко (или Чайку), двух Яковов, одного Земного, а другого Небесного—это были их произвища. А фамилия первого была Рябоконь, а второго—не помню. Всего их было человек десять.

Моя роль при наших чтениях сводилась к истолкованию тяжеловесного изложения Лаврова. Помимо что, при обсуждении разных вопросов на меня была возложена формулировка и запись решений кружка. Потому что, как это ни странно, эти высоко развитые, довольно основательно усвоившие курс политической экономии и, вообще, довольно начитанные люди плохо умели читать и еще того хуже писать. Дело в том, что воспитание свое они получили в кружках, в которых роль чтеца естественно выпадала на долю умеющего вразумительно и толково читать интеллигента. В результате им уже в тюрьме пришлось учиться грамоте. Сами они, однако, еще на воле сознавали необходимость озаботиться и о первоначальной подготовке подрастающего рабочего молодняка, работу политического просвещения, которую они вели сами. И намечался, а отчасти уже и существовал ряд рабочих кружков, в которых велись систематические занятия по обучению грамоте, географии и т. д.

От времени до времени весь этот рабочий молодняк собирался на общие собрания, обыкновенно где-нибудь за городом в лесу. Помню одно такое собрание-маевку, кажется, на Основе. Собралось человек сорок, расставлены были часовые, говорились политические речи, декламировались стихи, пелись песни, разумеется, марсельеза и др. Между прочим, вспоминается одна малорусская песня со множеством строф, начинающаяся так:

«Ну-мо, хлопци», повставаймо.
«Годи, годи спаты.
Годи царям-людоидам,
Годи панувати!».

Песня приглашала всех и каждого к восстанию:

Берить, бабы, мотовыла!
Пип беры кропыло и т. д.

По счастью вся эта молодежь уцелела при нашем аресте. Арестованы мы были в июле 1889 г. У Андрея при этом была забрана моя запись «Устава кассы взаимопомощи рабочих», у кого-то еще переписанное мною в нескольких экземплярах сообщение об Якутском протесте.

Впоследствии (чуть ли не Петр Павлович Маслов) мне как-то рассказывал целую историю насчет того, чем вызван был арест нашего кружка.

К сожалению, я позабыл ее. Помню только, что суть дела была в том, что харьковские жандармы получили нагоняй из Питера за то, что проворонили какое-то важное дело, аресты по которому были произведены уже где-то в других местах, и, желая загладить свой промах, решили зарезать свою золотую курицу, так как не имели ничего другого под руками.

Дознание вел жандармский ротмистр Померанцев, на мой взгляд ничем особенным не выдававшийся жандармский офицер. Иное впечатление производил он на других членов кружка. Читавший как раз в это время «Преступление и Наказание», Андрей Филиппович находил в нем, несмотря на его оловянные глаза, что-то общее с Порфирием Порфирьевичем. Померанцев все время старался установить связь нашего кружка с народовольцами. Между прочим, он настойчиво допрашивал насчет одного нелегального извозчика из Севастополя, приезжавшего в Харьков и видевшегося с Андреем, а Андрей упорно отрицал свое знакомство с ним. И вот Померанцев применил такой прием воздействия на психику Андрея. На одном допросе он как-будто нечаянно приподнял кипу бумаг так, чтобы Андрею бросилась в глаза спрятанная под нею извозчичья бляха и он поверил бы, что извозчик арестован. Но Андрею Филипповичу случалось бывать в Севастополе, и он сразу увидал, что бляха была не севастопольская, а обыкновенная Харьковская, так что жандармская игра оказалась впустую и подвох не удался.

Зато Веденьева, несмотря на то, что это был физически здоровый и умственно развитый человек, Померанцеву удалось довести до истерики, во время которой Иван разболтал кое-что из наших дел. Вернувшись с допроса, он сейчас-же со слезами сообщил Андрею о происшедшем. Обсудив дело сообща, мы решили Ваню простить.

Режим в камерах тюремного замка был относительно сносный, переговариваться нам удавалось со всем корридором, а соседние камеры допускали такое сообщение, что я успел прочесть целый курс лекций по русской истории—Андрею, и по химии—Вере Дениш (Диаталович), только-что вернувшейся из Сибири и случайно прицепленной без всяких оснований, к нашему делу.

Характерно было отношение надзирателей к рабочим. Они привыкли видеть политических только из среды интеллигенции и тут они чувствовали что-то в роде обиды или зависти: «Какие это политические? Ведь это наш брат-мужик, а туда же в господа лезут». Однако, за исключением нескольких мелких столкновений, отношения сложились хотя и оффициально-сухие, но в общем недурные.

Зато совсем идиллические нравы застал я на Холодной Горе в арестантских ротах, где содержался Ювеналий Дмитрич. Арестовали его несколько позднее нас в Ростове, куда он перебрался на работу в железнодорожные мастерские, что позволяло ему раз‘езжать по линии, заглядывая иногда на побывку и в Харьков. Сколько времени продержали его в Ростовской тюрьме, не помню, но, кажется, недолго, так что предварительное заключение свое он провел в относительно благоприятных условиях.

С переходом дела к прокурору, нас рассадили по двое в камере и меня перевели на Холодную Гору к Ювеналию. Встреча наша произошла на дворе. Ювеналий был как-раз на прогулке и еще издали поразил меня своею наружностью. «Орел в клетке»—сразу мелькнуло у меня в уме сравнение. В серебристом, домотканного украинского сукна, казакине и высоких сапогах с черными кудрями, широкоплечий и стройный, грациозно-величавой походкой, какую я встречал только у Кавказских горцев, он показался мне удалым добрым молодцем, отважным витязем из какой-то старинной песни. А вблизи это оказался типичный интеллигент в лучшем смысле слова, с прекрасным словно точенным лбом, тонкими чертами лица и умными проницательными глазами. Он набросился на меня, жадно выспрашивая все подробности ареста и тюремного сидения, допросов и работы перед арестом всей компании, за одно устанавливая сходства и различия наших взглядов. Мы проговорили весь день и всю ночь напролет. Отоспавшись мы снова начали нашу беседу, возвращаясь к недосказанным подробностям, выясняя вскользь брошенные замечания, вспоминая еще нерассказанное. И так продолжалось несколько дней. А там нам принесли книги с воли, из библиотеки (это тоже была одна из вольностей, связанных с переходом дела к прокурору) и мы набросились на них с жадностью изголодавшихся за несколько месяцев по книгам одиночников. Проглотили мы много книг и обыкновенно обменивались мнениями по поводу прочитанного. Поражала меня в Ювеналии смелость суждения, не боявшегося никаких авторитетов. Помню, например, прочли мы «Основные начала» Спенсера. Ювеналий сразу обвинил Спенсера в непоследовательности за то, что тот не свел и материи к силе, т.-е. за то, что Спенсер не совершил той логической работы, которая уже впоследствии была проделана энергетической школой философии. Вспоминается мне еще беспощадная его критика действительно нудного Кареевского «Введения в философию истории».

Но книги приносили нам раз в неделю, а то и реже, а прочитывали мы их слишком быстро, так что, случалось, сидели по нескольку дней и совсем без книг.

В такие дни у нас обыкновенно завязывались споры на разные темы. Ювеналий развивал свою систему политических взглядов, которые, как я убедился впоследствии, являлись самостоятельным обоснованием русского марксизма. Утомившись спорить, мы садились у решетки окна, откуда открывалась панорама на значительную часть Харькова и затягивали какую-нибудь песню. Из Полтавской губернии Ювеналий принес с собою богатейший запас неслыханных в Харькове бытовых и исторических малороссийских песен.

Но бывало иногда, надвигалась на нас тюремная тоска, когда, казалось, все переговорено, все темы для споров исчерпаны, все песни перепеты. Нас охватили тюремные будни и тюремная идиллия оказывалась пресною. Странным образом, мысль о побеге не возникла у нас, несмотря на то, что устроить побег, при патриархальных нравах в нашей тюрьме, было-бы делом нетрудным.

У нас случались, например, такие эпизоды: начальник или помощник, шутки ради, спрячет у уснувшего на посту часового его винтовку и затем, натешившись его тревогой, возвращает, даже не оштрафовав виновного. А то вспоминаю такую картинку: мы с Ювеналием во дворе на прогулке, а наш надзиратель, сложивши в угол свою амуницию и раздевшись донага, под горячим солнцем поливает из большого чайника свою лысину.

Правда, начальство наше обеспокоилось, как-то найдя в нашей печке бутылку с вишневым соком и сахаром (мы собирались изготовить вишневку), правда, с закатанной в хлебный мякиш пробкою. Почему-то они приняли ее за разрывной снаряд, и с большими предосторожностями вытащив ее из пепла, старший, как нам потом рассказали, на вытянутых руках донес ее до оконной решетки и, зажмуривая глаза, выбросил страшную пивную бутылку за окно на двор. Взрыва не последовало, но бутылка разбилась и вишневый сок разлился. Зато потом и потешались над старшим и арестанты и надзиратели. А Ювеналий Дмитрич только подтрунивал, что как, мол, это вышло, что добро бы кацап, а то хохол, а вишневки и не узнал.

«Это не тюрьма, а богадельня!»—формулировал свое общее впечатление от Харьковской тюремной жизни Ювеналий.

К сожалению, отбывать наказание (8 месяцев по приговору) ему пришлось уже не в «богадельне», а в образцовой Питерской тюрьме—в Крестах,—где он заболел цынгою и откуда вышел на костылях.

Остальные члены кружка получили по 6 месяцев Крестов, я за свой студенческий мундир получил 12 месяцев и изгнание из России в качестве вредного иностранца. Какой приговор выпал доктору Бекарюкову, я так и не узнал ни тогда, ни впоследствии.

В. ПЕРАЗИЧ

Очерк из истории социал-демократического движения в Киеве

(80-ые—90-ые годы)

Несокрушимая гранитная мощь нашей партии выковывалась десятилетиями упорной гигантской работы. Далеко не все этапы ее развития освещены с достаточной полнотой. И лишь медленно и постепенно разработка колоссального количества архивных и других материалов открывает одну за другой красивейшие и величественнейшие страницы пролетарской революции в России. От маленьких рабочих кружков, где, скрываясь от штыков полицейских и жандармов, неустанно велась пропаганда марксизма, к полумиллионной мощной партии, стоящей в авангарде мировой революции. Таков путь нашей партии...

Раскрыть и осветить хотя-бы маленькую деталь, отдельный штрих истории коммунистической партии в России представляет глубочайший интерес. В предлагаемой статье я и попытаюсь обрисовать отдельные моменты деятельности той организации, которая сыграла крупную роль в деле подготовки и созыва I-го с‘езда нашей партии. История «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса» достаточно полно освещена статьями главного деятеля «союза», участника первого с‘езда и члена первого Ц. К.—Б. Л. Эйдельмана (см. № 1 журнала «Пролетарская Революция»). Опираясь в основном на указанную статью Б. Л. Э., я беру на себя небольшую задачу детализировать и дополнить некоторые моменты материалами историко-революционного архива.

1) Дело «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1898 г. № 20-й—15 томов.

2) Дело прокурора Киевской судебной палаты, о тайном преступном сообществе: «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса». 1899 г.—3 тома.

3) Обзор важнейших дознаний, возникших в разных местностях Империи в 1898 году (по 1-е сентября).

При обработке сырого архивного материала, конечно, неизбежны неточности и ошибки. Надеюсь, что деятели К. С. Б. за освобождение рабочего класса ныне здравствующие, помогут своими указаниями восстановлению истины.

В. М.

КИЕВ В 80—90-е гг.

Стремительный темп развития капитализма в пореформенной России обусловливает рост и оформление рабочего класса. Ужасные условия труда, так характерные для периода «первоначального капиталистического накопления», толкают рабочих на стихийные стачечные выступления против капиталистической эксплоатации. Из года в год количество рабочих, принимающих участие в стачках, растет. Движение становится более организованным.

Уже в 70-ые годы рабочий класс выделяет из своей среды первых своих вождей: Петра Алексеева, Степана Халтурина и других. На гребне волн поднимающегося рабочего движения вырастают первые пролетарские организации «Южно-русский», затем «Северный союз русских рабочих» во главе со Степаном Халтуриным.

В 80-ые, а в особенности 90-ые годы пролетарская борьба, становясь все более напряженной и организованной, открывает собой новую эпоху пролетарской революции.

Одновременно с этим революционное движение мелко-буржуазной интеллигенции в конце 70 г.г. переживает кризис. Раскол «Земли и Воли» на две партии: «Черный передел» и «Народная воля». Террористическая деятельность «Н. В.» приковывает к себе всеобщее внимание. Успех. Самодержец убит—самодержавие живет и, всей силой обрушиваясь на революционное движение, казалось бы надолго его придавливает. Члены партии «Черный передел», подводя итоги своей деятельности, эволюционируют в сторону марксизма. 1883 г. За границей оформляется первая соц.-дем. группа «Освобождения Труда». Отныне свет Марксова учения освещает пути классовых битв российского пролетариата. 90-ые годы катастрофически быстрого развития промышленного капитализма и не менее мощного нарастания рабочего движения,—годы стихийного возникновения марксистских кружков,—есть в то же время период дальнейшего развития и оформления тех зародышей нашей партии, корни которых восходят еще к 70-м годам. Еще с конца, а в некоторых местах с середины 80-ых годов, в целом ряде промышленных центров возникают кружки пропаганды марксизма. С 90 гг. рост этих кружков принимает стихийный характер. Сеть кружков скоро охватывает большинство промышленных центров...

Такой в самых беглых штрихах рисуется картина с точки зрения общероссийской. Волны рабочего движения различных центров, городов, поселков сливаются в один общий и могучий поток. В этом потоке не видно лиц, видна масса, не заметны конкретные подробности можно проследить лишь общую тенденцию движения. Ограничившись задачей показать рост движения в пределах одного какого-нибудь центра, можно позволить себе роскошь останавливаться на большем количестве подробностей.

В числе городов, пролетарское население которых принимало участие в революционном движении, был и Киев, превращавшийся к 90 г.г. в крупный торгово-промышленный центр. Остановлюсь на некоторых цифрах:

В 1880 году фабрик и заводов в городе (по данным оффициальной статистики) Киеве насчитывается 89 с 3404 занятыми на них рабочими.

Общая сумма годового производства 89 заводов равна 7.056.389 р. Из числа всех фабрик и заводов выделяются по количеству занятых рабочих—1135 человек—ремонтные железнодорожные мастерские; 285 чел. занято на 9-ти литейных, механических и прочих заводах; 642 рабочих занято на 17 кирпичных заводах, 447 на 8-ми табачных фабриках. На 35-ти перечисленных предприятиях занято 2509 рабочих, т.-е. больше $^3/_4$ общего количества [1]).

Бросается в глаза преобладание отраслей промышленности, занятых выработкой предметов непосредственного потребления человека.

Конечно, данные оффициальной статистики не отличаются полнотой и не учитывали вероятно большого количества мелких мастерских и предприятий, где занято большое количество рабочих. Наконец, отсутствует совершенно статистика ремесленников, игравших крупную роль в революционном движении Киева.

Значительное количество фабрик и заводов находится в пределах Киевской губернии. В общем в 1880 г. во всей губернии имеется 563 фабрики и завода, на них занято 37.281 рабочий. Правда, целый ряд наиболее важных на Киевщине производств тесно связан с сельским хозяйством, что сказывается на составе рабочих. Характерно следующее заявление оффициальной статистики: «при этом заслуживает внимания с каждым годом все более усиливающееся сосредоточение некоторых производств, так что увеличение их суммы идет рядом с сокращением числа заводов [2]). Наряду с этим растет торговля: «Оборот крещенской ярмарки достиг до 1 миллиона 120 тысяч рублей, что значительно превышает обороты двух предыдущих годов». Развивается грузовое и пассажирское судоходство по Днепру: «Общая цифра движения судов составляет 4545. Число плотов—1439, общее число рабочих на всех этих судах и плотах было более 206.000 человек» [3]).

К 1895 году в Киеве насчитывается уже 163 фабрики и завода. Из общего числа заводов—18 металлообрабатывающих. Всего на 689 заводах губернии занято около 45.000 рабочих.

К этому времени Киев—крупнейший по населению и хозяйственному значению город России.

«Благодаря такому крупному промышленному центру как г. Киев и существующим в пределах губернии сахарным, винокуренным заводами и мельницами, Киевская губерния в ряду губерний империи, по стоимости выработанных в течении 1892 г. продуктов, занимала шестое место» [4]).

На протяжении 1880—90-ых годов неуклонно растет население Киева, идет естественный прирост и наряду с этим значительное количество рабочего люда в поисках заработка оседает в развивающемся промышленном городе. Статистика отмечает, что в городах процент местных уроженцев сильно падает и дает место уроженцам других губерний—32,5%.

---

[1]) Приводимые цифры взяты из Обзора Киевской губ. за 1880 г.

[2]) Обзор Киевской губернии за 1880-й год.

[3]) Там же.

[4]) Материалы для торг.-пром. статистики. Свод данных о фаб.-зав. промышленности России за 1892 год. С. П. Б. 1895 г.

Стремительное развитие капитализма в 90-ых годах прошлого столетия особенно сильное влияние оказывает на целый ряд губерний нынешней Украины. Иностранные капиталы широким потоком льются на Украину, воздвигаются громадные заводы—последнее слово Европейской техники, вырастают новые промышленные районы; недавно еще малолюдные и пустынные места оживляются грохотом машин; растет рабочее население, строятся рабочие поселки... Щупальцы капитализма проникают в деревню, гнетущий процесс пролетаризации крестьянства гонит значительные его массы на заработки в город. Огромные социальные напластования сдвинуты с места, приведены в движение, растет и крепнет новый класс—класс грядущей победы. Этот общий процесс развития капитализма не везде идет с одинаковой степенью напряженности, но, пожалуй, нигде он не носит такого бурно-революционного (в смысле разрушения старых хозяйственных форм) характера, как на Украине. Несмотря на то, что на Юге сильнее всего концентрируется этот процесс, отраженные его последствия сказываются и в остальных губерниях. В Киеве этот процесс не достигает такой мощности, и прилив капиталов идет в область свекло-сахарного производства, громадная часть которого находится вне города.

Обзор Киевской губернии за 1900-й год пишет: «те капиталы, которые при настоящих условиях можно собрать, всецело поглощены крупной свекло-сахарной промышленностью; помещение в нее частных капиталов представляется наиболее выгодным». Однако, рост свекло-сахарной промышленности вызывает к жизни целый ряд отраслей производства тесно с ней связанных.

Рост фабрик и заводов Киевской губернии.

Годы	Общее количество фабр. и зав. в губ.	Из них в Киеве
1860	—	45
1880	563	89
1895	689	163
1899—900	826	—

Следующая таблица рисует рост населения Киева:

Годы	Число жителей
1860	70.000
1891	176.040
1895	193.151
1897	247.723

Параллельно с общим ростом населения г. Киева количество пролетарских его элементов значительно увеличивается, достигая к 1897 году 31.509 чел. Это—число рабочих непосредственно занятых в различных отраслях производства г. Киева, если же к этому числу прибавить 35.217 чел., указанных в материалах переписи под рубрикой: «деятельность и служба частная,—прислуги и поденщики», то общая цифра пролетарского населения гор. Киева окажется 66.726 человек,—из них 45.605 мужчин и 27.333 женщины [1]) (При расчете этих цифр не приняты во внимание члены семьи).

Из наиболее значительных групп рабочих выделяются следующие: портные, модистки и т. д. 6.715 мужчин и 4.352 женщины; строительные рабочие 5.422 человека; металлисты—4.874 чел. и т. д. Однако, масса рабочих распылена по многочисленным мелким мастерским, где царит невероятная эксплоатация. У меня имеются цифры распределения предприятий по количеству занятых на них рабочих для Киевской губернии. К сожалению выяснить эту картину для Киева 90-ых годов не удалось. Тем не менее данные эти весьма показательны.

Из 862 фабрик и заводов в губернии дали сведения только 725. Из них:

Предприятий	с числом	рабочих	от	1— 2	138	(19%)
»	»	»	»	3— 5	97	(13%)
»	»	»	»	6—10	138	(19%)
»	»	»	»	11—20	107	(14,7%)
»	»	»	»	21—50	82	(11,4%)
»	»	»	»	51—100	55	(6,3%)
»	»	»		свыше—300	62	(8,3%)

Предприятия с количеством рабочих от 1—50 человек составляют подавляющее большинство—608 из 725, т.-е. 85,4% [2]) Киев покрыт массой мелких, ремесленного типа предприятий, где процветает во всю «потогонная система».

Следует принять во внимание, что цифры эти относятся к 1901—2 гг.; десятилетием раньше количество мелких предприятий было значительно больше. Об этом свидетельствуют данные, приводимые «памятной книжкой Киевской губернии». В 1889 году в Киеве насчитывается 16.446 ремесленников. Из них:

Сапожников	2370
Портных	1984
Столяров	1101
Модисток	873
Кузнецов	814 и т. д. [3])

Таким образом, хотя к концу 90-ых гг., в Киеве выкристаллизовывается основное пролетарское ядро, занятое в более или менее крупных предприятиях

---

[1]) Цифры выведены на основании данных «Первой всеобщей переписи населения России 1897 г.» Киевская губ. издание центр. стат. к-та.

[2]) Памятная книжка Киевск. губ. за 1902 г.

[3]) » » » » » 1891 г.

(Главные мастерские, завод Гретера, Южно-русский, Арсенал, и др.), тем не менее огромная масса рабочих и ремесленников с одной стороны занята в мелких предприятиях, с другой—обслуживает то громадное торговое движение, центром которого был Киев (грузчики, извозчики, торгово-промышленные служащие и т. д.).

Что касается заработной платы, то кое-какие, правда не очень точные, цифры выясняют этот вопрос. В «памятной книжке Киевской губернии» за 1902 год имеются следующие сведения о поденной плате рабочих различных отраслей производства в Киеве:

Род предприятий	Поденная плата		
	Мужч.	Женщ.	Детей
1. Чуг. лит. метал. зав. мех. слес. мастерск.	1 р. 17 к.	—	28 к.
2. Спич. фабр.	56	30 к.	19
3. Кожев. зав.	60	—	—
4. Таб. фабр.	52	35	24
5. Дрож. и винокур.	43	—	—
6. Писчеб. и гильз.	—	25	—

Цифры эти не дают, конечно, полного представления о положении рабочих различных отраслей производства, так как они носят суммарный характер. По этим данным поденная плата рабочего мужчины колеблется от 43 копеек до рубля семнадцати копеек; женщины от 25 до 35 коп.; рабочей молодежи от 19 до 28 копеек. Если же принять во внимание продолжительность рабочего дня, достигавшего порой 18—19 часов (по крайней мере прокламация «рабочего Комитета» от 26-го сентября 1897 года, обращенная к рабочим киевской городской железн. дороги, пишет: «Товарищи! Нет между нами ни одного такого, который был бы доволен своим положением. «Собачья служба»—вот как чаще всего мы называем наше занятие. И действительно, мы спешим на работу в шесть, или позже всего в шесть с половиной часов, а возвращаемся в 12 и даже в 1-м часу ночи, так что для нас рабочий день тянется 18 и даже 19 часов») и общий режим тогдашних предприятий, то станет понятным, что зерна революционной агитации должны были дать в среде киевских рабочих могучие ростки. Хуже всего приходилось рабочей молодежи. Прокламация к рабочим Южно-русского машиностроительного завода, от 9 декабря 1897 г., пишет: «Ни на одном из более крупных Киевских заводов рабочие не находятся в таких тяжелых условиях, как на нашем. Нас донимают штрафами, заставляют работать дольше, чем на других заводах, обращаются с нами крайне грубо, а более же мелких придирок и не счесть... На всех киевских заводах рабочий день составляет не больше 12-ти часов (от 6 до 6, или от 7 до 7), только у нас работают 12 с половиной часов... У нас вот дерут за несколько минут опоздания 15 коп. штрафу, не обращая ни малейшего внимания на

причины заставившие рабочего опоздать. Дерут 15 коп. штрафу и со взрослого рабочего, зарабатывающего рубля полтора в день, и те же 15 коп. дерут с мальчиков, зарабатывающих всего копеек 40 в день. Какое дело нашим хозяевам до того, что изнуренный и измученный непосильным трудом мальчик за опоздание в две-три минуты должен отработать более 4-х часов»...

ЮЖНО-РУССКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ В КИЕВЕ В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

Группа «Освобождения Труда» образовалась из числа товарищей, принимавших участие в революционном движении 70-х гг. Все они прошли последовательные этапы развития от народничества к марксизму. После раскола «Земли и Воли» Г. В. Плеханов, П. Аксельрод и др. образовали партию «Черный Передел», медленно развивавшуюся в сторону марксизма. На истории группы «Освобождение Труда» это развитие можно проследить с достаточной полнотой. Чрезвычайно интересно, однако, нарисовать картину постепенного перерождения народнических групп в марксистские в целом ряде крупных промышленных центров. Постараюсь наметить этот процесс для Киева, хотя многие моменты его за недостатком материала будут не полны.

В конце 70-х годов произошел целый ряд провалов народовольческих групп. Но «Киев в наше время» пишет Народник М. Попов «был городом, в котором революционеры не переводились и убыль одних быстро заменялось новыми революционерами» [1]).

Попов после раскола «Земли и Воли», не присоединившись ни к одной из фракций, приезжает в Киев, надеясь наладить в Чигиринском уез. работу среди крестьян. Делаются попытки об'единить все революционные силы Киева в одну организацию. Вокруг Попова сгруппировывается кружок в составе: народовольца Буцынского, Поликарпова, Ивана Присецкого, Игнатия Иванова и др. Кружок делает попытки поставить типографию, заводит связи с другими городами полагая, что «в данный момент революционеры всех оттенков должны об'единиться для общей борьбы». Между прочим налаживаются связи с рабочими. Вот что пишет по этому поводу в своих воспоминаниях М. Попов: «Среди киевских рабочих никогда не прерывались связи революционеров. Нам же удалось через киевских ж. д. рабочих завести связи почти на всех крупных пунктах по линии железных дорог от Киева до Одессы... Особенно врезался в моей памяти железнодорожный рабочий Ромас... Этот то Ромас и завел связи среди жел.-дор. рабочих по всей линии жел. дор. от Киева до Жмеринки: через него наш кружок распространял революционную литературу среди рабочих по этой линии» [2]).

Правда, эта деятельность среди рабочих носила случайный, эпизодический характер, однако, одиночки пролетарии подвергались народнической

---

[1]) Минувшие годы за 1908 г. № 2 М. Попов. Из моего прошлого.

[2]) Там же.

обработке. В это время в Петербурге столяр Степан Халтурин создает одну из первых в России пролетарских организаций «Северный союз русских рабочих». Идея такого же «Союза», как это выясняет М. Попов, была занесена в Киев Г. В. Плехановым. «Не помню сейчас по какому поводу к нам в Киев приехал Г. В. Плеханов. С Плехановым по рабочему вопросу мы были во взлядах близки со времени нашей совместной деятельности среди петербургских рабочих на Торнтоновской фабрике во время стачки на этой фабрике. Понятно, у нас с ним зашел разговор о деятельности киевского кружка. Плеханов сообщил мне какие планы имеются в виду у них в Петербурге среди рабочих. От него я узнал впервые, что в Петербурге среди рабочих возникла мысль об организации Северно-Русского Рабочего Союза; он познакомил меня с программой С.Р.Р.С, и рекомендовал по такому же плану организовать на Юге Южно-Русский Рабочий Союз... Но нашему кружку удалось только начать работу среди рабочих в этом направлении, ибо скоро наш киевский кружок был разгромлен. Мне уж потом на Каре пришлось узнать о продолжении деятельности в этом направлении на Юге от Щедрина, Ковальской, Кашинцева и других, которые и были нашими преемниками в Киеве, и они по праву могут назвать себя творцами Южно-Русского Рабочего Союза» [1]).

И действительно, после ареста М. Попова, Игнатия Иванова и др. (процесс 21 в Киеве 12 июля 1880 г.), в Киеве начинают действовать приехавшие из России Щедрин, Елизавета Ковальская и др.

Они сгруппировывают небольшой кружок рабочих арсенала, называя его «Южно-Русский Рабочий Союз». И Щедрин и Ковальская были сторонниками так называемого «Экономического террора».

«Я и Щедрин», пишет Ковальская в своих воспоминаниях, «признавая большое значение за террором центральным и экономическим, находили в то же время, что базис деятельности революционеров должен быть в народе (под народом мы понимали крестьян и рабочих, не исключая и босяков). Без последнего условия, по нашим взглядам, удары центрального террора не могли быть использованы народом. Поэтому, несмотря на сходство наших взглядов с «Народной Волей» на террор, мы вступили в организацию «Черного передела», как ближе стоявшую к народу» [2]).

Отпечатано было угрожающее письмо начальнику арсенала, полковнику Коробкину. «Ему давался 3-хнедельный срок для выполнения требований рабочих, из которых главные были: увеличение платы и уменьшение рабочего дня». Прокламация оказала магическое действие, значительная часть требований была удовлетворена. Рабочие повалили в союз. Скоро их набралось человек до 700. «Мы избрали место для сходок в Байковой роще за городом. Обыкновенно часов в 11 веч. мы заходили вдвоем с Щедриным в одну квартиру, где меняли свою наружность, затем

---

[1]) Минувшие годы. Цитированная выше статья.

[2]) Былое. Журнал издававшийся за границей под редакцией В. А. Бурцева. Выпуск II (1903—1904). Е. Ковальская. Южно-Русский Рабочий Союз в 1880—81 гг.

отправлялись на сходку. Нас встречала толпа. В темноте ночи мы вели беседу пока не занималась заря. Усталые рабочие жадно слушали, не думая об отдыхе» [1])...

В июне месяце на Жилянской улице № 163, в доме Оржеховской, была поставлена типография и приступлено к печатанию прокламаций. Жандарм Новицкий, получив сведения о распространении прокламаций, «постановил направить усиленную деятельность подведомственного ему Управления по обнаружению тайной типографии, возложив таковую на помощника своего, капитана Судейкина» [2]).

Начинается лихорадочная деятельность жандармов по розыску типографии. При участии провокатора, сапожника Мартына Родке, в ночь с 27 на 28 апреля 1881 г. типография на Жилянской улице была арестована. Жандармы нагрянули в тот момент, когда Павел Иванов печатал прокламации, обращенные к рабочим по поводу еврейского погрома, с призывом бить не евреев, а всех вообще богачей, а с ними и начальство. До этого еще 22 октября 1880 г. были арестованы Щедрин и Ковальская.

Для характеристики направления деятельности этой любопытной организации приведу выдержки из некоторых документов. Так, например, 17 августа 1880 г. была выпущена прокламация, озаглавленная «От Южного Рабочего Союза инспектору арсеналов». Прокламация «заключает жалобу на притеснения рабочих киевского арсенала» от своего начальства и перечисляет ряд мер требуемых «Союзом» для устранения упомянутых притеснений. Оканчивается прокламация словами: «Союз предупреждает, что в случае неисполнения изложенных требований киевских арсенальных рабочих в 14-ти дневный срок, он предает начальство своему суду и наказание не замедлит постичь виновных». На прокламациях красная печать с изображением кинжала, топора и револьвера с надписью: «Печать Южно-Русского Рабочего Союза» (Историко-Революционный Архив. «Обвинительный акт по делу о дворянине Николае Щедрине, дворянке Елизавете Ковальской и др., преданных военному суду киевским, подольским, и волынским генерал-губернатором»).

При аресте Елизаветы Ковальской среди ее бумаг найдено было заявление от рабочего общества на имя начальника арсенала, составленное вероятно, рукой рабочего с перечислением требований рабочих в 10 §§. Привожу некоторые из них с сохранением орфографии.

«1. Увеличить плату подену и прибавить на каждый штуки согласно с рабочими.

2. Смотреть на рабочего человека как человека трудящего ни для себя одного.

3. Нисметь штрафовать рабочих».

В одной из прокламаций от 4 декабря 1880 г., обращенной к рабочим, между прочим сказано: «Братья-товарищи, настоящее положение рабочего,

---

[1]) Былое.

[2]) Историко-рев. архив Киевщины. Дело Киевск. Губ. Жанд. Упр. № 23. О Павле Иванове, Венцеславе Кизере и др. и о взятии Южно-русской вольной типографии в г. Киеве с 27-го и 28 апреля 1881 г.

при котором он тратит и силы и здоровье исключительно на добывание скудного куска хлеба, бесспорно тяжелое. Становится совсем невыносимо, когда хозяева присоединяют к подобному положению еще такие условия, в которые, напр., поставил Арсенальных рабочих Коробков: условия, где рабочий не человек... даже не раб, а просто рабочая скотина. Где искать выхода из такого нечеловеческого положения? Обращаться для сего к законным мерам, как по собственному опыту так и опыту других городов союз считает нелепостью, ибо наш закон всегда «стоит за того, у кого тугой кошелек». А потому Союз ставит своей задачей защищать личность и интересы рабочих всеми возможными для него средствами и приглашает присоединиться к нему всех тех из них, которые не потеряли еще способности уважать себя, свой труд и свои интересы». К прокламации приложена печать Южно-Русский Рабочий Союз [1]). Прокламации развивают, таким образом, довольно правильную мысль о том, что нет надежды добиться улучшения жизни рабочих законными, легальными методами, что необходимо создать рабочую организацию и вокруг нее об'единиться. Прокламации Союза обыкновенно оперируют конкретными фактами из жизни, главным образом арсенала и доказывают необходимость об'единения. В этом отчасти прогрессивная, революционная сторона Южно Русского Рабочего Союза. Но не таковы общее направление и методы его деятельности, как они рисуются в программе Союза. Вот отрывок из отобранной у Ковальской программы Ю. Р. Союза, взятой в извлечениях из обвинительного акта. «Программа эта состоит», читаем мы там «из двух частей. В первой описывается современное положение рабочего класса в России, причем автор находит, что положение это настолько бедственно, что влечет за собой физическое, умственное и нравственное вырождение рабочих». «Рост крестьян и рабочих начинает уменьшаться, болезненность и смертность увеличиваться. Средняя продолжительность жизни уменьшается... Единственным выходом из этого положения должна служить возможно скорая, самим народом произведенная, революция, причем рабочие должны направить все свои усилия к достижению экономического переворота, политические же льготы, как показывает история, будут непременным результатом экономических изменений».

Во второй части программы излагаются цели, которые преследует рабочий союз и средства, принятые для их достижения. Цели эти составляют:

«1. Принадлежность земли, фабрик и заводов всему народу и право каждой личности пользоваться ими.

2. Производство работ ассоциациями.

3. Государственная организация дающая каждой личности одинаковую долю участия в управлении государством.

4. Полная свобода личности, свобода слова, сходок, союзов и печати.

5. Мирное народное ополчение взамен теперешней армии». Что же

---

[1]) Обвинительный акт по делу о дворянине Николае Щедрине и друг.

касается до средств совершения переворота, то таковыми должны служить не «агитация и пропаганда», оказывающиеся на опыте несостоятельными, а «фабричный террор», т.-е. поджоги фабрик, мастерских и заводов и «убийства хозяев», пример чего мы видели в действиях ирландских рибон-менов; «политический террор», подрывающий доверие к правительственным силам и способствующий поднятию революционного духа рабочих; тайная агитация с целью организации рабочих для немедленной борьбы с эксплоататорами путем поджогов, убийств и проч. и «организация на почве касс, библиотек, выписывания газет и обучения грамоте», причем «пропаганда должна вестись не с одним только лицом, а с несколькими зараз».

В другом экземпляре программы указывается, что «так как для рабочих представляется выгодным добиваться расширения свободы личности, слова и проч.», то они должны итти «об-руку» с либералами, «нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их собственные задачи гораздо шире и, пользуясь добытыми правами, добивались все больших и больших, а также, если «правительство, побуждаемое опасностью своего положения, решилось бы уступить общественному мнению в виде какой-нибудь конституции, дух действия рабочих не должен измениться от этого и они должны заявить себя силой, должны требовать уступок себе, должны вводить своих представителей в парламент и поддерживать их требования демонстрациями, возмущениями и проч.».

Программа эта, если не считать революционной тактики, не дает ничего принципиально нового по сравнению с программой «Северного союза русских рабочих». Что касается средств борьбы, выставляемых программой, то на них лежит печать предшествовавшего народнического периода революционного движения. Однако, есть в ней кое-что и от народовольческого террора с своеобразными вариациями.

Организаторы Южно-Русского Рабочего Союза надеялись достигнуть намеченных целей при помощи так называемого «фабричного террора». Применив эту тактику, они послали начальнику арсенала угрожающее письмо и после удовлетворения перечисленных требований, рабочие сотнями стали примыкать к союзу. Если идеи самостоятельной рабочей организации, идеи касс, библиотек, рабочих кружков были несомненно прогрессивными в известном смысле и указывали рабочим точку приложения стихийно-накоплявшегося недовольства, то «средства к совершению переворота» вроде «фабричного террора», воспитывали в рабочих массах вредные иллюзии, подменяя классовую борьбу партизанскими выступлениями одиночек.

И потому эффект действия «фабричного террора» при его практическом применении в Киеве был очень кратковременным и эфемерным. Южно-Русский Рабочий Союз», быстро возросший до 700 человек, не успел создать никаких прочных организационных форм. «Фабричный террор» не был тем лозунгом дня, на почве которого могло бы произойти оформление пролетарских организаций.

«Южно-Русский Рабочий Союз»—и в этом его заслуга—пытался установить связи с рабочими городов юга России. В архивных материалах на

этот счет имеются следующие данные: «В Одессе 4 мая арестована София Николаевна Кузнецова, при ней найдены прокламации от имени «Южного Рабочего Союза», отпечатанные в Киевской тайной типографии. При Кузнецовой найден листок почтовой бумаги с обращением к одесским рабочим. На первой странице этого письма напечатано: «от Южного Рабочего Союза», а внизу приложена печать того же союза» [1]).

Между прочим, среди документов, обнаруженных при аресте тайной типографии, найден экземпляр письма «рабочим Центрального Комитета Северного Союза Русских рабочих». Несомненно, однако, что столяр Степан Халтурин, организатор северного Рабочего Союза был, духовным отцом и Южного Союза. Идея самостоятельных пролетарских организаций, рожденная рабочим движением Питера, занесена была в Киев, как я указал выше, Г. В. Плехановым. Однако, претворить эту идею в жизнь удалось только т. Ковальской, Щедрину и др. Они то и внесли в эту организацию так много народнических и народовольческих предрассудков, но под этими наслюениями прошлого уже выделяются неясные, еще слабо намеченные контуры будущего.

Дальнейший рост рабочего движения должен был отнести в сторону все предрассудки прошлого революционного периода. Так и было [2]).

Южно-Русский Рабочий Союз просуществовал около года. 22 октября 1881 года, проработав только 8 месяцев, были арестованы Щедрин и Ковальская, 4-го января 1881 года арестованы София Богомолец, Преображенский, Иван Кашинцев и С. Присецкая; в ночь с 27-го на 28 апреля 1881 г. ликвидирована типография по Жилянской улице, арестован Павел Иванов, рабочие Венцеслав Кизер и Александр Доллер; 4-го мая в Одессе арестована с прокламациями «союза» София Кузнецова. Дело обо всех этих лицах было об‘единено и передано в Киевский Военно-Окружной Суд. 29 мая вынесен приговор. Жандармы сообщают в Петербург:

Депеша. Отправлена 29 мая 9 час. 15 мин. вечера.

Петербург. Директору Департамента Полиции.

Сегодня 9 час. веч. Киевский Военно-Окружной Суд вынес приговор над 10-тью политическими преступниками: к смертной казни Щедрина и Преображенского. Каторжной работе—мужчин на рудниках; женщин на заводах—Ковальскую без срока, Иванова, Богомолец, Кашинцева, Кизера, Доллера на 20, а Присецкую на 15 лет. Кузнецову 3-хнедельному аресту в Киеве [3]).

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ

К сожалению, у меня в настоящее время еще не имеется материалов для характеристики рабочего движения в Киеве на протяжении 80 гг. Дальнейшая разработка архивов, вероятно, пополнит этот неизбежный при

[1]) Историко-Революционный архив дело К. Г. Ж. У. № 23 за 1881 г.

[2]) Задачи настоящего очерка не дают возможности подробно останавливаться на деятельности Южно-Русского Рабочего Союза. Этому надеюсь посвятить специальную статью.

[3]) Приговор был впоследствии смягчен. Щедрину и Преображенскому смертная казнь заменена бессрочной каторгой.

данных условиях пробел. Однако, некоторая приемственная связь между деятельностью Южно-Русского Рабочего Союза и более поздним периодом намечается. В примечании к своим воспоминаниями Е. Ковальская пишет. «На днях я узнала от Б., бывшего в Киеве 1883 г. (т.-е. спустя два года после нашего ареста), что один из рабочих участников, товарищ наш по революционной деятельности, самостоятельно основал два кружка и вел их сам без помощи интеллигенции».

До приезда в Киев д-ра Абрамовича в 1888 г. нет никаких сведений о том, велась ли среди киевских рабочих социал-демократическая пропаганда или нет [1]).

«Первой попыткой социал-демократической пропаганды среди киевских рабочих надо считать работу Абрамовича» [2]).

На этом сходятся все историки партии. Акимов-Махновец в «Очерке развития социал-демократии в России» дает некоторые, обычно цитируемые, сведения о деятельности Абрамовича. Вот соответствующее место из «Очерка»:

«В Киев приехал в 1888 г. из Минска д-р Абрамович и поступил слесарем в мастерские железной дороги с целью завязать сношения с рабочими; вместе с вернувшимся из ссылки Соколовым и 4-мя минскими рабочими он скоро успел сорганизовать около 30 рабочих, преимущественно слесарей железнодорожных мастерских и наборщиков и устроил тайную библиотеку. Аресты в августе 1889 г. разрушили эту первую социал-демократическую организацию в Киеве». В том же «Очерке» Акимов-Махновец дает некоторые сведения о работе Абрамовича в Вильне и Минске: «в 1886—87 гг. наезжал в Вильно из Минска тов. Абрамович. Он прожил некоторое время за границей и позже работал в Киеве. Он привез с собой «Наши Разногласия» Плеханова и поднял горячие споры с виленскими революционерами, защищая социал-демократические принципы»...

Виленские народовольцы, конечно, не были переубеждены Абрамовичем, но их молодые товарищи порвали со своими учителями и положили начало первой в Вильне социал-демократической организации [3]).

Таким образом, Абрамович рисуется одним из пионеров социал-демократии, основателем социал-демократических кружков в Вильне и Киеве. В литературе до сих пор почти не имеется никаких материалов о деятельности этого крупного работника. В историко-революционном архиве Киевщины под рубрикой: «Опись секретным делам Киевского Губернского жандармского управления за 1889 г.», под номером 18, значится дело о Флерове, Абрамовиче, Берковиче, Гальперине, Поляке, Воловике, Гольгубе, Горбе и Соколове, сбоку приписка: «уничтожить» Полковник Шредель. 30 августа 1915 г.». Таким образом, дело Абрамовича, из которого можно было,

---

[1]) «Пролетарская революция» № 1-й В. Эйдельман. «К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.».

[2]) При настоящих условиях работы мне не удалось еще восстановить хода рабочего движения на протяжении 80—гг. В дальнейшем надеюсь этот пробел пополнить (В. М).

[3]) В. Акимов (Махновец) «Очерк развития соц.-дем. в России». Изд. Поповой.

вероятно, почерпнуть много материала о первом в Киеве социал-демократическом кружке—уничтожено. Может быть в архиве бывшего департамента полиции и сохранились кое-какие сообщения по ходу дознания о деле Абрамовича. Дальнейшие изыскания это покажут. Для некоторого дополнения этих скудных материалов приведу выдержку из обзора важнейших жандармских дознаний за 1885 г.:

«При изложении дела о Соловейчике в первой главе сего обзора упомянуто о сношениях его в Киеве с мещанином Григорием Кушнировым. Адрес этого последнего найден также в Одессе у арестованного Станислава Витковича, а по обыску у Кушнирева оказалась переписка с родными Витковича, свидетельствующая о преступной деятельности студента Киевского университета Афанасия Горба, который и ранее был известен Киевскому жандармскому управлению с неблагонадежной стороны. По обыску у Горба и сожителя его студента Антона Флерова найдены разные революционные заграничные издания, программа для занятий с рабочими, фотографические карточки государственных преступников и др. На допросе названные студенты заявили, что все эти революционные предметы они получили от врача Эмилия Абрамовича, с которым в феврале 1889 года познакомились в Киеве у бывшего ссыльного Владимира Соколова.

Кроме названных лиц были подвергнуты задержанию знакомые Абрамовича: типографские рабочие мещане Шлема Беркович, Израиль Голомб и Давид Гальперин. У последнего найдена программа переданная Абрамовичем и тождественная с программой, найденной у Флерова, а у Голомба и Берковича обнаружены революционные издания и преступная переписка. Кроме того, у Берковича отобрано письмо к Абрамовичу из Якутской области от ссыльного Резника, который между прочим пишет: «Относительно Вашей просьбы есть лица и подходящие и желающие. Этим же лицам я сообщил Вашу просьбу, но предварительно им необходимо познакомиться с программой, а потому при конспекте приложите и. программу; необходимо прочесть народную литературу последнего времени. Здесь ощущается сильная потребность в народной литературе—если Вы пошлете, то сделаете великое и полезное дело. Кроме того, здесь есть потребность в готовых бланках (конечно чистых), в деньгах и подробной характеристике о положении дел в России. Эти вещи прямо тормозили эмиграцию. Лучше было бы для следующих писем установить шифр гамбетовский и писать солью». Расследованием по городу Киеву выяснено, что врач Эмилий Абрамович прибыл в Киев в начале 1889 г., сошелся близко с бывшим ссыльным Владимиром Соколовым, который занимался в это время устройством лоттерей и сбором денег в пользу ссыльных и распространял преступные издания. Абрамович занялся в особенности пропагандой среди рабочих, для чего, переодеваясь в платье мастерового под именем Белина, устраивал сходки, убеждал рабочих учредить библиотеку и делать денежные взносы. В апреле месяце в Киев приехал из Конотопа аптекарский помощник мещанин Гирш Поляк с письмом на имя Абрамовича, который направил Поляка в квартиру Горба и Флерова, где Поляк взял хранившиеся в кровати Флерова преступные издания и отправился затем к Соколову, где купил несколько

лоттерейных билетов и обещал собрать в Нежине и Конотопе денежные пожертвования в пользу ссыльных. В тот же день Поляк выехал обратно в город Конотоп, при чем по дороге в Нежине передал пришедшему на вокзал мещанину Руфиму Воловику часть полученных революционных изданий и поручил Воловику заняться сбором денег в Нежине.

В статье журнала «Красная Летопись» В. Перазич рассказывает что, когда он с Ювеналием Мельниковым сидели в тюрьме—«с воли были получены сведения о провале в Киеве д-ра Абрамовича и о поведении привлеченного по его делу кружка молодежи, занятиями которого руководил Абрамович. Я не имею возможности впоследствии проверить эти сведения и передаю их в том виде, в каком они были тогда рассказаны нам. В кружке этом было несколько человек студентов. На допросе кто-то из них попросил разрешения собраться и переговорить без свидетелей, пообещав, что в результате этого может быть весь кружок даст «откровенные» показания. Жандармы разрешили. И вот, собравшись, эти молодые люди решили, что так как Абрамович так запачкан, что дальше некуда, то и повредить ему уже невозможно и рассказали все».

Этот факт как-будто подтверждается приведенной выше выдержкой из жандармского обзора: «названные студенты заявили, что все эти революционные предметы получили от врача Эмилия Абрамовича».

Вот, как-будто все моменты из деятельности Абрамовича в Киеве, которые пока удается установить.

Аресты разрушили эту первую в Киеве социал-демократическую организацию; разрушили, но не прекратили деятельности в этом направлении.

Переход от народничества к марксизму с железной необходимостью обусловливался ходом разворачивающихся событий. К началу 90 годов в Киеве существует «русская социал-демократическая группа». Вот что пишет о ней Б. Эйдельман: «в 1891 году—92 годах русская группа составляла марксистский кружок, который занимался изучением и пропагандой социал-демократических идей среди учащейся молодежи и делал попытки найти связи в рабочей среде. Найти рабочего и распропагандировать его—вот мечта социал-демократа этого времени. Один из членов группы изучил с этой целью токарное ремесло и потом некоторое время работал в качестве рабочего (Иван Иванович Чорба). Группа состояла большей частью из студентов университета и по месту постоянного жительства своих членов имела связи в нескольких городах России и сведения о рабочем движении в них. Возвращаясь после каникул в университет, члены группы привозили известия из Москвы, Вильны, Петербурга, Нижнего и друг. городов. Благодаря этому, группа имела сведения о рабочем движении из всех почти крупных центров непосредственно через своих членов»[1]).

Будучи по составу своему чисто интеллигентской, группа стремится связаться с рабочими с целью пропаганды марксизма. Налаживается несколько кружков среди Киевских ремесленников.—В то же время

---

[1]) Пролетарская революция № 1 к истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.

в Киеве существует польская социалистическая группа, члены которой—д-р Левкович, д-р Сердцевич и друг.—связываются с главными железнодорожными мастерскими через рабочего Эдуарда Францевича Плетата. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях, ныне здравствующий,—Э. Ф. Плетат: «В 1892 году я познакомился с Келянским, он служил на военной службе вольно-определяющимся и когда окончил военную службу, то поступил в технологический институт в Петербурге, но был арестован, приехал сюда и находился под надзором. Я тогда сблизился с ним и понял, что такое социалдемократическое движение. Я также продолжал знакомство с партией П. П. С. и там был со многими знаком». Э. Ф. Плетат, один из первых рабочих социал-демократов в Киеве, вскоре организует в главных мастерских кружок «совращенных» им рабочих.

Таким образом, начинаются слабые зачатки пропаганды среди рабочих и ремесленников. На примере Э. Ф. Плетата видно, как быстро созревали для самостоятельной революционной деятельности, затронутые пропагандой рабочие.

Рабочее движение таило в себе громадный запас бодрости, свежести и неиспользованной еще энергии.

Жизнь ставила определенные задачи, она же выдвигала людей, бравших на себя их осуществление. Одним из таких людей целиком выкованных бурной эпохой рабочего движения был Ювеналий Дмитриевич Мельников,—несомненно центральная и наиболее красочная фигура рабочего движения 90 гг. Характеристике светлой личности Ювеналия Дмитриевича и его деятельности, несомненно, должна быть посвящена отдельная работа. Нужно тщательно собрать все факты, так или иначе освещающие эту большую фигуру, тем более, что сейчас живы очень многие, лично знавшие покойного Ювеналия Дмитриевича. Несколько штрихов считаю не лишним дать. Бывают на редкость одаренные и цельные люди, умеющие заражать окружающих своей непреклонной настойчивостью, революционной страстью, энергией и в то же время, поражающие удивительной гармоничностью своей натуры. Таким был Ювеналий Дмитриевич Мельников. Он умел быть удивительно мягким и добрым, но он был суров и жесток, когда дело касалось революции. Пламя растущего пролетарского движения сожгло, испепелило Ювеналия Дмитриевича, но сам он прилагал все усилия к тому, чтобы больше и больше, шире и шире раздут это пламя. Эта была не жизнь, а сплошное горение...

Мнение всех близко знавших покойного Ювеналия единодушно утверждает, что более преданного рабочему делу человека им редко приходилось встречать. Это был рыцарь пролетарской революции, «рыцарь без страха и упрека»...

Все силы, всю многогранность своей богато-одаренной натуры отдал он на служение тому делу, выше которого для него ничего не существовало... Неутомимая, неустанная работа,—пропаганда, агитация, кружки, чертежное, слесарное, токарное дело, электротехника—все это для Ювеналия родные стихии и вся как-то чрезвычайно концентрированная одаренность его натуры была направлена к одной цели; жизнь его имела одно устремление—борьбу за дело пролетарской революции...

После ареста по делу о Харьковской Рабочей организации, Ювеналий Мельников в 1890 г. поселяется в Киеве. Здесь он разворачивает свою деятельность и становится «одним из первых инициаторов и руководителей киевского организованного рабочего движения» [1]).

В 1893 году Ювеналий Дмитриевич добивается поступления в главные железно-дорожные мастерские, делает пробную работу и в это время знакомится с Э. Ф. Плетатом. (Э. Ф. Плетат в своих воспоминаниях указывает, что познакомился с Мельниковым через Шахназарова). Таким образом, Ювеналий Дмитриевич связывается с кружком железно-дорожников,— вносит туда социал-демократическую струю. Б. Л. Эйдельман в своих воспоминаниях относит знакомство Ю. Д. Мельникова с железно-дорожными кружками ко времени устройства мастерской школы: «ко времени устройства мастерской школы Мельников познакомился с кружком рабочих железно-дорожных мастерских. Этот кружок сначала находился под влиянием группы польских социалистов (П. П. С.), кружок состоял преимущественно из поляков. Некоторые из членов этого кружка читали или слушали чтение польской нелегальной литературы. Среди этих рабочих была основана или проэктировалась касса (по воспоминаниям Плетата касса была уже организована из взносов членов кружка по 50 коп. в месяц). Под влиянием Мельникова, железно-дорожный кружок расширился, преобразовался и получил совершенно иной характер. Касса сделалась стачечной, а члены кассы, усердно посещая Лукьяновский клуб, сделались усердными распространителями литературы и социал-демократических идей» [2]).

«После того, как я познакомился с Ювеналием Дмитриевичем», рассказывает Плетат, «кассу мы передали ему, он ею ведал».

Б. Л. Эйдельман, о роли которого в организации «Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» и первого с‘езда Р. С.-Д. Р. П. мне еще много придется говорить, знакомиться через ювелира Вишнера с рабочим Вениамином Люльевым, который становится деятельным организатором кружков среди ремесленников, затем с рабочим Сонькиным.

«В 1892 году», рассказывает Абрам Сонькин, «на квартиру моей сестры захаживал Борис Львович Эйдельман. Когда я приехал, он—со мною много разговаривал, интересовался, что я делаю и что я думаю делать и где работать... Приходите ко мне, говорит он, будем заниматься литературой. Мы стали заниматься сначала литературой, потом и по другим предметам—по арифметике, математике, чуть ли не по астрономии. Далее он начал меня знакомить с другими людьми, бывавшими у него, с Люльевым, Рудерманом»...

К этому времени Б. Л. Эйдельман уже знаком с Мельниковым и повидимому вместе с ним работает.

Таким образом налаживаются и расширяются связи интеллигентов, главным образом, с ремесленниками через Люльева и Сонькина и отчасти с рабочими главных железно-дорожных мастерских через Э. Ф. Плетата.

---

[1]) «Пролетарская Революция» № 1, ст. Эйдельмана.

[2]) Там-же.

Однако, это не удовлетворяет интеллигентов, «русской социал-демократической группы». Надо связаться с рабочими фабрик и заводов. Как это сделать?

«Для этого придумали такую комбинацию. Нам нужно организовать механическую мастерскую и в этой мастерской мы будем подготовлять, как к теоретической, так и к практической работе людей, чтобы их потом отправлять на крупные заводы и фабрики. За это дело взялись Ювеналий Дмитриевич Мельников, Борис Львович Эйдельман, а кто третий—не помню. Сняли домик по Большой Дорогожицкой, 15, приобрели токарный станок и кое-какие инструменты. Здесь я был первым учеником. Должен был сделаться токарем, чтобы потом, после 3-месячной науки, отправиться работать на завод. Это было летом 1893 года» (воспоминания Соломона Сонькина). Первыми учениками этой, как ее называет Б. Л. Эйдельман, школы-мастерской, были братья Соломон и Абрам Сонькины, Самойленко, Колесников, Ефимов Иван Иванович (впоследствии работал в Николаеве).

Мысль о создании подобной школы-мастерской была очень удачна и оригинальна. В самом деле, каким образом можно было добиться прочной связи с рабочими крупных предприятий. А ведь к этому стремилась интеллигентская социал-демократическая группа.

Начальный период движения именно характеризуется тем, что в замкнутых конспиративных кружках с.-д. интеллигенции идет выработка марксистского мировоззрения, заостряется в спорах с народниками теоретическое оружие, изживаются старые предрассудки. В этих кружках участвуют также наиболее передовые одиночки-рабочие. Затем идет применение теории к практике. Вырабатываются формы связи с рабочими. Пропаганда идей марксизма систематизирует, обобщает накопляющийся в процессе классовой борьбы опыт рабочих, оформляет в стройное мировоззрение элементы идеологии пролетариата, которые создаются об'ективным ходом событий. Таковы общие типические черты этого периода.

Но в различных центрах пролетарского движения, в зависимости от его характера, степени напряженности и друг. местных особенностей, картина этого процесса, оставаясь сходной в существенном, в деталях вариируется.

Киевское рабочее движение во главе с Ювеналием Мельниковым создало «школу-мастерскую», как одну из форм, посредством которой кратчайшим путем могло бы произойти сближение марксистской интеллигенции с рабочими.

Через три месяца был первый «выпуск» школы. Ученики получили задание поступить на предприятия, связаться с рабочими. В мастерской они получили не только ту или иную специализацию; они начинялись «марксистской заразой», которую должны были разносить по фабрикам и заводам. Об успешности подобного опыта говорит деятельность «ученика школы», Абрама Сонькина: «осенью (после окончания учения) я пошел работать в пароходные мастерские за Днепром... здесь я нашел рабочего Зборовича и еще одного токаря, которых привел к Ювеналию Дмитриевичу. Таким образом, началась связь с пароходными мастерскими... Весною меня

расчитали... Я решил пойти работать на завод Гретера»... (воспоминания А. Сонькина).

Таким образом налаживается через посредство учеников школы связь с целым рядом предприятий: пароходными мастерскими, заводом Гретера, Южно-русским заводом.

«Квартира Ювеналия Дмитриевича Мельникова на Лукьяновке, где помещалась школа-мастерская, сделалась штаб-квартирой социал-демократов интеллигентов, клубом и университетом для многочисленных посетителей рабочих. Сюда приводили наши ученики своих знакомых. Интеллигенты, пропагандисты присылали сюда для последней высшей шлифовки своих слушателей, сюда приходили интеллигенты всех Киевских групп. Здесь некоторые учились говорить и писать понятным для массы языком. Здесь в тесном кружке обсуждались планы организаций и намечались наиболее выдающиеся посетители в члены рабочей организации. Тут обсуждались новости газетные, велись споры о пропаганде и агитации и раздавались книжки. Душой Лукьяновского клуба был Ю. Д. Мельников» [1]).

Работа разворачивается. Появляются новые кружки, новые связи, наростает потребность в создании посредствующей звены между строго-конспиративной «русской социал-демократической группой»—и ширящимся рабочим движением. Придумывать особые формы связи не приходилось. Силою вещей из среды рабочих выделялись передовики фактически связывающиеся с интеллигентской группой, дававшие сведения о положении отдельных предприятий. Так Э. Ф. Плетат связывал группу с железнодорожными мастерскими, Соломон Сонькин с заводом Гретера, Рудерман—с ремесленниками. Эта группа передовых рабочих теснее всего связана была с Юв. Дм. Мельниковым и Б. Л. Эйдельманом. В 1895 г. связи эти получили определенную организационную форму. Создан был первый «Рабочий Комитет». Первый Рабочий Комитет не был выборным. Его составила группа наиболее активных рабочих, выделившихся в ходе процесса расширения связей «русской с.-д. группы» с фабриками и заводами. Тов. Эйдельман указывет, что в Комитет входило четыре человека: Юв. Дм. Мельников, Б. Л. Эйдельман, Альберт Поляк, и Рудерман, всего 4 человека.

Таким образом, Киевская организация к этому времени (зима 1895 г.) рисуется в следующем виде: русская социал-демократическая группа—конспиративный интеллигентский центр; группа, через посредство «Рабочего Комитета», связана с целым рядом предприятий,—и в лице Б. Л. Эйдельмана имеет в «Комитете» как бы своего представителя. Отдельные интеллигенты ведут в небольших кружках рабочих пропагандистскую работу. Рабочий Комитет, повидимому, не представлял из себя устойчивого органа; помимо названных выше лиц в деятельности его принимали участие, вероятно, еще некоторые рабочие-передовики.

«Задачи Рабочего Комитета состояли в следующем: знать все, что происходит в рабочей среде города и целесообразно использовать своим вмешательством все подходящее. В «Комитет» члены его являлись

---

[1]) «Пролетарская революция» № 1, указанная выше статья Эйдельмана.

с известным запасом сведений из жизни рабочих. Раньше и чаще всего обсуждались вопросы о распределении и составлении старых и новых пропагандистских кружков, о раздаче литературы легальной и нелегальной, о столкновениях с предпринимателями, в случаях недовольства и протеста, стачек или других поводов для изданий прокламаций и прочее. Если «Рабочий Комитет» решал издать прокламацию, то материал для этого записывался тут же и передавался в русскую группу. Оттуда в черновике прокламация поступала в «Рабочий Комитет», который вносил иногда поправки и только затем прокламация передавалась в «технику»[1]).

В то же время в среде передового студенчества идут жаркие теоретические споры марксистов с народниками. «В Киеве», рассказывает в своих воспоминаниях П. Л. Тучапский, «на довольно многолюдных студенческих вечеринках происходили настоящие (словесные разумеется) сражения, между народниками (будущими социалистами-революционерами) и марксистами (будущими и настоящими социал-демократами). Чувствовалось, что здесь дело идет не просто в выяснении известных теоретических положений, а о приобретении сторонников для определенной практической революционной работы. Здесь уж о благодушии не могло быть и речи. Главным содержанием дебатов служил вопрос об экономическом развитии России, о значении и судьбе общины, о расслоении крестьянства и т. д.[2]).

Так работа социал-демократической группы развивается в двух направлениях: через посредство «Рабочего Комитета» идет организация кружков. пропаганды, среди студентов идут жаркие и теоретические бои.

В то же время возникает в Киеве стачечное движение среди ремесленников. «В ноябре 1895 года стачка 150 портных и перед ней 25-ти обойщиков открыли кампанию. Затем следует неудачная стачка 25-ти сапожников... В марте полиция впервые вмешалась в стачку 19 портных у Людмера; было арестовано 2 рабочих»[3])...

Стачки дают повод Рабочему Комитету к выпуску 3 прокламаций, отпечатанных на гектографе.

К февралю и к марту 1896 года относится деятельность Ювеналия Дмитриевича Мельникова по организации кружка на электрической станции. Вот материалы, какие дает по этому поводу архив жандармов:

«В марте 1896 года служащий электрической станции киевской городской железной дороги, Василий Чернявский, заявил заведывающему электрической тягою этой дороги запасному подпоручику Первенко, а затем показал и при возбужденном при Киевском Губернском жандармском управлении дознании, что в феврале 1896 года товарищ его по службе мещанин Кузьма Морозов (он же Григорьев) пригласил его к себе на квартиру, куда вскоре явились: служащие на той же станции слесаря Яков Овчаренко и Степан Вышинский, токарь Василий Соловьев и какой-то студент. Последний прочел собравшимся книжку, в которой

---

[1]) «Пролетарская революция» № 1, указан. выше статья Эйдельмана.
[2]) П. Л. Тучапский. «Из пережитого» (90-е годы).
[3]) Акимов (Махновец). Очерк развития социал-демократии в России.

указывалось, как рабочие должны жить и поступать относительно хозяев и говорилось, что мастеровые должны образовать общество и устроить кассу для обеспечения тех, которые лишатся работы во время стачек, после чего Овчаренко предложил приступить к образованию кассы, а студент дал Овчаренко и Морозову некоторые из имевшихся у него брошюр. Дней через пять у Морозова вновь состоялось собрание, на которое кроме названных уже лиц, явился также сын личного дворянина Ювеналий Мельников, привлекавшийся уже к дознанию. Последний, а также упомянутый студент, опять читали книжки того же содержания, а затем начали сборы в кассу: Мельников внес один рубль, Овчаренко, Соловьев и Вышинский по 60 коп., Морозов внес 60 коп., выбран кассиром. Затем в той же квартире было еще несколько собраний, в которых участвовал также рабочий Дионисий Полякевич, и на которые являлся тот же студент, читал и снабжал рабочих революционными изданиями и приглашал членов образованного, таким образом, кружка привлекать в кружок машинистов станции. Ювеналий Мельников настаивал на том, чтобы рабочие аккуратно посещали собрания, а Морозов и Овчаренко делали замечания неаккуратным посетителям.

Вследствии сего 12-го апреля 1896 года были произведены обыски у поименованных выше лиц. При этом обнаружено у Овчаренко брошюра «об'яснение закона о штрафах», у Ювеналия и брата его товар. Вячеслава Мельниковых—списки революционных сочинений, а у Морозова—записи повидимому, сбора денег в кассу и адрес Полякевича, по обыску у которого оказались печатанные брошюры «Царь-голод» и «Рабочий день», а также напечатанные на пишущей машине и воспроизведенные на гектографе: 1) устав кассы, который имеет целью соединять рабочих для борьбы за улучшение их положения и доставить им средства, необходимые для такой борьбы, 2) письмо, в двух экземплярах к киевским рабочим, по поводу стачки в мастерской Людмера, подписанное «один из ваших товарищей» Киев 1895 года 15 марта, 3) письмо (2 экземпляра) к киевским рабочим, подписанное «Ваш товарищ рабочий» по поводу стачки в мастерской Кравца в Киеве, 4) письмо (2 экземпляра) к киевским рабочим о притеснениях в мастерских Общества пароходства по Днепру [1]).

Как указывает дальше жандармский обзор, прокламации и устав печатал на гектографе бывший студент университета Владимира, Алексей Иванович Петренко. Кроме того деятельное участие в организации кружка принимал Дмитрий Никитич Неточаев. Создание среди рабочих электрической станции кассы был результатом того, что. «Рабочий Комитет, в конце своего существования, стремился создать кассы. Стачечные по своему замыслу кассы превращались в центры пропаганды, агитации и организации сознательных рабочих» [2]).

В числе арестованных по делу о кружке на электрической станции был Мельников (арестован 18 апреля 1896 года). Тюремные казематы второй

[1]) Обзор важнейших дознаний жандармских управлений за 1895 и 1896 гг.

[2]) «Пролетарская революция» № 1 ст. Эйдельмана.

раз поглотили в своих недрах Ювеналия Дмитриевича. Но рабочее движение, порожденное силой об'ективных условий, независящих от воли отдельной личности, не могло прекратить своего поступательного движения даже в том случае, если оно лишалось таких выдающихся руководителей, как Ювеналий Дмитриевич. Только тупоумные головы жандармов и полицейских могли думать, что арестами, ссылками и казнями можно остановить грозную волну пролетарского движения. Подобно могучей лавине катилось оно дальше и дальше, место уставших, растерзанных рукой самодержавных палачей, занимали новые и новые борцы. Жандарм Новицкий, палач и душитель рабочего движения на юге России, как-то сказал: «всех рабочих в тюрьму не посадишь». Думаю, что в этом случае Новицкий единственный раз в своей жизни сказал умную вещь... Следовало бы только добавить, «за то жандармам и палачам на том свете места хватит».... До этого не додумалась тупая голова «охранителя российского самодержавия»...

Ко времени ареста Мельникова, Б. Л. Эйдельман приурочивает конец деятельности «первого Рабочего Комитета», проработавшего с декабря 1895 года до 18 апреля 1896 года. За весь этот период выявились основные формы движения: а) кружок пропаганды, б) стачечная касса. Деятельность 1-го рабочего комитета носила строго практический характер, она как бы дополняла и конкретизировала теоретическую пропаганду, которая велась интеллигентами «Русской социал-демократической группы». На сцену появляются прокламации, фиксирующие внимание рабочих на отдельных моментах стачечной борьбы. Правда, эти прокламации-письма не выходят из узких, чисто киевских рамок движения, но одно из писем, появившееся после стачки у Людмера «выясняет тесный союз между правительством и капиталистами. В нем не говорилось, что надо начать борьбу с правительством, а лишь заявлялось, что борьба будет вестись несмотря на насилие правительства» [1]).

(Продолжение в след. номере).

В. МАНИЛОВ

---

[1]) Акимов (Махновец). «Очерк развития социал-демократии в России».

ОТДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

Под опекой жандармерии

(Из дел канцелярии харьковского губернатора, № по описи Архива Революции 602)

В первом номере «Летописи революции», мы напечатали выдержки из переписки о тов. Крыленко, с которого и начато в канцелярии губернатора «дело». Но с судьбой тов. Крыленко связано было еще 4 человека, которыми жандармерия, каждым в отдельности и всеми вкупе, сугубо «интересуется». В виду того, что эта переписка представляет интерес для уяснения условий работы революционных организаций, считаем полезным ее частично воспроизвести и в отношении остальных 4-х человек из группы тов. Крыленко. «Дело» это начинается с мая месяца 1914 г., когда прибыла в Харьков высланная на пять лет из Петербурга по обвинению в принадлежности к РСДРП Е. Ф. Розмирович. По прибытии в Харьков она поселилась в гостин. «Версаль», а затем, с разрешения губернатора, переехала в дачное место. В силу этого последнего обстоятельства жандармское управление знакомит губернатора с Розмирович и др. Врид. Начальник Харьковского Губернского жандармского управления от 27 июня 1914 г. за № 2652 лично, секретно доносит харьковскому губернатору:

«Начальник Киевского Губернского жандармского управления сношением от 12 сего июня за № 1340 уведомил: что поступившим в распоряжение его агентурным сведениям бывш. член Киевского городского комитета Российской с.-д. рабочей партии, по партийной кличке «Галя», намерена в текущем месяце посетить гор. Харьков, Екатеринослав и Одессу с целью выяснить на месте положение работы социал-демократических организаций и привлечь их к активному участию в предстоящей будто «Южной Областной конференции», а затем заграничной конференции в августе с. г. «Галя» по наружному наблюдению Киевскому жандармскому управлению неизвестна и самоличность ее не выяснена. В гор. Харькове она может войти в сношение с состоящей под гласным надзором полиции Елисаветградскою, Херсонской губ., мещанкой Еленой Федоровной Розмирович, 27 лет.

Из дел временно заведываемого мною управления видно, что Розмирович в октябре месяце 1907 года была обыскана и арестована в гор. Киеве по распоряжению Начальника местного охранного отделения, но затем из-под стражи освобождена без всяких ограничений. Основанием к обыску и аресту ее послужили негласные сведения, что она состояла членом Киевской организации Российской с.-д. рабочей партии (фракции большевиков)

и принимала активное участие в работе: посещала собрания, выступала на них с речами и распространяла нелегальную литературу. В марте месяце 1908 г. она была вновь подвергнута, в порядке положения о Государственной охране, по делу о центральной группе «Спилка», но не была арестована и не привлекалась в качестве обвиняемой. 1 апреля 1909 года Розмирович была привлечена при Киевском Губернском жандармском управлении к охранной переписке, как заподозренная в политической неблагонодежности: основание к привлечению дал результат обыска, коим была обнаружена причастность ее к местной организации Р.С.-Д.Р.П. в связи с другими лицами. В разрешение этой переписки Розмирович была, по постановлению г. Министра внутрениих дел, подчинена гласному надзору полиции в Нарымском Крае, Томской губ., на три года, считая срок с 10 мая 1910 г., но затем, по пересмотре обстоятельств дела, г. Министр Внутренних дел постановил разрешить Розмирович выезд заграницу на срок подчинения ее гласному надзору полиции. По тому же делу она была привлечена при Киевском Губернском Жандармском Управлении и формальному дознанию в качестве обвиняемой по признакам преступления, предусмотренного 1 ч. 102 ст. Уг. Улож; дознание по окончании было направлено Прокурору Киевского Окружного Суда 31 декабря 1909 г. за № 22583, но чем таковое разрешено, сведений не имеется. 26 июня 1913 года Розмирович обыскана и арестована в порядке охраны по сношению ее с задержанными 26-го июня в гор. Киеве на сходке лицами, принадлежащими к местной с.-д. организации, а затем привлечена при вышеназванном управлении к охранной переписке, как заподозренная в политической неблагонадежности; переписка эта в отношении Розмирович была прекращена дальнейшим производством Киевским губернатором без всяких для нее, Розмирович, последствий,—она по этому делу была из-под стражи освобождена 1 августа 1913 г. В 1914 г. Розмирович была привлечена при С-Петербургском жандармском управлении к охранной переписке, в качестве заподозренной в принадлежности к С.-Петербургской с.-д. организации. По рассмотрении этой переписки в особом совещании, г. Министр Внутренних дел постановил: подчинить Розмирович гласному надзору полиции в избранном ею месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, на пять лет, считая срок с 18 апреля 1914 г. По об‘явлении настоящего постановления Розмирович избрала для себя местом жительства г. Киев, куда и прибыла по проходному свидетельству в апреле с. г., но затем, по распоряжению Киевского губернатора, она должна была избрать другую местность для отбытия гласного надзора. Она избрала гор. Харьков, куда и отправилась по проходному свидетельству Киевского Полицеймейстера от 27-го мая 1914 года за № 8222. 28 мая с. г. она прибыла в гор. Харьков, но вскоре перешла на жительство в село Песочино, Харьковского уез., где за нею было установлено наружное наблюдение.

На даче в селе Песочино вместе с Розмирович поселился выбывший 3 сего июня из гор. Воронежа потомственный дворянин Нижегородской губернии Максимилиан Александров Савельев, 30 лет, который и вошел в сферу наружного наблюдения.

№ дѣла

Родъ пре-
ступности:

Ложное имя:

Прозвище, кличка:

Фамилія: Розмировичъ

Имя и отч., если инов. ... — то всѣ имена ... называется ... именамъ: Елена Федоровна

Подробн. званіе: Мѣщ. гор. Елисаветграда

Мѣсто рожденія въ гор., ...: Въ сел. Петропавловкѣ

Уѣзда

Отецъ: Федоръ Альбертовичъ

Мать (и ея дѣвичья фамилія)?

Живы-ли они?

Женат. (замужем.) Холост. (дѣвица вдов. разведен.)? Замужняя

Любовн. связь?

Имя и отч. жены (мужа) и ея дѣвичья фамилія? Петръ Георгіевичъ Розмировичъ

Братья, сестры и проч., извѣстные родственники? бр. Алексѣй 38 л. Федоръ 32 л. сс. Евгенія 34 л. ...

Вѣроисповѣд.: Православнаго

Воен. служба? —

Гдѣ получил. образованіе? Окончила Елисаветградскую гимназію

Знаетъ-ли мастерство (профессія) и послѣднее мѣсто службы? Домашняя хозяйка

Послѣднее мѣстожительство? Административн. высылка изъ гор. Кіева

Когда, гдѣ и по как. дѣлу задержанъ или привлеченъ? 30 Мая 1914 г. въ Харьковѣ для регистраціи

По как. дѣлу ранѣе привлекался? какъ администрат. высланная изъ Кіева

Не подвергался-ли ранѣе фотографированію, антропометр. или дактилоскопіи? Въ С.-Петерб. Охр. Отд. на 6 ст.

Опис. примѣтъ

18) Плечи: Ширин. ср. Нак. бол. Шея дл. Ос.

19) Руки: Величин. дл. Привычк. держать своб. Ос.

20) Ступни ногъ: Длин. (№ обуви) ср. Особ. формы ног.

21) Осанка (выправка корпуса. Манера держаться): своб.

22) Походка: быстр.

23) Особ. въ жестикуляціи, гримас. мимикѣ и т. п.

24) Природный языкъ? Русскій Иност. акцентъ? Выговор. (областной, нарѣчье)?

Голос. Шепелявость, картавость и т. п.?

25) Особен. одежды? 26) Привычки?

Антропометрія.

	Голова		Пр. ухо		Лѣв. ступни	Лѣв. глаз.	Дактилоскопическая классификація.
Ростъ 1 м. с.	Длин.		Длин.		Ступни	Меклас.	
Дл. р. рукъ 1 м. с.					Ср. пальца	Рад. об.	
Рост. сид.	Шир.		Шир.		Мизинца	Ореол.	
					Локтя	Особ.	

Особыя примѣты: т. е. зажившіе рубцы, раны, пятна, опухоли, наросты, татуировка, недостатки пальцевъ и т. п.

1) Лѣв. рука 4) Грудь

2) Прав. рука 5) Спина

3) Лицо и шея 6) Ноги

Описаніе составлено въ г. Харьковѣ 30 дня Мая 1914 года.

Подпись

Дактилоскопія.

... руки

большой. указательный. средній. безымянный. мизинецъ.

Савельев, как видно из циркуляра Департамента Полиции от 16 октября 1911 г. за № 108619, был отправлен Лениным из-за границы в Россию, в качестве агента Центрального Комитета, для набора делегатов исключительно большевистского течения на предстоявшую партийную конференцию. Из сношения начальника С.-Петербургского охранного отделения на имя начальника Воронежского Губернского жандармского управления от 11 марта 1914 г. за № 6130 видно, что Савельев был привлечен в С.-Петербурге к охранной переписке за принадлежность к местной с.-д. организации; переписка эта была рассмотрена особым совещанием, и постановлением г. Министра Внутренних дел Савельеву воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях на 2 года, считая срок с 29 января 1914 г. Савельев избрал местом своего жительства гор. Воронеж, куда и выбыл 10 марта 14 г. В Воронеже он был замечен наружным наблюдением с известным Вашему превосходительству Феодосием Ивановым Кривобоковым, высланным из гор. Харькова.

17 сего июня днем наружное наблюдение за Савельевым отметило приезд его из Харькова на дачу в с. Песочино с неизвестной женщиной, в каковой была заподозрена «Галя»; женщина эта осталась ночевать в квартире Розмирович. На следующий день в 5 ч. 20 мин. дня она поездом выехала в гор. Харьков и затем посетила дом № 28 по Державинской улице, где проживает крестьянин Лифляндской губ., Эзельского уезда, Кельканской вол., Юлиус-Иоган Придов Шиллерт. Он же Силлерт, 32 лет, механик, поддерживающий сношения с партийными работниками.

Ввиду явно преступной деятельности «Гали» и неустановки ее самоличности, решено было не выпускать ее из Харькова и по возможности арестовать ее на вокзале в момент ее выезда, предварительно запросив Начальника Киевского Губернского жандармского управления телеграммой от 18 июня за № 2563 о неимении с его стороны препятствий к обыску и аресту ее. Начальник названного управления телеграммой от 18-же июня за № 134 ответил: «Препятствий не встречается».

19 июня в 11 часов утра неизвестная женщина явилась на вокзал ст. Харьков, купила билет III класса до Ростова и получив через носильщика вещи, находившиеся на хранении, направилась к Ростовскому поезду. В это время она и была арестована; по личному обыску ее и в вещах ее ничего преступного не найдено. При задержании она назвалась мещанкой м. Тальное, Уманского уезда, Киевской губ., Брайной Ушер-Шлиомовой Коган, 25 лет, занимается частными уроками; в удостоверение своей личности пред‘явила годовой паспорт, выданный на вышеназванное имя из Тальновской мещанской управы 12 июня 1914 г. за № 419; паспорт нигде не заявлен.

С арестом Коган были произведены обыски у Розмирович, Савельева, Шиллерт (Силлерт) и сына чиновника, уроженца Смоленской губ., Николая Васильева Крыленкова, 29 лет, отмеченного наружным наблюдением в сношениях с Розмирович и Савельевым.

В момент производства обыска в помещении Савельева был застигнут неизвестный, назвавшийся сыном чиновника, ученым агрономом Михаилом Александровым (Израилевым) Розенштейном, 29 лет, не пред‘явившим

в удостоверение своей личности никаких документов; в дальнейшем личность его была установлена и он, Розенштейн, оказался проживающим в селе Бабаях, 5-го стана Харьковского уезда.

Из дел вр. заведываемого мною управления видно, что Крыленков, как сообщил начальник С.-Петербургского охранного отделения 4-го апреля 1914 г. за № 7666, являлся, «и т. д. идет повторение того, что говорится о нем в донесении губернатору в связи с поданным им заявлением о разрешении ехать на свой счет в место ссылки с С. Ф. Розмирович и что напечатано в 1-м сборнике «Летопись Революции».

«Розенштейн, по имеющимся сведениям, удален в 1913 г. из С.-Петербурга в порядке по Г. ст. 16 Положения об усиленной охране; по своим убеждениям он—большевик и выступал 1-го сего июня на собрании в Липовой Роще, близь Харькова, где подверг критике закон о печати. В дальнейшем он, видимо, предназначался для об‘езда южных с.-д. организаций с целью избрания делегатов на конференцию, так как в момент задержания вещи его находились уже на вокзале; он готовился к от‘езду вслед за «Галей».

По обыскам обнаружено:

1. У Розмирович,—а) записки и рукописи партийного характера; б) письма, в числе их из Вены за подписью «Шура», который занимается предварительной работой по предстоящему конгрессу; в) брошюры с.-д. направления и рабочие газеты.

2. У Савельева,—журналы и рабочие газеты в значительном количестве.

3 У Шиллерт,—брошюры с.-д. направления, журналы и рабочие газеты.

4. У Крыленкова,—а) двадцать восемь полулистов писчей бумаги, заполненных отпечатанными на пишущей машине на одной стороне заметками, озаглавленными: «На злобу дня», «К задачам момента» и «В мире рабочих», все за подписью «А. Брам»; по своему содержанию названные заметки тендециозного социал-демократического характера и, видимо, заготовлены для помещения в левых рабочих газетах; б) заметки частного характера.

По совместному жительству с Крыленковым была обыскана мещанка гор. Бердичева, Мариам Леви-Ицковна Ортенберг, у которой ничего явно преступного не найдено.

5. У Розенштейна,—по личному обыску: а) заметка на полулисте почтовой бумаги с проявленным текстом следующего содержания: «1. Отчет ЦК и делегатов с мест., 2. По...тическ. момент., 3. Орган. зад. парт., 4. Стач. движ., 5. Нов. зак. о печ. и нелег. печ., 6. Проф. движ., 7. Страх. рабоч., 8. Прогр. вопр, 9. Народничество, 10. Отнош. к ликвид. в связи с предл... Б», 11. Об участии в бурж. печат., 12. Выборы, письмо к орган. и проч.; заметки с адресами; по обыску на квартире: брошюры социалистического характера, журналы и рабочие газеты в значительном количестве.

По совместному жительству с Розенштейном был обыскан Керчь-Еникалийский, Таврической губ., мещанин Георгий Георгиевич Стафопулло, 28 лет, по обыску у него ничего явно преступного не обнаружено

Стафопулло входил в 1905 г. в состав Харьковского Комитета Р. С Д. Р. П.; в ночь на 23-е января того же года он был обыскан и арестован в г. Харькове в связи с арестованной тогда тайной типографией названного комитета, по обыску у него были обнаружены революционные издания и он по этому делу был привлечен в качестве обвиняемого по 2 п. 132 ст. Угол. Улож., а затем отдан под особый надзор полиции в гор. Ростове на Дону. Состоя под надзором Стафопулло проживал без прописки в гор. Харькове и 21 апреля 1905 г. участвовал на сходке членов местной с.-д. организации, поставившей целью организовать 2-го мая 1905 года общую забастовку и демонстрацию с вооруженным сопротивлением действию полиции, почему в ночь на 28 апреля того же года он вторично был обыскан и арестован, при чем у него были обнаружены револьвер, патроны и переписка, указавшая на его связь с революционными кружками учащихся, но, согласно постановления Харьковского губернатора, от 20-го мая 1905 г. за № 5669, он был из-под стражи освобожден, а формальное дознание по 2 п. 132 ст. Угол. Улож. прекращено, на основании 1 п. Высочайшего указа 21 октября 1905 г.

По ликвидации в гор. Харькове, в ночь на 30-е апреля 1912 г. членов местной организации с.-д., Стафопулло был подвергнут обыску, в виду отмеченной наружным наблюдением связи его, но обыск оказался безрезультатным и он был оставлен на свободе.

Коган и Розенштейн заключены под стражу в порядке положения о Государственной охране в Харьковскую губернскую тюрьму и о них возбуждена при вр. заведываемом мною Управлении охранная переписка.

О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству.

Полковник (подпись)

На этом донесении губернатором сделан целый ряд надписей, которые дают основание заключить, что он означенной группой большевиков крайне «интересовался». На поле перед последним абзацом, где говорится, что Коган и Розенштейн заключены под стражу, губернатор делает пометку: «а остальные?»

Кроме того губернатор в связи с этим вызывает к себе 2 июля к 12 часам Нач. Харьковского Губернского жандармского управления и уездного исправника.

И результатом этого совещания, очевидно, является отношение уездному исправнику:

«Усматривая из сообщения Нач. Харьковского Губернского жандармского управления, что в дачных местностях Харьковского уезда проживают без прописки видов на жительство неблагонадежные в политическом отношении лица и, в особенности евреи, предлагаю В. Высокородию усилить наблюдения как за появлением этих лиц в Харьковский уезд, так равно и за пропиской их видов, отнюдь не допуская проживания их без надлежащих документов».

Однако, несмотря на такое, казалось бы сугубое внимание к «неблагонадежным» в политическом отношении лицам, с местожительством

Розмирович происходит явная путаница. Она подает прошение губернатору, прося разрешить ей проживать, по состоянию здоровья в дачном месте Ржов. Губернатор разрешает, и она в начале июня выезжает туда, о чем ставится в известность исправник. Но скоро получается от него сообщение, что Е. Ф. Розмирович 19/VI выехала обратно в Харьков. Полицеймейстер докладывает губернатору, что Е. Ф. Розмирович в Харькове не оказывается. А 20-го же июня Харьковский уездный исправник рапортом доносит губернатору:

«19 сего июня вечером в селе Песочино, Харьковского уезда, у мещанки г. Елисаветграда, Елены Федоровны Розмирович, состоящей под гласным надзором полиции, проживающей в доме крестьянина Андрея Григорьевича Шевченко, подполковником Харьковского Губернского жандармского управления, совместно с приставом первого стана Харьковского уезда, произведен был обыск, во время которого в квартире Розмирович были застигнуты: крестьянка Верхневенской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губ., Надежда Алексеевна Мартианова, потомственный дворянин, д-р философии по заграничному диплому, Максимилиан Александрович Савельев и неизвестный человек, назвавшийся ученым агрономом, окончившим Киевский политехникум Михаилом Александровичем Розенштейн, прибывшие к Розмирович, как установлено расследованием, в день обыска со ст. Харьков, при чем в квартире Розмирович обнаружено несколько экземпляров рабочей газеты, а также переписка и разные заметки, которые и взяты жандармским подполковником. Назвавшийся Розенштейном задержан и отправлен в Губернское жандармское управление».

Арестованных Коган и Розенштейн губернатор подвергает заключению в тюрьме на 1 месяц. Но 4-го июля 1914 года Харьковское Губернское жандармское управление пишет (12293) губернатору: «При вверенном мне Управлении возбуждена переписка в порядке Положения о Государственной Охране по исследованию степени политической благонадежности мещанки Брайны-Ушер Шлиомовны Коган и ученого агронома Михаила Александровича (Израилева) Розенштейн, арестованных: первая в г. Харькове, второй в селе Песочино Харьковского уезда 19 минувшего июня.

Не имея возможности окончить расследование об этих лицах в течение месяца, вследствии того, что по связи с ними к делу подлежат быть привлечены мещанка Елена Федоровна Розмирович, сын чиновника Николай Васильевич Крыленков (Крыленко), дворянин Максимилиан Александрович Савельев и мещанин Израиль Мордков Терлецкий, местожительство коих к настоящему времени не выяснено, имею честь просить ходатайства Вашего Превосходительства о продлении, на основании ст. 33 упомянутого положения, месячного срока ареста названным Коган и Розенштейну, впредь до окончательного разрешения настоящей переписки».

После неоднократных надбавок сроков предварительного заключения, вызванных, как видно из бумаг, неполучением необходимых сведений местной жандармерией от Херсонского, Киевского и Костромского жандармских управлений, переписка о Коган и Розенштейн, наконец, 27 августа передается жандармским управлением Губернатору с перечислением за ним

и содержанием их под стражей. При этом жанд. упр. сообщает о своем постановлении о необходимости принятия административного воздействия по отношению к Коган и Розенштейн и приостановлению переписки о Розмирович, Крыленко и Савельеве.

С получением этой переписки губернатор делает подробное донесение министру внутренних дел об арестованных Коган и Розенштейн, в котором повторяет сведения о них, сообщенные Харьковским Губернским жандармским управлением от 27 июня 1914 г. за № 2562. Делая вывод из этих данных, что Коган и Розенштейн являются опасными и деятельными революционными работниками, он просит выслать их в отдаленные губернии России под гласный надзор полиции. Но так как с Коган и Розенштейн связаны Розмирович, Савельев и Крыленко, он сообщает, что до привлечения к переписке последних трех (они неизвестно куда выбыли из Харькова) переписка о них производством приостановлена впредь до обнаружения и задержания.

14 октября 1914 г. за № 107134 департамент полиции сообщает Харьковскому губернатору:

«По рассмотрении особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о мещанке г. Умани, Киевской губ. Брайне Ушер-Шлиомовне Коган и ученом аграноме Михаиле Александровиче (Израилеве) Розенштейн, заподозренных в принадлежности к социал-демократической организации, г. Министр Внутренних Дел постановил: Брайну Каган и Михаила Розенштейн подчинить гласному надзору полиции в избранном ими месте жительства, за исключением столиц и губерний столичных и Харьковской, на два года каждого.

Срок означенного административного взыскания надлежит исчислять с 9 октября сего года. Вице-директор (подпись)».

Местом жительства Розенштейн выбрал Самару, а Коган Полтаву, куда и отправлены были этапным порядком 31 октября 1914 г. Пока «начальство» устраивало судьбу Коган и Розенштейн,—в это время, а именно 24 сентября в гор. Саратове был арестован Максимилиан Александрович Савельев и препровожден этапным порядком в Харьковскую губернскую тюрьму. С получением переписки от Харьковского Губернского жандармского управления, губернатор сообщает министру внутренних дел сведения об арестованном, повторяя в общем тоже, что и говорил раньше, однако по отношению к нему губернатор просит сделать распоряжение о высылке его в отдаленную губернию России под гласный надзор полиции на возможно больший срок.

31 декабря департамент полиции сообщает Харьковскому губернатору, что по рассмотрению особым совещанием обстоятельств дела о Максимилиане Александровиче Савельеве, заподозренном в принадлежности его к Российской социал-демократической рабочей партии, министр внутренних дел, в виду недостаточности улик, постановил: оставив в силе состоявшееся о Савельеве постановление особого совещания 29 января 1914 года (о высылке Савельева на 2 года в Воронеж), настоящую о нем переписку,

в порядке, указанном 34-й ст. положения о Государственной Охране, прекратить. В результате этого постановления, по сообщению Начальника Харьковской Губернской тюрьмы от 10 января 1915 г., Савельев из под стражи освобожден 9 января. 14 февраля 1915 года Харьковский полицеймейстер доносит губернатору, что освобожденный из под стражи Савельев, выбыл из Харькова неизвестно куда и за появлением его установлено наблюдение.

В конце 1915 года и остальные из 5-ти задерживаются.

17 декабря 1915 года Начальник Харьковского Губернского жандармского управления пишет губернатору: «В виду задержания мещанки города Елисаветграда Елены Федоровны Розмирович имею честь просить Вашего Превосходительства о препровождении мне переписки с вещественными доказательствами о названной Розмирович и других, направленной при записке моей от 27 августа сего года за № 16100.

Если же означенная переписка находится в Особом совещании при Министерстве Внутренних Дел, то прошу об истребовании таковой по телеграфу».

Начинается снова длинная переписка: ходатайства о продлении срока ареста, донесения в департамент полиции о необходимости эту опасную революционную работницу выслать куда-нибудь подальше, на срок до пяти лет, своевременные напоминания начальника тюрьмы перед окончанием срока ареста: что с ней делать дальше—держать или освобождать (эта, между прочим, заботливость начальника тюрьмы замечена ко всем перечисленным выше арестованным).

Будучи арестована 17 дек. 1915 года, Е. Ф. Розмирович 25 февраля 1916 г. подает губернатору прошение, где просит его на случай постановления выслать ее из Харькова, разрешить ей ехать в место ссылки на свой счет ввиду того, что состояние ее здоровья не позволяет ей двигаться этапом. Прошение это подает прокурору, который препровождает его губернатору 4 марта 1916 г. На препроводительной бумаге губернатор кладет резолюцию: «Не согласен, так как раз уже бежала».

18 марта 1916 года деп. полиции сообщает Харьковскому губернатору: «По рассмотрению особым совещанием, образованным согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела Е. Ф. Розмирович, заподозренной в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П., Министр Внутренних Дел постановил: 1) Е. Розмирович подчинить гласному надзору полиции в Иркутской губ. на пять лет, считая срок с 11 марта с. г. 2) Постановление особого совещания от 18 апреля 1914 г. (о высылке ее на пять лет с 18 апреля 1914 года. М. И.) в отношении Розмирович оставить без исполнения».

Уже после состоявшегося постановления о высылке, мать Е. Ф. Розмирович телеграфирует губернатору из Киева 6 апреля, прося его разрешить ее дочери до места ссылки следовать на свой счет. Губернатор снова пишет резолюцию: «без последствий». И лишь в результате поданного на сей счет прошения тов. Крыленко и произведенного в связи с этим осмотра Врачебной комиссией,—губернатор разрешает Е. Ф. Розмирович ехать на свой счет. 10 мая 1916 года она, в сопровождении двух стражников, выехала в Иркутск.

И 2-го марта 1917 года (когда уже, стало быть, в России не существовало Царского правительства) еще удержавшийся, не снесенный революционной бурей, Харьковский губернатор пишет Харьковскому Губернскому жандармскому управлению: «В дополнение к отношению от 28 марта 1916 года, за № 2348, канцелярия губернатора при этом препровождает Вашему Высокородию вещественные доказательства в одном тюке по делу Е. Розмирович».

* * *

Но детальная, «лабораторная» разработка вопроса о деятельности означенной (как, впрочем, и всякой другой) группы сосредотачивается в Жандармском Управлении. Здесь собираются все нити и обрывки их, тщательно исследуются, связываются и аккуратно наматываются на клубок жандармского катка.

И разбираясь во всем этом материале—трудах жандармерии, с несомненностью устанавливаешь, как иногда какой нибудь незначительный на наш взгляд случай, пустяковое обстоятельство служило причиной провала отдельных лиц и целых групп. Производится у кого-нибудь из заподозренных в политической неблагонадежности обыск, во время которого обнаруживается ничего не стоющая почтовая квитанция на отправленное заказное письмо. В квитанции указывается лишь, как известно, куда и кому отправлено письмо. И этого для жандармов оказывается достаточно, что бы сделать в указанное в квитанции место Жандармскому управлению запрос на счет личности обозначенной в квитанции.

При обыске, например, у М. А. Розенштейн была обнаружена абонементная книжка библиотеки Харьковского Общества Сельского Хозяйства на имя Коссиора Станислава Викентьевича. И нач. Харьк. Губ. жанд. управл. пишет Полтавскому: «В виду нахождения Коссиора в настоящее время в гор. Полтаве, прошу о допросе его, в порядке охраны, о том, каким путем упомянутая книжка его, при сем прилагаемая для пред'явления, поступила к Розенштейну, где и когда он с последним познакомился и в каких отношениях с ним состоит.

Протокол допроса с возвращением приложения препроводите мне».

И на этом создается новое «дело»...

М. ИВАНОВ

Григорьевская авантюра (май 1919 года)

В течение нескольких дней Екатеринослав сделался ареной кровавых боевых столкновений с бандами атамана-изменника Григорьева, который пытался завладеть городом и упразднить власть рабочих и крестьян.

Благодаря беззаветной храбрости Красной армии, горячему воодушевлению рабочих, решивших грудью отстоять завоевания пролетарской революции, надежды предателя рабочего дела потерпели полное крушение и он позорно бежал, разбитый на голову.

События развивались в следующем последовательном порядке:

Воскресенье, 11 мая

Ввиду получения сведений о черной измене атамана Григорьева и о наступлении его на Екатеринослав, навстречу бандам предателя были высланы войска. В воскресенье утром началась перестрелка между 36 полком Красной армии и григорьевцами, занявшими станцию Сухачевка, в 18—20 верстах от Екатеринослава.

Губернский комитет партии и Исполком развили самую энергичную деятельность в деле мобилизации всех партийных сил, для отражения Григорьевских банд, в то время, когда в штабе 2 Украинской армии царила полная разруха и отсутствовала всякая связь с отрядами, высланными на фронт. Штаб усиленно готовился к эвакуации еще с 6 час. вечера, и только, по настоянию Исполкома, начальник штаба Скачко отсрочил эвакуацию еще на 2 часа. В 8 час. от здания штаба потянулись на вокзал грузовики и автомобили, причем вывозилось не только ценное имущество, но и всякая рухлядь, обстановка и граммофоны.

Все это усилило панику в городе, связь отсутствовала и все жили только нелепыми слухами. В 12 час. ночи военный комендант Булгаков, назначенный начальником штаба, оставил город на произвол судьбы. Перед от'ездом на вопрос начальника городской милиции по телефону, «что делать», Булгаков ответил:—«Делайте, что хотите».

С этого момента власть фактически отсутствовала, в городе началось безвластие, чем воспользовались темные элементы и освободили из тюрьмы всех бандитов—уголовных преступников. Таким образом, в тылу наших революционных частей, сражавшихся на фронте с григорьевцами, получили возможность организоваться шайки бандитов.

В понедельник 12 мая штаб находился уже в Синельниково, где был встречен выехавшим из Харькова т. Пархоменко, назначенным командующим войск екатеринославского направления.

На все вопросы т. Пархоменко о положении на фронте, о численности войск неприятеля и о состоянии обороны,—нач. штаба т. Скачко давал самые туманные и неудовлетворительные ответы.

Понедельник, 12 мая

С утра советская артиллерия открыла ураганный огонь против Сухачевки. В 2 часа наши отряды перешли в наступление и к 4 часам григорьевцы были выбиты из Сухачевки.

В наступлении участвовали, кроме 56 полка, интернациональный полк, 2 коммунистических отряда рабочих, партийная школа, школа инструкторов отдела управления, отряд чрезвычайной комиссии и отряд, составленный из 250 милиционеров, из коих 150 несли охрану железнодорожного моста через Днепр, а 100 находилось в резерве.

Надо заметить, что вся милиция с 1-го дня по распоряжению нач. штаба перешла в ведение военных властей.

Вечером под давлением превосходных сил неприятеля, получившего подкрепления, советским войскам пришлось отступить сначала к Диевке, а затем к Екатеринославу и Нижнеднепровску.

В это время Черноморский полк, стоявший на отдыхе в Екатеринославе, стал на сторону Григорьева и захватил власть в городе. Комендантом Розановым было выпущено несколько приказов. В одном из них предлагалось красноармейцам, не перешедшим в ряды изменника Григорьева, сдать оружие под угрозой расстрела. Из тюрьмы были выпущены все уголовные и политические преступники, которые под начальством бандита Максюты образовали одну шайку и присоединились к григорьевцам. Несмотря на малочисленность своего отряда, разгрузившись в Амур-Н.-Днепровске, т. Пархоменко двинулся к мосту, где отряд его был встречен ружейным и пулеметным огнем засевших там григорьевцев.

Рассыпав свой отряд в цепь т. Пархоменко обстрелял противника огнем своих броневиков и бросился в атаку. Под стремительным натиском григорьевские банды начали отступать. Впереди своего отряда т. Пархоменко бросился преследовать отступающие банды противника, захватив массу пленных, многочисленный обоз и пулеметы. В это время к доблестным защитникам красного Екатеринослава присоединились рабочие, из которых были сформированы отдельные партизанские отряды, с которыми наступление было поведено в районе Надеждинской улицы. Во время первой схватки нашими частями был задержан бандит Максюта вместе с его «штабом», которые тут же были расстреляны. Начиная с 3-х час. дня 12 мая, район Чечелевки, Пушкинского проспекта, также части города, прилегающие к вокзалу, переходили из рук в руки. Нач. Губ. Управления советской милиции, т. Кузнецов, об‘езжая в 10 час. утра милиционные части, узнал об освобождении заключенных из Губернской тюрьмы и сейчас же с 3 ординарцами направился к тюрьме, успев по дороге задержать двух

бандитов. Возле тюрьмы вооруженные бандиты встретили его огнем. Т. Кузнецов, отправив одного ординарца в комендатуру за подкреплением с двумя остальными поехал к арестантскому отделению. Встретив здесь бандитов, т. Кузнецов и его ординарцы открыли стрельбу. После этого, по распоряжению т. Кузнецова, возле комендатуры был устроен сборный пункт. На углу Провиантской ул. т. Кузнецов снова подвергся обстрелу со стороны вооруженных бандитов, которые его также пытались разоружить. Ему удалось на лошади переправиться через Днепр и присоединиться к революционным войскам.

Вторник, 13 мая

13 мая неприятель пытался приблизиться к вокзалу и расположился с пулеметами и грузовыми автомобилями в районе Трамвайной ул., откуда он начал обстреливать наши части.

Отрядом т. Лишневского григорьевцы были оттуда выбиты, при чем были захвачены пулеметы.

Среда, 14 мая

Благодаря полученному из Харькова подкреплению, явилась возможность перейти в наступление.

К утру ураганным огнем нашей артиллерии неприятель был совершенно выбит из позиции, и в своем последнем напоре наши доблестные войска разбили неприятеля, шедшего тремя цепями на нас, и заняли господствующие высоты.

Григорьевцы в панике бежали. Захвачено много пленных, а также разные трофеи. Советская артиллерия все время прекрасно работала под руководством т. Мартыненко.

Четверг, 15 мая

В 5 час. утра гетмано-петлюровские части Григорьева были выбиты из всех занятых ими позиций. Город очищен от всех оставшихся отдельных групп и банд.

Охрану города несут члены профсоюзов. Милиция восстановлена, порядок в городе решительно восстанавливается. Разведкой Советских войск были захвачены видные григорьевские деятели.

Пятница, 16 мая

По донесению нач. левого боевого участка, в рядах григорьевских банд замечается полный развал: пехотные части требуют, чтоб их распустили по домам.

Штабом Григорьева разбрасываются среди крестьянских масс воззвания с различными провокационными лозунгами, как-то:

«Долой насильников над крестьянами, в лице Раковского и представителей его».

В воззваниях этих также обещается крестьянам земля и кончаются они следующими словами:

«Если нет оружия, то возьмите в руки вилы, топоры, колья и идите вперед. Враг бессилен и мы выгоним насильников».

В Верхнеднепровске на станции стоит несколько эшелонов противника.

В ДНИ МЯТЕЖА

На Кайдаках. Из разговоров с жителями поселка видно, что они относятся сознательно к григорьевской авантюре. Многие заявляют, что у Григорьева не армия, а разбойники, которые грабят, вырезают поголовно еврейское население, все имущество их забирают, а потом продают.

13 мая, когда Григорьевские банды вступили в Кайдаки, начался грабеж и убийство мирного населения. Ворвавшись к бедному еврею, торгующему разным скарбом, после издевательств над его семьей, убили его жену и малолетнего мальчика, причем мальчику сперва отрезали руку, а потом пристрелили.

По заявлению жителей, солдаты Григорьева совсем раздетые, босые и все голодные. Многого они еще не успели сделать, потому, что многие из них боялись стрельбы из домов. «Бравые» солдаты-бандиты заявляли жителям, что они идут только против коммунистов и жидов, которых нужно уничтожить.

После григорьевского набега в Кайдаках все спокойно. Рабочее население свободно вздохнуло, избавившись от григорьевских разбойников.

Жертвы григорьевских бандитов. За трубной колонией, на полотне железной дороги и в кайдаковских оврагах обнаружено 13 трупов: 11 евреев и 2 русских рабочих. Трупы совершенно раздеты и зверски изуродованы. Многие совершенно изрублены, проколоты штыками григорьевских бандитов, и пришлось частями их собирать.

Трупы доставлены в покойницкую Брянской больницы. Помимо этих трупов в покойницкой лежат сейчас еще около 70 трупов—несчастных жертв разбойной удали григорьевских бандитов.

В железнодорожной больнице. Во время наступления григорьевских банд страшно пострадала железнодорожная больница. Григорьевские «молодцы», оставляющие на своем пути кровавые следы рабочих и еврейских погромов, не остановились еще перед тем, чтобы направить дуло пушек на железнодорожную больницу.

Бандитскими снарядами сильно повреждены 5 павильонов больницы. Одним из снарядов, попавшим в тифозный павильон, убита находившаяся там женщина и тяжело ранена одна больная.

Всех больных заразных и не заразных павильонов в григорьевские дни пришлось перенести в погреб, где они находились несколько дней.

Обстановка была ужасная, в сырой погреб просачивалась вода... В покойницкую железнодорожной больницы доставлено 19 труппов—жертвы григорьевского бандитизма. 5 труппов уже успели похоронить, а остальные еще находятся в покойницкой.

В покойницкой Александровской Больницы. В покойницкую Александровской Больницы было доставлено 15 трупов. Это—убитые в григорьевские разбойные дни. Все они принадлежат к мирному

населению города, за исключением двух военных: офицера и красноармейца. 2 трупа опознаны и взяты из покойницкой, остальные еще там находятся.

К ОСВОБОЖДЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Когда стало известно об авантюре предателя Григорьева, рассказывает т. Кузнецов, я отправил немедленно 250 милиционеров на фронт, 180 человек для охраны моста, а остальные несли караульную службу.

В понедельник 12-го мая в 10 ч. утра, об'езжая милиционные участки, я узнал, что Черноморским полком освобождены заключенные губернской тюрьмы.

Тотчас же с 3 ординарцами я отправился к тюрьме и по дороге успел задержать двух освобожденных преступников.

Возле тюрьмы бандиты, успевшие уже вооружиться, встретили нас ураганным огнем. Тогда я отправил одного ординарца в комендатуру за подкреплением, и с двумя ординарцами поехал по Казачьей ул. к арестантскому отделению.

Тут нас встретили бандиты и мы открыли стрельбу. Поехали к Совету. Я распорядился расставить возле комендатуры милиционеров, устроив там сборный пункт. Несколько человек нас направились к вокзалу, но на углу Провиантской улицы нас встретили вооруженные и переодетые в военную форму, которые открыли редкий ружейный огонь.

Из группы бандитов выделилось несколько человек и приблизившись к нам спросили кто мы такие. Заявив им, что мы члены Совета, бандиты потребовали у нас оружие, заметив при этом, что членам Совета оружие не нужно. Отдав бандитам револьверы мы погнали лошадей к Днепру и переправились через реку.

Во вторник был сформирован отряд из 3 милиционеров, членов чека и т.т. коммунистов, с которыми мы двинулись к вокзалу, где наступали григорьевские банды.

В четверг в городе, об'езжая милиционные участки, я застал их в ужасном виде. 1-й, 2-й и 3-й участки были в хаотическом состоянии, а 5-й и 6-й подверглись большому разгрому бандитов.

Уцелел только участок 4-го района.

Уголовная милиция также была разгромлена бандитами, которые пытались уничтожить документы и разбили негативы. Но регистрационные карточки были спрятаны и таким образом уцелели.

В настоящее время все милиционные участки начали функционировать полностью и приняты энергичные меры по задержанию преступного элемента.

ВОЗЗВАНИЯ И ПРИКАЗЫ

Красноармейцы

В то время, как вы боролись на многих фронтах с белогвардейцами, царский генерал Григорьев поднял против вашей рабоче-крестьянской власти восстание.

Он расстроил наш тыл, прервал пути, не дает возможности подвести нам снабжение, он помогает Деникину и Колчаку.

Красноармейцы. У Григорьева комиссарами назначают старых царских офицеров. У Григорьева вместо советов—общества украинской буржуазии.

У Григорьева расстреливаются рабочие и крестьяне-бедняки.

Красноармейцы. Много вашей крови оросило землю Украины—пока мы вырвали ее из рук помещиков, капиталистов, немцев.

Красноармейцы. Не дадим подлому авантюристу, продавшемуся Деникину, торжествовать над нами.

Раздавим гадину контр-революции.

Да здравствует свободный труд крестьянства.

Да здравствует союз рабочих и крестьян.

Да здравствует рабоче-крестьянская армия.

Губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

КРЕСТЬЯНЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Старый царский полковник Григорьев изменил нам. Он открыл фронт белогвардейцам, вступил в связь с Деникином и Колчаком, заключил договор с помещиками, чтобы отнять у крестьян землю.

Он продал нас белым.

Он выпустил универсал против Советской власти.

По его универсалу комиссаров должны назначать царские офицеры его войск.

По его универсалу в совете 80% будет принадлежать украинской буржуазии.

По его универсалу все мы должны пойти друг на друга, брат на брата, трудящийся на трудящегося.

Преступлениям Григорьева нет конца. Прекращен подвоз мануфактуры в деревню.

Нет подвоза угля и хлеба заводам.

Сотни крестьян и рабочих гибнут в бессмысленной, затянутой Григорьевым братоубийственной войне.

Затягивается борьба с белыми и в Донецком Бассейне.

Крестьяне. Лживыми, фальшивыми словами удалось Григорьеву на несколько дней повернуть своих обманутых солдат против нас, крестьян и рабочих Украины.

Но как только солдаты Григорьева узнали, на какое черное дело их бросил их командир, они стали расходиться по своим домам или переходить на нашу сторону.

Григорьевские войска отступают по всему фронту.

Беспощадно накажет рабочий и крестьянин Украины подлого дерзкого генерала за его предательство.

Мы, ваши выборные на нашем с'езде свободно избранных Советов крестьянских и рабочих депутатов, предупреждаем вас о великой опасности, которая грозит всем крестьянам.

Волк надел шкуру овцы, чтобы обмануть нас и посадить на нашу шею помещика и царя, чтобы облегчить черное дело Деникина, чтобы забрать у нас кровью нами добытую землю.

Мы выгнали всех немцев из нашей страны, мы выгоним и всякую сволочь, хотя бы она называлась Григорьевым.

Крестьяне. Ваши выборные вас призывают—вооружайтесь, все, как один, идите против предателей.

Держите крепко в своих руках свою землю и волю.

Вместе с рабочими, которые все стали под ружье, мы справимся с нашим врагом.

Против Деникина, крестьяне.

Против Григорьева.

За крестьянскую и рабочую власть Советов.

Екатеринославский Губернский Совет Раб. Крест. и Красноармейских Депутатов.

ПРИКАЗ № 1

По частям Екатеринославского, Александровского и Херсонского направлений, 15 мая 1919 года.

Действующая армия

§ 1. Согласно приказа Совета Обороны Харьковского округа я вступил в исполнение обязанностей командующего Екатеринославского-Александровск.-Херсонского направления против бандита и белогвардейского штабс-капитана Григорьева, поднявшего знамя восстания против рабочих и крестьян.

Командующий крымской армией Дыбенко

ПРИКАЗ № 2

По частям Екатеринославского, Александровского и Херсонского направлений, 15 мая 1919 года.

Действующая армия

§ 1. Приказываю всем командирам частей вверенного мне района и всем политическим комиссарам немедленно выпустить листовки к населению с раз'яснением, что бандит и белогвардейский штабс-капитан Григорьев, поднявший открыто знамя восстания против рабочих и крестьян, находится в тесной связи с белогвардейскими генералами Донского фронта и что единственной его задачей является: уничтожить все завоевания рабочих и крестьян и снова предать рабочих и крестьян белогвардейским бандам. Разрушая фронт и ведя преступный замысел братоубийственной бойни среди самих рабочих и крестьян, он защищает интересы помещиков, банкиров и фабрикантов.

Вся эта гнусная политика направлена для того, чтобы разрушить весь государственный аппарат и тем дать возможность, как можно скорее

прорваться белогвардейским бандам, для торжества победы над рабочим и крестьянином, насилуя и издеваясь над ними. Пусть каждый крестьянин и рабочий вспомнит белогвардейские банды и их насилия и раз навсегда откажется от авантюристов и шарлатанов на подобие белогвардейского штабс-капитана Григорьева. Те, кто открыто вступил в ряды провокатора белогвардейского штабс-капитана Григорьева, являются предателями и изменниками рабоче-крестьянской революции и подобным элементам нет пощады и нет оправданий. Те из них, которые будут захвачены с оружием в руках и оказавшие сопротивление рабоче-крестьянской Красной армии будут предаваться военно-полевому суду, как враги и изменники рабочих масс.

Каждый честный рабочий и крестьянин должны немедленно арестовывать и препровождать ко мне в штаб всех агентов белогвардейца Григорьева и постараться уничтожить самого белогвардейского штабс-капитана Григорьева.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и отдельных частях, а также вывесить на видном месте во всех городах и деревнях.

Командарм Дыбенко

ПРИКАЗ № 3

По частям Екатеринославского, Александровского и Херсонского направлений, 15 мая 1919 года.

Действующая армия

§ 1. Все железнодорожники почтово-служащие, которые осмелятся оказать содействие белогвардейским бандам штабс-капитана Григорьева, обявляются вне закона, как враги рабочих и крестьян.

Командарм Дыбенко

ПРИКАЗ № 4

Совет обороны Екатеринославского района об'являет мобилизацию для окопных работ всех граждан, не мобилизованных профессиональными союзами в возрасте 20—35 лет. Первым днем мобилизации назначить 16 мая 1919 года.

Все подлежащие мобилизации с удостоверениями личности обязаны явиться в мобилизационный отдел уездвоенкомата (Полицейская, д. Мизго).

Против лиц, уклонившихся от мобилизации, будут приняты самые суровые меры до предания суду военно-революционного трибунала включительно. Все имеющиеся в домах лопаты должны быть принесены с собою.

16 являются все граждане с начальными буквами фамилий от А до Е, 17-го от Ж до О. 18-го остальные.

Совет обороны Екатеринославского района

Копия[1])

АВГУСТ 1897 ГОДА, № 1

Рабочая Газета

Рабочие всех стран, соединяйтесь!

СОДЕРЖАНИЕ: Значение рабочей газеты для русского рабочего движения—по России (Петербург, апрель 1897 г. Харьков, февраль 1897 г. Киев, май 1897 г. Рига, апрель 1897 г. Из жизни еврейских рабочих. Из Царства Польского)—Беспорядки в Петербурге и в Киеве—Государственное Управление в России и заграницей—Из заграничной жизни (Выборы в Австрийский рейхсрат—Крестьянские с'езды в Венгрии)—Русский капитализм и рабочее движение в России.

ЗНАЧЕНИЕ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ ДЛЯ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Русское рабочее движение доказало уже всему миру, что оно не только существует, но и имеет уже теперь значительную силу. Кто может усумниться в этом после июньской и январьской стачки петербургских рабочих, стачек, во время которых рабочие показали ясное сознание своих массовых интересов, такую стойкость в борьбе за свое правое дело? Но, может быть, эти две стачки являются чем-нибудь особенным, исключительным; может быть, только в Петербурге рабочие развились до того, чтобы понять, как им нужно бороться со своими естественными врагами, со своими эксплоататорами? Нет, это не так: во всей России, где только стучат машины, свистят фабричные гудки, рабочие начинают просыпаться и вступать в борьбу жестокую и непримиримую с высасывающими их кровь капиталистами. Да и не только на фабриках происходит эта борьба: она ведется также непримиримо и в мелких ремесленных мастерских, везде, где только рабочие поняли все громадное различие своих интересов и интересов своих хозяев. Краткое обозрение тех стачек, которые происходили за последние два года, ясно покажет нам всю справедливость сказанного выше. Где только не вспыхивали они. Начнем с 1895 года. Вот стачка на «Большой Ярославской Мануфактуре», тянувшаяся с 17 апреля по 4-ое мая, где пролилась кровь рабочих, пострадавших за свое правое дело, кровь эта падает вечным позором на все русское правительство, начиная с царя Николая, благодарившего войска за стрельбу в безоружную бегущую

[1]) Ввиду отсутствия литер старой орфографии в новом шрифте, по техническим соображениям все документы печатаются по новой орфографии.

Редакция.

толпу рабочих. Было убито 9 человек, в том числе девочка 3 лет, ранено 7 человек. Стачка была вызвана штрафами и постоянным понижением расценок. Участвовали в стачке до 200 человек. Кровопролитие и насилия были еще в Тейкове и Иваново-Вознесенске Владимирской губернии (осенью 1895 года). И в одном и в другом месте рабочие были доведены до отчаяния бессовестной эксплоатацией, незаконными штрафами, произвольными расценками и т. д.

В Тейкове рабочие убили директора фабрики, который стал стрелять в стачечников, требовавших хоть немного больше справедливости в отношениях к себе. В Тейкове в волнениях принимало участие тысячи три рабочих, в Ивано-Вознесенске—тысячи две. Еще в двух местах в провинции понадобились войска, чтобы принудить рабочих подчиниться угнетениям фабрикантов. На Мазуринской бумагопрядильне (около станции Кусково, близ Москвы), где в стачке принимало участие 2000 человек, требовавших прибавки к своему ничтожному вознаграждению, и на ткацкой фабрике Прохорова в Москве. Среди массы остальных стачек (в Орле, в Самаре, в Вильне, летом в Иваново-Вознесенске, в Москве—в чайном складе К. и С. Поповых и в железнодорожном депо на Московско-Курском вокзале) обращает на себя особенное внимание стачка в г. Белостоке, где 26 тысяч рабочих всех городских фабрик в августе 1895 г. отказались работать, так как фабриканты и всякое начальство хотели ввести расчетные книжки, прямо заводившие новую барщину для рабочих. Стачка тянулась две недели; стачечников сломил только «царь-голод». Мы еще ничего не говорили о Петербурге, а в Петербурге между тем, именно в конце 1895 г., начался тот ужасающий правительство и фабрикантов ряд стачек, который проходит непрерывной цепью через весь 1896 г. и переходит в 1897-й, ряд, освещаемый беспримерной деятельностью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Петербургские рабочие со своим слабым союзом составляют могучий передовой отряд русской рабочей армии. Их геройская борьба, сопровождаемая массами жертв,—пример для рабочих всей остальной России.

В Петербурге в ноябре и декабре 1895 г. были стачки: на суконной фабрике Торнтона, на табачной фабрике Лаферма, в товариществе «механического производства обуви» и на ткацкой фабрике Лебедева. Вот в скольких местах, в самых различных углах России, были проявления борьбы русских рабочих против гнета капиталистов и правительства. Нужно прибавить, что, наверное, было много таких доказательств пробуждения русских рабочих и решимости их бороться со своими притеснителями за лучшую жизнь, но мы просто не знаем этого: ведь писать в газетах об этом не позволяют.

Перейдем теперь к 1896 году. Всякий из нас читателей сейчас, вероятно, подумал при этих словах о Петербургской стачке, бывшей летом 1896 г. Да это вполне понятно: кому неизвестна эта славная попытка 30000 петербургских рабочих отстоять свои права на человеческое существование.

Лето 1896 года навсегда останется в памяти русских рабочих. Этой громадной стачке предшествовали в Петербурге волнения на многих фабриках: на Путиловском заводе, на бумаго-прядильне Кенига, на бумаго-прядильне

Воропина, среди рабочих нового адмиралтейства «и казенного Александровского чугунного завода». Что касается провинции, то и в 1896 году волнения рабочих были в очень многих местах: Москве (в июне, августе и ноябре)—причем, во многих местах с очень большим успехом [1]), в Нижнем-Новгороде, Вильно, Киеве, Одессе, Костроме (стачка 350 ткачей на фабрике братьев Зотовых), Белостоке, Ковно, Вильковишках (здесь рабочие добились путем стачки уменьшения рабочего дня на один час); в Ковровском уезде, Владимирской губернии, на фабрике Ник. Дербилева рабочие достигли таким же путем (стачка 500 человек) введение 9-ти часового рабочего дня. Если мы обратимся к началу 1897 года, то и здесь на первом месте нужно будет поставить Петербург с его январьской стачкой в 15.000 рабочих разных фабрик и заводов, стачкой, которая победила и заставила уступить не только фабрикантов, но и правительство: ведь именно вследствие этой стачки петербургские ткачи и прядильщики с 16-го апреля работают с 6-ти часов утра до 7-ми часов вечера с полутора часами на обед, что последовало по распоряжению самого министра финансов, который раньше так непримиримо сопротивлялся даже «законным требованиям рабочих», (смотри книжку «Как министр заботится о рабочих»); по тому же самому и рабочие механических заводов в Петербурге работают теперь только 11 часов, а в жел.-дорожных мастерских по субботам прекращают работу на 2 часа раньше обыкновенного. Кроме большой петербургской стачки были еще стачки в Петербурге на шелко-ткацкой фабрике Вольдарбейтера, где рабочие добились сокращения рабочего дня (с 12-ти до 11-ти часов), в Москве (между прочим, на механическом заводе Доброго и Набгольца, где тоже было достигнуто стачкой сокращение рабочего дня на один час), Серпухове (на фабрике Коншина, где была произведена масса самых возмутительных насилий по отношению к рабочим).

Уже из одного этого краткого и неполного перечисления стачек и волнений рабочих в два последние года ясно до очевидности, как широко и могуче развивается русское рабочее движение, как все больше и больше просыпается у русских рабочих классовое самосознание, поддерживающее рабочих в их борьбе со своими угнетателями, капиталистами и правительством, которое постоянно становится на сторону капиталистов. Вместе со стачками о пробуждении сознательности рабочих в России свидетельствует еще одно явление—это неудержимое стремление рабочих к знанию. Среди рабочих все чаще и чаще встречаются люди, которые урывают каждую свободную минуту, чтобы почитать хорошую книгу, составляют библиотеки и для себя и для своих товарищей, переполняют воскресные школы и технические курсы, не досыпают и не доедают, чтобы только утолить свой

---

[1]) Приведем 2-3 примера: на заводе Брамлея в конце ноября стачка 1000 рабочих заставила фабриканта сократить рабочий день с 11-ти до 10-ти часов. На механическом заводе Гужово рабочие посредством стачки добились сокращения рабочего дня с 12 до 11 час.; рабочие мастерских Московско-Курской жел. дор, благодаря стачке, получили удовлетворение следующих поставленных ими требований: уплаты за коронационные дни и за день освящения царского поезда, поднятия расценок, уничтожения злоупотребления со стороны мастеров и многих других.

умственный голод. Не легко достается русскому рабочему знание; ведь у него почти нет времени для отдыха, потому что все его время стремится забрать ненасытный капиталист, нет ни лишней копейки, которую он мог бы истратить на покупку интересной и важной для него книги. И тем не менее, русский рабочий упорно и неутомимо работает над своим умственным развитием, над раскрытием своих глаз на мир божий.

Что же хочет знать русский рабочий, что для него наиболее важно и интересно. Конечно, ему интересно все, что делается вокруг него, но важней и нужней всего знать все касающееся рабочего класса. И рабочий не может не стремиться к такому знанию, потому что все кругом, всякая мелочь в жизни рабочих наталкивает его на вопрос: почему так дурно живется рабочим и так хорошо их хозяевам. Везде ли это так, и если в других странах рабочим живется лучше, то почему? Будет ли когда-нибудь время, когда рабочие будут вести вполне человеческую жизнь, будут иметь время на отдых, самообразование, развлечение? Такой рабочий, который стремится ответить себе на эти вопросы, скоро убедится, что другой дороги для улучшения жизни рабочих нет, кроме единодушной, упорно-жестокой борьбы соединившихся между собою рабочих против всех? Кто их угнетает и давит. Вот так рабочий, ищущий знания, приходит к тому же, на что других рабочих толкает сама жизнь, т.-е. к борьбе за свои интересы. Разница только в том, что для него, для такого сознательного рабочего вполне ясно, как нужно бороться, потому что он знает, как в других странах победно боролись и борятся наши товарищи, да и о борьбе русских рабочих он знает больше. Чем больше будет таких сознательных рабочих, тем успешнее будет борьба рабочих, тем скорее прийдет их победа. Мы уже видели, как русские рабочие начинают бороться даже в глухих уголках России за свои права, мы видели, как широко разростается русское рабочее движение. Но везде ли рабочие одинаково сознают всю важность борьбы? Знают ли они о сотнях тысяч русских рабочих, интересы которых одинаковы с их интересами и которые, может быть, в ту же минуту тоже борются за свои права? Знают ли, наконец, о миллионах заграничных товарищей, которые готовы протянуть руки своим русским братьям? К несчастью, таких вполне сознательных рабочих немного, просто потому, что им негде найти ответы на эти вопросы. У нас в России правительство стоит на стороне фабрикантов и помещиков против рабочих (это уже видно из того, как оно усмиряет войсками стачки рабочих) и потому старается, чтобы рабочие подольше оставались в темноте и не понимали, как им добиться лучшей жизни. Поэтому правительство запрещает все те книжки, в которых рассказывается о положении рабочих и о необходимости им соединиться для дружной борьбы с хозяевами. Поэтому такие книжки не продаются открыто и достать их довольно трудно, а между тем именно в них рабочие могут найти наиболее нужные для них знания, знания научающие сознательно бороться за свои интересы. Вот для того, чтобы сообщать рабочим такое знание, мы и начинаем издавать рабочую газету для всех русских рабочих, где бы они не жили. Мы думаем, что наша газета нужна не только потому, что она будет раз'яснять все

вопросы, касающиеся рабочего движения у нас, заграницей, но и потому, что она об'единяет русских рабочих. Русское рабочее движение теперь так выросло, что нужно подумать о постоянном общении русских рабочих между собою, о взаимной поддержке в их борьбе, об их тесном братском союзе. И только соединившись в один могучий союз, в одну могучую рабочую партию, русские рабочие победят фабрикантов и правительство. Это рабочая партия представит такую силу, бороться с которой никто не будет в состоянии, сопротивляться которой никто не посмеет.

Вот наша рабочая газета и будет содействовать такому великому делу. Из нее русские рабочие везде, даже в самых глухих уголках России, будут знать о жизни и борьбе своих товарищей, будут имет возможность поддерживать их в трудную минуту, могут сговориться о какой-нибудь общей стачке или другом средстве борьбы с общим врагом. Если теперь уже русские рабочие борются иной раз очень успешно со своими могущественными врагами, теперь, когда они действуют разрозненно и вступают в борьбу не вполне подготовленными, то каких препятствий не преодолеют они, дружно соединившись и вооружившись тем знанием, к которому они так горячо стремятся. Наша газета постарается помочь тому, чтобы это счастливое время скорее наступило. Она постарается раз'яснить рабочим их собственное положение, указать, что нужно сделать, чтобы изменить его, будет сообщать постоянно сведения о рабочем движении в России и заграницей, и всем этим будет соединять всех русских рабочих, для дружной, единодушной общей борьбы с общими врагами. Всего этого конечно, рабочие не найдут в обыкновенной газете, потому что там запрещено писать о несчастном положении рабочих и способах, как это положение изменить. Вот почему рабочим необходима своя рабочая газета, которая бы говорила всю правду о положении рабочих, звала бы их на борьбу и учила бороться. Наша «рабочая газета» и будет это делать и тем со своей стороны помогать великому делу освобождения рабочего класса.

Да здравствует рабочее дело!

Да здравствует освобождение рабочего класса!

ХАРЬКОВ, ФЕВРАЛЬ 1897 ГОДА

Самым важным событием у нас за последний год является стачка на мельнично-машинно-строительном заводе Бельгийского общества. Завод этот недавно выстроен и на нем был введен рабочий день от 6-ти часов утра до 6-ти часов вечера с перерывами в полтора часа. Через полгода, однако, управлению (администрации) завода оказалось черезчур уже тяжелым платить рабочему за 12 часов столько, сколько на других соседних заводах платили за 13 и больше часов работы. И вот в начале ноября прошлого года администрация (управление) об'явила рабочим, что они должны работать от 6-ти часов до 7-ми часов вечера, т.-е. 13 часов вместо 12-ти. Это постановление до того возмутило рабочих, что они все, числом 160, отказались продолжать работу. Тогда администрация, думая запугать их лишением заработка, предложила недовольным взять расчет. Каково же

было ее удивление, когда у конторы собрались для расчета все. Не теряя, однако, надежды, что самая расплата, может быть, остановит более робких, встревоженная администрация приступила к расчету. Вероятно, в поведении рабочих видна была твердая решимость добиться своего, потому что после расчета какого-нибудь десятка рабочих, контора приостановила дальнейшую выдечу денег и согласилась оставить работу на прежних условиях, а по первому требованию рабочих приняла обратно только что расчитанных товарищей. Таким образом, на этот раз дело кончилось полной победой рабочих, благодаря тому, что рабочие решительно заявили свою волю и держались дружно.

До поры до времени администрация притихла, чтобы при удобном случае тем не менее возобновить свою попытку. Такой случай скоро представился, и 5-го января настоящего года администрация снова попыталась закабалить рабочих на 1 лишний час. Время было выбрано удачно. Рождественские праздники только что кончились и, значит, все сбережения и средства, какие только могли быть у рабочих, были уже израсходованы. Воспользовавшись этим стесненным положением, администрация предложила рабочим новые книжки, в которых рабочий день обозначался от 6-ти часов утра до 7-ми часов вечера. Вечером перед уходом рабочие получили книжки и ушли домой, а 7-го числа явились все на завод во время, но к работе не приступали. Вскоре явился и сам хозяин и указал, что новый рабочий день введен не по его воле, а по предложению фабричного инспектора, которого он не смеет ослушаться. Тогда все 160 человек направились по городу к фабричному инспектору. Тот их грубо принял и согласился говорить только с выборными (делегатами). Обиженные рабочие хотели было направиться к высшим властям, но фабричный инспектор выслал им своего помощника, который обещанием разобрать дело по справедливости успокоил их. После разбора дела (здесь все рабочие увидели, что их хозяин нахально лгал, сваливая вину на инспектора) помощник инспектора согласился, что они могут оставить работу, но только после 2-х недель. Через 2 недели рабочие явились за расчетом. Тут уже ждала их полиция с казаками и по указанию хозяина арестовала 4-х рабочих: ведь у правительства всегда прав хозяин, а виноваты рабочие. В этот день все-таки $^3/_4$ всех рабочих получили расчет, а на 4-й день явились и прочие.

Увидев, что все усилия его напрасны, управляющий пошел на уступки и предложил уменьшить время на полчаса, прибавить к оплате от 10-ти до 20-ти копеек и уничтожить некоторые другие тяжелые условия. Рабочие вернулись на завод, но 4-я часть их вовсе не пришла, не желая иметь дела с таким управляющим.

Конечно, будь у рабочих больше средств, они могли бы добиться своего, но и те уступки, которые должен был сделать управляющий, не мало важны и об‘ясняются только дружным поведением рабочих во время стачки. Эта борьба указала рабочим, как важно выбрать удачное время: будь время иное,—рабочие могли бы продержаться дальше и уступка администрации была бы полнее. Нет, однако, худа без добра. Теперь рабочие только защищались; наученные же опытом, правда, горьким, рабочие, дождавшись

трудного для хозяина времени, сами об'явят им войну и, наверное, уже выиграют. Много помогла в минувшей борьбе поддержка других рабочих, которые несли с готовностью помощь, как нравственную, так и материальную своим борющимся братьям. Да разве может быть иначе.

Ведь только единение может дать рабочим ту силу в борьбе с общим врагом, которая заставить его отступать перед медленным, но не удержным движением рабочих вперед.

КИЕВ, МАЙ 1897 ГОДА

После нового года у нас произошло не мало событий, показывающих, что и киевские рабочие вступают в решительную борьбу со своими притеснителями хозяевами. Не проходит недели, чтобы рабочие то на одном заводе, то на другом не вступали в защиту своих прав и не потребовали уступок от капиталистов.

В феврале бросили было работу токаря на механическом заводе Греттера. Они были возмущены нахальством своего мастера Казанска, прячущего часть рабочего заработка в свой карман или в карман своих любимцев. Узнав, что токарные станки остановились, Греттер поспешил приехать в мастерскую. Токаря заявили, что они требуют выдачи удержанных в последней получке денег. Это требование Греттер обещал исполнить. Тогда токаря принялись за работу. Но несколько дней спустя рабочим представился случай снова доказать, что они умеют действовать дружно. Несколько дней спустя после описанного случая мастер несправедливо рассчитал одного из рабочих. Все рабочие вместе потребовали, чтобы он не был увольняем. Контора завода уступила рабочим, не желая раздражать их. Приблизительно в то же время портные, работающие у Людмера, Ходорковского, Жирдера и Глозмана, сговорились работать на 3 часа в сутки меньше. Раньше они кончали работу в 12 час. ночи, а теперь работают только до 9 час. Хотя плата у портных не поденная, а поштучная, но они поняли, что полезнее отдохнуть 3-мя часами более, почитать и поучиться, чем выбиваться из сил из-за нескольких копеек.

Иметь немного свободного времени для отдыха и науки захотели также рабочие из столярной мастерской Рожнецкого. Хозяину вздумалось начинать работу в 8 час. утра и кончать в 8 часов вечера; раньше же подмастерья работали у него с 7-ми до 7-ми. Прежние порядки были лучше: свободный час вечером дороже для рабочего чем утром, когда нет охоты ни читать, ни побеседовать с толковыми людьми. Поэтому рабочие не обращали внимания на новое постановление хозяина и стали приходить по прежнему в 7 часов утра и уходить в 7 часов вечера. Рожнецкий, чтобы напугать их и принудить к послушанию, заявил расчет; рабочие, однако, и не думали уступать, а разошлись по другим мастерским. Как ни хотелось хозяину пригласить их к себе назад, но было поздно: они решили не иметь дела с упрямым хозяином, так грубо стеснявшим их свободу. Недавно сокращения рабочего дня потребовали рабочие в столярной мастерской Кимаера. Управляющий, после получасового разговора убедился, что

рабочие твердо будут стоять за свое дело, а то, пожалуй, устроят стачку и согласился уступить. Раньше у Кимаера работали от 6 часов утра до 7 час. вечера, а теперь от 7-ми до 7-ми.

На борьбу с хозяевами у нас поднялись не только рабочие, но и работницы. На табачной фабрике Братьев Коген заведующий бессовестно обманывал папиросниц при выдаче табаку, вследствие чего работницам приходилось платить штрафы или покупать недостающий табак на свои деньги. Они решили пойти с жалобой в контору. Управляющий, узнав об их намерении, впал в бешенство и грозил удалить некоторых работниц из фабрики. Однако, красть табак он перестал и в конце концов, так-таки и побоялся рассчитать смелых работниц, помешавших продолжать грабеж.

Еще больших уступок добились работницы на корсетной фабрике Дютуа. Управляющему Динаэру однажды вздумалось держать работниц часом больше против обыкновенного. Многие из корсетниц, не желая утомлять себя лишней работой, ушли домой. За это Динаэр положил на каждую из них штраф в 15 копеек. Несколько дней спустя на фабрике появились листки, в которых раз'яснялось работницам, что они не должны платить этого штрафа, так как он не допускается даже законом. Динаэр, прочитав один из листков, испугался, как бы работницы не потребовали фабричного инспектора. Фабричные инспектора не любят мешать фабрикантам в обирании рабочих, пока рабочие молчат. На фабрике Дютуа делается множество беззаконий, о которых инспектор будто бы не знает. Если бы его позвали работницы, то ему неловко было бы не исполнить их законных требований. Чтобы замять дело и задобрить работниц, Динаэр не только возвратил штрафные деньги, но перестал делать вычет за иголки, назначил нескольким работникам награду (правда всего 6 руб.) и прежнюю грубость в обращении заменил необыкновенной любезностью. Однако, фабричный инспектор все-таки нагрянул, и это случилось вот как: м-ц спустя после одного листка, на фабрике Дютуа появился второй листок, призывающий работниц добиваться новых уступок, а именно: чтобы штрафы записывались в книжки, чтобы вычеты за испорченные корсеты производились правильно, чтобы мастерская убиралась не на счет работниц, и некоторые другие. Вслед за появлением этого листка на фабрику прибыл фабричный инспектор. Работницы повторили ему все свои требования, и почти все они были исполнены, а управляющий получил выговор за неисполнение фабричных правил.

Большое оживление между рабочими вызывают листки, начавшие появляться на фабриках и заводах в последнее время довольно часто. Листки распространялись на машино-строительном заводе Шиманского, в пароходных мастерских, на механическом заводе Греттера, на фабрике Кимаера, в корсетной мастерской Дутуа, в жел.-дорожных мастерских и в некоторых других местах. Листки эти издаются «Киевским союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Кроме листков, у нас, в Киеве, с декабря прошлого года стала издаваться рабочая газета «Вперед». До сих пор вышло вслед два номера. Жандармы и сыщики никак не могут помешать распространению листков и газет: они сделали обыск у нескольких рабочих,

чтобы навести страх на более робких, но ничего не нашли—и ушли ни с чем.

Самое важное событие, которым мы можем поделиться с рабочими других городов—это празднование 1-го Мая. 19-го апреля на нескольких заводах и у нас появились листки, выясняющие значение майского праздника. «Присоединимся же и мы,—говорилось в конце листка,—«к всемирному рабочему празднику 1 Мая; отпразднуем и мы, чем можем этот великий день. Пусть каждый из нас забудет мелкие частные дела и проникнется мыслью, что он член великой рабочей семьи, борец за одно общее великое дело. Постараемся, чтобы как можно более товарищей присоединилось к этому делу; постараемся увеличить наши силы и приблизить нашу победу. Пусть скорее наступит то счастливое время, когда в день 1-го Мая мы открыто и смело выйдем на улицу, развернем рабочее знамя и громко воскликнем: Да здравствует 1-е Мая—всемирный праздник рабочих! Да здравствует борьба за свободу и счастье»!

1-го Мая 532 железнодорожных рабочих после обеда не вышли на работу, а остались дома или пошли за город. Собравшись небольшими компаниями, они беседовали о рабочем деле, пели рабочие песни, провозглашали тосты за свободу, равенство и братство до поздней ночи. Рабочий праздник у нас, в Киеве, явно празднуется впервые. Конечно, по почину жел.-дорожных рабочих, с следующего года начнут его праздновать рабочие и других заводов [1]).

---

[1]) Ввиду обилия материала и статей в № 1 «Рабочей Газеты» Редакция «Летописи Революции» не сочла возможным воспроизвести этот № целиком. Содержание № см. в заголовке газ. стр. 160.

Редакция.

Копия

Письмо киевским рабочим

Борясь с капиталистами, русский рабочий вскоре должен был столкнуться с царским правительством, которое всегда и везде защищало и защищает интересы его эксплоататоров. Против рабочих, на помощь капиталистам, царское правительство высылает полицию, жандармов и войска. Царские министры в своих тайных циркулярах приказывают не удовлетворять даже законные требования рабочих, предписывают немедленно высылать без суда подозрительных рабочих. Еще не прошло и четырех лет со времени вступления Николая II на престол «всемилостивейшие» руки царя уже успели обагриться невинной кровью, это кровь наших ярославских товарищей и домбровских, осмелившихся требовать—и подумаешь чего—уменьшения хозяйского гнета.

Эта каждодневная непрекращающаяся борьба убедила рабочих, что на их требования лучшей человеческой жизни царское правительство всегда отвечало и отвечает штыками, выстрелами, тюрьмой и каторгой. Русский рабочий убедился, что правительство самодержавного царя дорожит интересами одних только капиталистов и капитал—это тот бог, на которого оно не перестает молиться. Русский рабочий понял, что его борьба с капиталистами есть вместе с тем и борьба с самодержавным правительством, стоящим за плечами каждого капиталиста. И русский рабочий смело и бодро вступил в эту борьбу; на знамени русского пролетариата начертаны роковые для самодержавия слова—**политическая свобода**.

По всем городам России возникают социал-демократические союзы, разбрасываются запрещенные книги и листки, издаются рабочие газеты, появляется печатный русский социал-демократический орган «Рабочая Газета». Русский пролетариат—накануне возникновения с.-д. партии в России.

Все эти признаки пробудившегося в русском пролетариате политического самосознания русского должны были не на шутку встревожить правительство. Уверенное, что рабочее движение создано какими-то агитаторами, царское правительство пытается вырвать их «бунтовщиков» из рабочей среды и, таким образом, подавить рабочее движение. Оно производит с этой целью массовые обыски и аресты. Таков смысл и тех обысков и арестов, которые были в ночь с 11 на 12 марта у нас, в Петр., в Моск.,

Харьк., Екатер., Ник., и др. городах. Но правительство глубоко ошибается: арестами и обысками, штыками и оружиями, тюрьмой и каторгой не остановить ему рабочего движения. Растущий в России капитализм залог того, что русское рабочее движение будет расти и крепнуть. Сила пролетариата в единении и союзе. И перед дружной борьбой нашей с деспотизмом должно будет отступить и самодержавное правительство.

Сплотимся же, товарищи, во имя этого великого дела. И нашей сплоченностью скуем тот молот, которым разобьем гнилые цепи самодержавного гнета.

Вперед, товарищи, победа за нами.

Киевский Рабочий Комитет.

«Киевский Союз освобождения рабочего класса».

Копия

Письмо ко всем киевским рабочим

Товарищи! Всякому сознательному рабочему известно, что между правительством и капиталистами существует тесный дружественный союз. Правительство старается угодить капиталистам, чем только может. Захочется капиталистам повысить цены на свои товары—правительство спешит запретить ввоз заграничных более дешевых продуктов. Капиталистам нужна дешевая погрузка груза—правительство строит железные дороги. На капиталистов наводят страх рабочие союзы и стачки—правительство сажает в тюрьмы, гонит в Сибирь и высылает из больших городов тех рабочих, которые твердо стоят за себя против хозяйских обид и притеснений. Капиталистам выгодно, чтобы рабочие были забиты, невежественны и бессознательны—и правительство запрещает печатать книги о рабочем деле и преследует тех рабочих, которые учат товарищей бороться за свои права. Чтобы поддержать добрые отношения с фабрикантами, правительство не останавливается ни перед чем, не пренебрегает самыми бесчеловечными... против рабочих, не боится даже проливать, в угоду ненасытным фабрикантам, рабочую кровь.

По всей вероятности каждый рабочий слыхал о том, как по приказанию правительства войска убивали рабочих в Жирардове, Лодзи и Ярославле. Недавно «Варшавский Дневник», газета варшавского генерал-губернатора, напечатала сообщение о новом походе царских войск против рабочих в местечке Домброво, Петроковской губернии. В сообщении этом, как и во всех правительственных сообщениях подобного рода, очень много лжи и очень мало истины. На самом же деле события в Домброве были таковы. При Домбровском заводе «Гута Банкова» существовала касса взаимопомощи, устроенная на средства рабочих. Деньги из кассы должны были выдаваться больным, увечным и лишенным заработка рабочим. Рабочие, однако, получали из своей кассы очень мало. Зато директор завода Гартинг таскал из нее деньги не стесняясь на свои собственные и на заводские нужды. Контроль над кассой должны были по установленным правилам вести рабочие, но Гартинг не допускал их до кассовых дел. Рабочих это возмутило, они потребовали возвращения украденных денег и уничтожения кассы или, по крайней мере, преобразования в кассовых порядках. Это требование было заявлено директору Гартингу и представителю правительства—начальнику земской стражи, Ромишевскому. Ромишевский обещал

дать ответ через две недели. При таком явном и наглом грабеже правительству кажется оставалось лишь стать на сторону рабочих и привлечь Гартинга к ответственности. Между тем правительство ответило на справедливые требования рабочих тюрьмой и ружейными залпами. На исходе второй недели после разговора с Гартингом и Ромишевским, жандармы арестовали 8 рабочих, думая этим запугать остальных и заставить их отказаться от прежних требований. Но рабочие устроили стачку. Все работавшие на заводе—4000 человек бросили работу и заявили, что возвратятся на работу лишь тогда, когда будут освобождены арестованные их товарищи и когда будут удовлетворены требования относительно кассы. Это было 16 сентября. В течении нескольких дней в Домброво стеклись казаки стрелки. С ними прибыли начальник уезда, вице-гибернатор и помощник варшавского генерал-губернатора. Рабочие держали себя совершенно спокойно. 18 сентября их потребовали к заводу, у котораго выстроились войска, и об'явили, что 'контора завода увольняет всех рабочих за самовольное прекращение работы. Вслед за этим стали требовать, чтобы рабочие разошлись. Толпа стала рассеиваться. Кроме рабочих на улице перед заводом стояли женщины и дети: было очень тесно и толпа не могла скоро подвигаться. Вдруг прозвучала короткая команда и грянул холостой залп. Опять команда, и опять зловещий залп. Из толпы вырвались вопль, крик и стоны. На земле лежало 8 окровавленных тел. Трое из раненых умерли.

В тот же день было арестовано около 50 рабочих. В Домброво прибыл прокурор розыскивать между рабочими «зачинщиков бунта». Петроковский губернатор издал распоряжение выслать рабочих, если они не примутся вновь за работу: иностранных подданных—за границу, а русских подданных—на родину. Рабочие прекратили стачку. Принимая их вновь, контора завода заявила, что рабочие теряют все права на кассу взаимопомощи. Касса остается в распоряжении фабричного начальства.

Таково правосудие правительства. Пусть фабриканты крадут, грабят—оно на это смотрит сквозь пальцы. Мало того, оно пришлет им на помощь войско, если рабочие потребуют назад то, что у них похищено. И пусть рабочие не думают, что оно когда-нибудь станет на их сторону. Дело фабрикантов—красть и богатеть, а дело рабочих—повиноваться и молчать. Правительство делает рабочим большое одолжение тем, что позволяет им спокойно трудиться на своих благодетелей и спокойно наслаждаться теми ничтожными крохами, которые им бросают. А если рабочим такие порядки не нравятся, то правительство найдет средство научить их благоразумию. Оно выхватит некоторых из них и бросит в тюрьму. Если же это не примирит рабочих с судьбой, то благодать истины и справедливости прольется в упорные рабочие головы из ружейных дул и пушечных жорн. Кровью рабочих правительство думает залить огонь негодования, громом пальбы оно надеется заглушить призыв к борьбе против гнета и насилий. Но рабочие умеют жертвовать своей жизнью только тогда, когда им нужно разделаться с своим директором. У них хватит мужества об'явить войну на жизнь и смерть тем, кто всегда поддерживает капиталистов в их беззакониях и грабеже, кто тюрьмой, пытками и пулями старается закрыть

рабочим путь к счастию и свободе. Когда в Петербурге забастовало 35000 рабочих правительство было встревожено многочисленностью рабочей армии и пыталось задобрить рабочих новым законом о 11 с половиной часовом рабочем дне. Когда в борьбу с эксплоатацией, обиранием и притеснениями единодушно вступят сотни тысяч и миллионы рабочих, живущих в России, тогда решится участь и самаго правительства, рабочие сквозь лес штыков и тысячи ружей проложат себе широкую дорогу к таким порядкам, при которых не будет ни обмана, ни грабежа, ни насилия. И грозное правительство, дрожащее уже и теперь перед 35000 рабочих, не спасется от строгого суда трудящегося и обездоленного народа. Час этого суда пробьет тем скорее, чем лучше поймут рабочие необходимость дружной борьбы против хозяев и правительства и чем усерднее станет правительство «усмирять» рабочих. Пусть же скорее погибнет это правительство, запятнанное кровью и насилием, пусть скорее наступить освобождение от ига царских чиновников и разбоя «доблестных войск».

19 декабря 97 г. Киевский Рабочий Комитет.

Издание «Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса»

Письмо к рабочим Южно-русского машиностроительного завода

Товарищи! Ни на одном из более крупных киевских заводов рабочие не находятся в таких тяжелых условиях, как на нашем. Нас донимают штрафами, заставляют работать дольше, чем на других заводах, обращаются с нами крайне грубо, а более мелких придирок и не счесть.

На всех киевских заводах рабочий день составляет не больше 12 ч. (от 6 до 6 или от 7 до 7), только у нас работают 12 с половиной ч. (от 6 до 6 с половиной). На всех заводах по субботам и под праздник работа кончается часом раньше, а в железнодорожных мастерских даже на 2 ч. раньше, при чем платится за полный рабочий день. А вот у нас хоть и работают на час меньше (до 5 с половиной ч. вечера), но за то из нашего и без того скудного заработка вычитывается плата за час. «Денежки счет любят»,—думают господа хозяева,—«и рабочих нечего зря баловать». Видно для того-то, чтоб рабочие не очень уж баловались, хозяева наши и штрафы придумали. У нас вон дерут за несколько минут опоздания 15 к. штрафу, не обращая ни малейшего внимания на причины, заставившие рабочего опоздать. Дерут 15 к. штрафу и с взрослого рабочего, зарабатывающего рубля полтора в день, и те-же 15 к. дерут с мальчиков, зарабатывающих всего копеек 40 в день. Какое дело нашим хозяевам до того, что изнуренный и измученный непосильным трудом мальчик, за опоздание в 2—3 минуты, должен отработать больше 4-х часов. «Пусть не опаздывает» рассуждают хладнокровно наши хозяева. И из всех сил надрывается бедный мальчик-пролетарий, отрабатывая свой штраф. За то тепло и уютно живется хозяйским деткам...

Почему же это у нас худшие условия труда, чем на других заводах? Или там хозяева добрее наших, что-ли? Да нет же. Все они одинаково хороши, все они одинаково безжалостно высасывают из нас все соки, ведь они тольки с этого и живут. И если на других заводах порядки несколько лучше наших, то не потому, что те хозяева «справедливые» и не благодаря защите фабричного инспектора (уж этого-то «защитника» нашего мы по опыту хорошо знаем), а только потому, что тамошние рабочие с'умели общими усилиями добиться этого. С каждым из нас в отдельности легко справиться, а вот если бы мы потребовали дружно, всем заводом, чтобы рабочий день уменьшили на полтора часа, чтоб в праздничные дни выдавали полную плату, чтоб уменьшили штрафы, тогдаб живо подобрели и наши хозяева.

Мы слышали, что 25 марта состоится собрание господ хозяев нашего завода. О многом будут они толковать на своем собрании, не мало верно и выпьет честная компания. Не знаем только вспомнит ли кто из них про тяжелое положение «своих» рабочих, взбредет ли кому из них шальная мысль о том, чтоб хоть сколько нибудь облегчить участь тех, благодаря тяжелому труду которых они утопают в роскоши?...

Вот разве наш листок, который мы (уж так и быть, потратимся) постараемся во время доставить почтенным господам, заставит их хоть немного призадуматься.

А не захотят они нам уступить добром, так мы заставим их. Время теперь как раз подходящее. Завод получил много срочных заказов. Каждый день простоя принес бы хозяевам огромные убытки.

Коли не уступят нам хозяева, бросим работу, потребуем на первый раз хотя бы только выдачи полной заработной платы в предпраздничные дни и уменьшения штрафа для мальчиков—и если мы потребуем это дружно, все вместе,—мы должны победить.

Издание «Киевского Союза Борьбы за освобождение раб. класса».

Киевский Рабочий Комитет.

По прочтении передавайте дальше.

НАЧАЛЬНИК КИЕВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
Февраля 20 дня 1898 года
№ 604
г. Киев

Секретно.

Господину Киевскому, Подольскому и Волынскому Генерал-Губернатору.

Имею честь доложить Вашему Высоко-превосходительству, для сведения, что еще с начала осени минувшего года, под непосредственным руководством Г. Директора Департамента Полиции, производится розыск по выяснению существующей на Юге России обширной организации, присвоившей себе наименование «Южно-русского рабочего союза» и затрагивающей в немалой степени и г. Киев.

Ввиду возможной в ближайшем будущем ликвидации этого дела, по распоряжению Г. Министра Внутренних Дел был командирован в первых числах текущего месяца в г. Киев Г. Вице-директор Департамента Полиции, при посредстве и по указанию которого установлен и согласован общий план и программа дальнейших по сему действий и все местные по г. Киеву розыски, предшествующие ликвидации, сосредоточены ныне непосредственно в моих руках. Все средства и наблюдательные силы во вверенном мне Жандармском Управлении для полного успеха дела согласованы, при посредстве Департамента Полиции, с наблюдательными органами в других пунктах Юга, находящиеся и от Департамента Полиции, который этому делу придает серьезное значение и от которого зависит определить время приступа к одновременной ликвидации дела.

Генерал-майор (подпись)

С подлинным верно: (подпись)

ДИРЕКТОР
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Получено 4-го марта
Совершенно секретно.

Милостивый Государь
Василий Дементьевич.

Из полученных в Департаменте достоверных сведений усматривается, что наружное наблюдение в Киеве замечено наблюдаемыми, вследствие чего печатание приостановлено и главные деятели будто-бы раз'езжаются.

Быть может этим и об'ясняется от'езд за последние дни некоторых лиц, за коими следует наблюдение. Это обстоятельство побуждает ускорить ликвидацию дела и ныне же приступить по намеченным данным к производству обысков и арестов.

Принимая во внимание, что главной задержкой ликвидации представляется выяснение лиц и адресов по Екатеринославу, я не считаю возможным назначить день для этого и прошу Ваше Превосходительство снестись по этому поводу с Полковником Бессоновым и, по соглашению с ним, установить время одновременных обысков и арестов в самом близком будущем.

Одновременно с обысками в Киеве, благоволите распорядиться и арестами Шена, Белоусова, Эйдельмана и тех из Киевских поднадзорных, которые ко дню обысков не окажутся на месте. Обыски по Екатеринославу, а следовательно, и обыск Поляка, будут произведены по соглашению Полковника Бессонова с Генералом Богинским. Арестом же Крыжановской распорядится Департамент, по получении от Вас по телеграфу извещения о назначенном для ликвидации дне.

При производстве обысков благоволите телеграфировать о наглядных результатах и затем приступите к производству дознания по Киеву, куда и должны быть доставлены: Белоусов, Шен, Эйдельман и Крыжановская.

Примите, милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Его Превосходительству В. Д. Новицкому.

(Подпись)

Копия шифрованной депеши, полученной из Екатеринослава 5 марта 1898 года в 5 час. пополудни.

КИЕВ, ГЕНЕРАЛУ НОВИЦКОМУ

Ввиду указаний Департамента Полиции, благоволите не ближе за два дня до ликвидации уведомить меня для предварительных распоряжений относительно помещения арестованных.

Подписал Генерал Богинский.

Верно: Подполковник (подпись).

Копия шифрованной депеши, полученной 5 марта 1898 года в 9 часов 15 минут вечера из С. Петербурга.

Екатеринослав. Готов к ликвидации. Желательно скорее приступить к арестам. Все, выехавшие из Киева подлежат арестам по Вашим требованиям.

Генерал Новицкий.

Получ. в 12 ч. ночи с 5 на 6 марта 1898 г.

ТЕЛЕГРАММА. КИЕВ ИЗ ОДЕССЫ 5/3 9,45 дн.

Предполагаем ликвидировать в ночь с восьмого на девятое число. Прошу телеграфировать согласны ли.

Полковник Безюков.

Ответ на № 830.

Депеша 6 марта в 7 часов дня.

ОДЕССА, ЖАНДАРМСКОМУ ПОЛКОВНИКУ БЕССОНОВУ.

Ликвидацию располагаю произвести в ночь на 12 число. Ранее фактически невозможно, что телеграфирую директору Департамента Полиции.

Генерал Новицкий.

Ответ на № 829.

Депеша 6 марта 1898 г. в 7 часов дня.

ПЕТЕРБУРГ, ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Эйдельман сегодня ночью возвратился Киев. Полковник Бессонов предполагает произвести ликвидацию в ночь с восьмого на девятое число, что по Киеву фактически невозможно. Испрашиваю производство ликвидации по Киеву в ночь на двенадцатое число. Эйдельман ночевал Шапира, у Белоусова явилась новая личность еще не установленная, ночующая у Белоусова, но живущая дом шестьдесят пять Благовещенская. От Белоусова выносил большие свертки. Заносив дома девяносто семь и сто один Благовещенская, что расчитываю установить этими днями. Наблюдения последних дней дают много нового.

Генерал Новицкий.

Копия шифрованной депеши, полученной из С. Петербурга 7 марта 1898 года в 7 часов 15 минут вечера.

Необходима одновременная ликвидация всюду. Принимаю ваш срок на двенадцатое марта. Далее откладывать нельзя.

Директор Зволянский.

Депеша марта 1898 года в 4 часа дня.

ОДЕССА, ЖАНДАРМСКОМУ ПОЛКОВНИКУ БЕССОНОВУ.

Ликвидирую ночь на двенадцатое.

Генерал Новицкий.

Депеша марта 1898 года в 4 часа дня.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, ЖАНДАРМСКОМУ
ГЕНЕРАЛУ БОГИНСКОМУ.

Ликвидирую ночь на двенадцатое.

Генерал Новицкий.

ТЕЛЕГРАММА 9 МАРТА 1898 ГОДА В 4 ч. ДНЯ.

ПЕТЕРБУРГ, ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ.

Ночью на восьмое прибыл Киев, имевший второго марта свидание Минске за городом Тучапским, помощник присяжного поверенного Казимир Адамов Петрусевич, которого встретил вокзале Петр Полонский. Спрашивали о багаже, не получили. Поехали вместе, Тимофеевская четыре, имея два чемодана, один тяжелый. Восьмого утром Полонский тяжелый чемодан отвез Нестеровская двадцать четыре. Петрусевич вечером восьмого под наблюдением выехал Екатеринослав. Чемоданы доставлены на вокзал двумя студентами. Тяжелый оказался легким. С Тимофеевской четыре привезен еще новый тяжелый чемодан.

Восьмого вечером мой агент доставил десять новых прокламаций, врученных ему Теслером. Сегодня будут полтораста распространены. В среду вечером предполагается квартире Маевского сходка рабочих. Об аресте Петрусевича в день ликвидации телеграфирую Екатеринослав.

Генерал Новицкий.

Депеша 9 марта 1898 года в 4 часа дня.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, ЖАНДАРМСКОМУ
ГЕНЕРАЛУ БОГИНСКОМУ.

Восьмого вечером выехал Екатеринослав с филерами помощник присяжного поверенного Казимир Адамов Петрусевич, которого ночь на двенадцатое обыскать, арестовать, доставить Киев.

Генерал Новицкий.

Депеша 9 марта в 4 часа дня.

ПЕТЕРБУРГ, ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ.

Эйдельман Екатеринославе, куда телеграфирую.

Генерал Новицкий.

Депеша 9 марта в 4 часа дня.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, ЖАНДАРМСКОМУ ГЕНЕРАЛУ БОГИНСКОМУ.

Иось Лейбов Эйдельман находится Екатеринославе с филерами, которого ночь на двенадцатое обыскать, арестовать, доставить Киев.

Генерал Новицкий.

Копия шифрованной депеши, полученной 9 марта 1898 года в 8 часов 35 минут вечера.

Наблюдение Екатеринославе вызывает необходимость ликвидации десятого, если не успеете завтра, ликвидируйте обязательно одинадцатого.

Директор Зволянский.

Депеша 9 марта в 11 часов вечера.

ПЕТЕРБУРГ, ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

При всем желании к десятому не справлюсь. Одинадцатого ночью обязательно ликвидирую.

Генерал Новицкий.

Депеша 10 марта 1898 года в 3 часа дня.

МИНСК, Н-КУ ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

В Минске проживал, быть может ныне находится, помощник присяжного поверенного Казимир Адамов Петрусевич, которого ночь на двенадцатое марта, согласно положения охраны, обыскать, арестовать, доставить в Киев. Если выехал, направьте мое требование, но обыск квартиры Минске обязательно произведите.

Генерал Новицкий.

ТЕЛЕГРАММА, КИЕВ ИЗ МИНСКА.

Вигдорчика Минске не оказывается.

Полковник Крестинский.

Депеша 11 марта 1898 года 8 часов утра.

ПЕТЕРБУРГ, ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Все подготовительные местные загородные распоряжения сделал. Ликвидирую сегодня в два часа ночи. Позволяю напомнить Крыжановской.

Генерал Новицкий.

ТЕЛЕГРАММА. КИЕВ ИЗ ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

11 марта 1898 года

Сегодня вечером поездом отправлены на Харьков Петрусевич и Эйдельман. Ваше распоряжение при пакете № 661.

Генерал Богинский.

Депеша 12 марта 1898 года в 4 часа пополудни.

ПЕТЕРБУРГ. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

По ликвидации мною было вызвано обысков и арестов по Киеву сто, иногородних четырнадцать. В Киеве временно задержано восемьдесят девять мужчин, шестнадцать женщин до рассмотрения доказательств. Результаты иногородних обысков еще неизвестны. Наглядные результаты обысков по Киеву: Теслер, кроме нелегальщины, дал мимиограф с оттиском газеты «Вперед» номер четвертый, у многих из остальных нелегальная литература, переписка, у Огаркова рабочая библиотека разрешенных двести книг, Яцемирская, Водовозова, Василенко пытались сжечь нелегальщину, первые были удержаны последний сжег экземпляры газеты «Вперед» номер четвертый. (Черноморская находится Петербурге, квартире ее взяты нелегальщина, гектограф, ремингтон).

По пеплу текст восстановится. В квартире жены инженера Путей сообщения Елизаветы Антоновны Черноморской, Тимофеевская четыре, выехавшей седьмого Петербург, взяты гектограф, ремингтон (три сундука), чемодан, корзина, в которых по вскрытию оказалось громадное число нелегальщины: книг, брошюр, прокламаций, вышедших последние годы, металлическая печать. «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса», мастичные подушки к печати. Испрашиваю распоряжения Вашего обыске безусловном аресте Черноморской. Плетата много нелегальщины, Белая Церковь, Бровары—безрезультатны. Кроме того, подполковник Преферанский одиннадцатого восемь вечера взял сходку рабочих Степановская квартире Маевского, Трубного из двадцати шести рабочих, из коих только что прибыли Киев портные: Беленький из Могилева, Мильштейн из Ковно. Сходка под руководством Теслера. Все задержаны. Приступаю формальному производству.

Генерал Новицкий.

ДИРЕКТОР
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Секретно.

Милостивый Государь,
Василий Дементьевич,

Господин Министр Внутренних Дел по докладе ему об усиленной деятельности и особых трудах при осуществлении наблюдения по делу о тайных рабочих организациях на Юге России, увенчавшегося ныне

выдающимися результатами, изволил поручить мне выразить благодарность Его Высокопревосходительства Вашему Превосходительству, Помощнику Вашему, Подполковнику Преферанскому и прочим чинам вверенного Вам управления.

О вышеизложенном приятным долгом поставляю себе в обязанность сообщить Вам, Милостивый Государь, покорнейше прося принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Его Превосходительству
В. Д. НОВИЦКОМУ (Подпись)
№ 2526.
«18» Марта 1898 г.

Получено 23 марта 1898 г.

ОТ г. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА.

В ночь на 12 марта и в след. дни арестовано в Киеве и в провинции свыше 150 человек. К. С. С. не может не выразить своего негодования по поводу такого возмутительного поступка нашего Правительства, еще раз доказывающего всю наглость свою в поисках за бациллами революции. Употребительный на этот раз прием, отчасти новый для Киева, напоминает распоряжения Азиатских деспотов, по одному лишь подозрению подвергающих наказанию сотни людей. Несколько человек из учащейся молодежи, обыкновенно служащей козлом отпущения и много частных лиц из самых различных слоев общества, вырваны из обычной среды и отданы на произвол жандармов и тюремного начальства, приемы и гуманность которых, особенно по отношению к, так называемым, «политическим», прекрасно иллюстрированы прошлогодней историей о безвременно погибшей Ветровой. Многие семьи лишены своих кормильцев, многие студенты принуждены или отсрочить на неопределенное время свое образование, или даже навсегда будут лишены возможности закончить его и, таким образом, не принесут отечеству той пользы, которую они могли бы принести на почве, избранной ими общественной деятельности. С. С., считая своей обязанностью указать на такой вопиющий факт произвола, еще раз аппелирует к обществу и приглашает его оказать энергичный протест жандармерии, хотя-бы материальной помощью заключенным.

15 марта 1898 г.

Киевский Союзный Совет об'единенных землячеств и организаций.

27 марта 1898 г.
№ 347.

НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРЕСТАНТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

Прошу немедленно освободить из-под ареста рабочего Христофора Заневского и об исполнении сообщить.

Генерал Новицкий.

27 марта 1898 г.
№ 348.

НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Прошу немедленно освободить из-под ареста еврея Аврума Круши студента Бронислава Таллят-Келпша и об исполнении сообщить.

Генерал Новицкий.

27 марта 1898 г.
№ 1162.

ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что обвиняемый по 250, 252 и 38 ст. уложения Борис Эйдельман, допрошенный в качестве обвиняемого 26 с. г. март, дал показание в следующих словах: «никаких показаний давать не желаю».

Несомненно Эйдельман был редактором-издателем «Рабочей Газеты», которая была заарестована и городе Екатеринославе; рукописные и вещественные доказательства—представляют большой интерес, и таковые будут немедленно препровождены Вашему Превосходительству.

Генерал Новицкий.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Киевский Губернатор
По Канцелярии
Часть Секретная
4 апреля—1898 г.
№ 2636.
г. Киев.

Секретно.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Вследствие отношения от 3 апреля за № 1324, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по докладу моему Господином Начальником Края сделано распоряжение о назначении к зданию Киевской тюрьмы конных казачьих раз'ездов с целью пресечения возможности посторонним лицам находиться возле тюрьмы и входить в сношение с политическими арестантами.

И. Д. Губернатора

Вице-Губернатор (Подпись)

Правитель Канцелярии (Подпись)

Киевская рабочая газета „Вперед“

Новый благодетельный закон о продолжительности рабочего дня уже успел проявить свое действие. Нами получены сведения о целом ряде стачек и волнений, которыми рабочие в некоторых местах встретили введение этого закона. Особенно сильные волнения имели место в Московской и Владимирской губ. В Орехово Зуев на знаменитых морозовских фабриках, администрация ввела двусменную работу по 9 часов, нисколько не повысив плату. И без того очень незначительный заработок ткачей и прядильщиков вследствие этого еще более понизился. А так как это уменьшение заработка совпало с вздорожанием хлеба, то рабочие заволновались, требуя повышения платы. Во время волнений было разрушено и подожжено несколько фабричных корпусов. В Иваново-Вознесенске с 23 декабря 10,000 рабочих (по другим сведениям гораздо более) забастовали, выставив следующие требования: 5 праздничных дней в месяц (закон устанавливает для непрерывных работ только 4), точную меру кусков материи, месячный отпуск для работниц на время родов. Стачка продолжается до сих пор. Ивано-Вознесенские рабочие держат себя очень умело. Посланные со всех сторон войска, не смотря на все свое желание, не могли найти повода для столкновения. Ходят слухи только об убийстве одного приказчика, который переодевшись шпионил в толпе.

Волнения происходили также на мануфактурах г. Богородска. Для раз'яснения рабочим благодетельных последствий нового закона, сюда присланны из Москвы казаки.

Через редакцию «Вперед» переданы в «Красный Крест» следующие пожертвования:

От рабочих одного большого механического завода . .	20 р. — к.
От рабочих механического завода	7 р. 20 к.
От И. Р.	1 р. — к.
От рабочих	2 р. 25 к.
	30 р. 65 к.

На издание газеты «Вперед» пожертвовано: М. К. . . . . . 11 руб.

На деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» одновременно пожертвовано . . . . 257 руб.

Издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Отчет о деятельности Киевского „Красного Креста“ за 1896—1897 годы

С развитием русского революционного движения, во многих городах России, главным образом, в центрах революционной борьбы, стали возникать кассы для подачи помощи пострадавшим политическим деятелям. Кассы эти, известные под именем «Красного Креста политических ссыльных и заключенных», основывались преимущественно среди передовых слоев интеллигентного общества и с самого начала своего существования приобрели характер организаций вполне самостоятельных, независящих от тех или других активно-действующих революционных групп.

Своей целью кассы поставили посильную помощь всем, подвергнувшимся за политические преступления каре русского правительства без различия их партий и направлений.

Как известно, политическим заключенным (в особенности находящимся в предварительном заключении) запрещен всякий заработок; исключения из этого крайне редки. Политические ссыльные поставлены в такие же условия. Позволение взять интеллигентную работу—уроки, перевод, писание корреспонденции и журнальных статей,—всецело зависит от усмотрения местных властей, которые, в большинстве случаев, отказывают ссыльным в просьбах; наконец, такую работу не всегда можно и отыскать в тех глухих городишках, селах и деревнях, куда засылают политических. Правительство же на содержание как ссыльных, так и заключенных, отпускает самые незначительные суммы. В тюрьме ежедневно отпускается лишь 4 к., ссыльным выдают от 6—15 руб. ежемесячно. При этом нужно заметить, что за «плохое» поведение они могут быть лишены, в виде наказания, и этой поддержки. Понятно, поэтому, какие бедствия пришлось бы переживать всем пострадавшим, если бы они оставались без всякой помощи. Организацию этой помощи взяло на себя общество. Делая денежные взносы, составляя с этой целью кружки, входя в постоянные сношения с ссыльными и заключенными, оно старается по мере сил облегчить их участь.

В Киеве организация «Красного Креста» основана в начале 80-х гг. С самого начала своей деятельности Киевская касса старалась возможно лучше выполнить свои задачи, но, к сожалению, часто встречала препятствие в сильном недостатке материальных средств. Средства Киевской кассы образуются преимущественно из ежемесячных членских взносов. Взносы эти составляются из сборов, производимых каждым членом кассы

среди своих знакомых. Размер отдельных взносов должен быть во всяком случае не меньше трех рублей. Временами членам кассы удается устраивать различные денежные предприятия, несколько увеличивающие суммы, находящиеся в их распоряжении. Все поступившие деньги делятся между заключенными и ссыльными. В зимние месяцы часть поступающих денег отчисляется в так называемый «Летний фонд», т. к. летом членские взносы не могут быть регулярны. Ежегодные доходы кассы в общем не превышают 1500—2000 руб. Между тем, в последние годы русской жизни замечается повсеместное оживление освободительного движения, и Киев, после 15-ти летнего затишья снова выдвигается, как один из главных центров революционной деятельности. Современное движение, однако, носит совершенно иной характер, чем прежде. В период конца 80-х и начала 90-х гг. произошла коренная ломка русского революционного мировоззрения, сопровождавшаяся радикальным изменением революционных программ. Если 15 лет тому назад революционная деятельность сводилась к образованию тесно сплоченных боевых кружков, состоявших преимущественно из людей интеллигентов,—то основной задачей настоящего времени является организация рабочего класса, создание могучей силы, которая одна лишь в состоянии уничтожить гнет современного социально-политического строя, которая одна является выразительницей всех освободительных стремлений. Карательные меры русского Правительства, тщетно силящегося задержать развитие массового движения, теперь уже падают не только на ряды организованных интеллигентов, и хроника революционной борьбы все более и более начинает заполняться именами представителей рабочего класса. «Красный Крест» считает своей нравственной обязанностью притти на помощь этим новым борцам за свободу, тем более, что положение пострадавших из них в особенности безотрадно. Люди непривиллегированного сословия,—рабочие, лишены даже и тех, правда, незначительных льгот, которыми пользуются интеллигенты. Их семьи не могут оказать никакой поддержки—они сами в лице их теряют своих кормильцев. Единственным источником, откуда они могут ждать помощи,—является организация «Красного Креста». К сожалению, эта помощь может быть оказываема лишь в самых незначительных размерах...

Киевский «Красный Крест», опубликовывая свой отчет за 1896—1897 гг., считает себя вынужденным обратиться к обществу за содействием.

Пусть все, кому дорого дело освобождения, в ком таится хоть искра сочувствия к людям, покупающим часто ценой всей жизни свободу и счастье человечества, откликнутся на его призыв, пусть принесут они посильную лепту для облегчения участи тех, кто, отдавшись великому делу, оторван в настоящее время от жизни, кто заброшен в медвежьи углы, в якутские улусы, кто томится в Шлиссельбурге, чахнет в сырых и темных казематах Петропавловской крепости. Пусть все они придут на помощь политическим ссыльным и заключенным.

ОТЧЕТ ОТ СЕНТЯБРЯ 1896 г. ПО АПРЕЛЬ 1897 г.

Приход		Расход	
Взносы; за октябрь	67 р.	На помощь ссыльным заключенным и семьям рабочих	1295 р.
ноябрь	121 р.		
декабрь	104 р.		
январь	107 р.		
ферваль	78 р.		
март	124 р.		
апрель	76 р.		
От К.	300 р.		
в рабочий фонд	340 р.		
	1317 р.		

ОТЧЕТ ОТ АПРЕЛЯ 1897 г. ПО АВГУСТ—97 г.

Приход		Расход	
Оставалось	22 р.	За апрель	137 р.
От С. С.	200 р.	» май	110 р.
От Х. Х.	50 р.	» июнь	150 р.
От Х.	60 р.	» июль	125 р.
От рабочих	5 р.	» август	42 р.
Частн. пожертвований	73 р.	Спец. расходы	110 р.
На спец. расходы	110 р.		
Занято	273 р.		
	793 р.		674 р.

ОТЧЕТ ЗА СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ 1897 г.

Приход		Расход	
Оставалось	119 р.	За сентябрь	139 р.
Возвращен долг	40 р.	» октябрь	323 р.
Взносы: за сентябрь	74 р.	» ноябрь	137 р.
октябрь	22 р.		
ноябрь	59 р.		
От Т	4 р.		
» В	15 р.		
» В	40 р.		
» К	183 р.		
От жен кружка	25 р.		
» К. Б.	1 р.		
» С.	10 р.		
Занято	8 р.		
	600 р.		599 р.

Касса имеет долг в 98 рублей.

Киев, 6 декабря—97 г.

Из обзора важнейших жандармских дознаний за 1889 год, № 14

При изложении дела о Соловейчике, в 1-й главе сего обзора упомянуто о сношениях его в Киеве с мещанином Григорием Кушнеревым. Адрес этого последнего найден также в Одессе у арестованного Станислава Витковича, а по обыску у Кушнерева оказалась переписка с родными Витковича, свидетельствующая о преступной деятельности студента Киевского Университета Афанасия Горба, который и ранее был известен Киевскому жандармскому управлению с неблагонадежной стороны. По обыску у Горба и сожителя его студента, Антона Флерова, найдены разные революционные заграничные издания, программа для занятий с рабочими, фотографические карточки государственных преступников и др. На допросе названные студенты заявили, что все эти революционные предметы они получили от врача Эмилия Абрамовича, с которым в феврале 1889 г. познакомились в Киеве у бывш. ссыльного Владимира Соколова. По аресте Абрамовича 5 июня в с. Друсениках, Гродненской губернии, на его имя получены: телеграмма из М. Ротомки, от 12 июня, «Опекун спрашивал Фюрста вас», за подписью «Савэ», т.-е. «берегись» и письмо от 10 июня с неразборчивой подписью условного содержания, по поводу киевских арестов, так как кроме названных лиц были подвергнуты задержанию знакомые Абрамовича: типографские рабочие-мещане: Шлема Беркович, Израиль Голомб и Давид Гальперин. У последнего найдена программа, переданная Абрамовичем и тождественная с программой, найденной у Флерова, а у Голомба и Берковича обнаружены революционные издания и преступная переписка. Кроме того, у Берковича отобрано письмо к Абрамовичу из Якутской области от ссыльного Резника, который, между прочим, пишет: «Относительно вашей просьбы есть лица и подходящие и желающие. Этим же лицам я сообщил вашу просьбу, но предварительно им необходимо познакомиться с программой, а потому при конспекте приложите и программу; необходимо прочесть народную литературу последнего времени. Здесь ощущается сильная потребность в народной литературе—если вы пошлете, то сделаете великое и полезное дело. Кроме того, здесь есть потребность в годовых бланках (конечно чистых), в деньгах и подробной характеристике о положении дел в России. Эти вещи прямо тормозили эмиграцию. Лучше было бы для следующих писем установить шифр гамбеттовский и писать солью». Расследованием по г. Киеву выяснено, что врач

Эмилий Абрамович, прибыв в Киев в начале 1889 года, сошелся близко с бывшим ссыльным Владимиром Соколовым, который занимался в это время устройством лотерей и сбором денег в пользу ссыльных и распространял преступные издания. Абрамович занялся в особенности пропагандой среди рабочих, для чего, переодеваясь в платье мастерового, под именем Белина, устраивал сходки, убеждал рабочих учредить библиотеку и делать денежные взносы. В апреле месяце в Киев приехал из Конотопа аптекарский помощник мещанин Гирш Поляк, с письмом на имя Абрамовича, который направил Поляка в квартиру Горба и Флерова, где Поляк взял хранившиеся в кровати Флерова преступные издания и отправился затем к Соколову, где купил несколько лотерейных билетов и обещал собрать в Нежине и Конотопе денежные пожертвования в пользу ссыльных. В тот же день Поляк выехал обратно в г. Конотоп, причем, по дороге в Нежине передал пришедшему на вокзал мещанину Рувиму Воловику часть полученных революционных изданий и поручил Воловику заняться сбором денег в Нежине.

По обыску у Поляка и Воловика найдены преступные брошюры соч. Лаврова. На допросе Поляк об'яснил, что первое соприкосновение его с преступною средою относится к 1887 году, когда он, выдержав экзамен на степень аптекарского помощника, приехал в Минск к своим родителям и познакомился с фармацевтом Антоном Павловским, служившем в местной аптеке. Сойдясь с Павловским ближе, они стали посещать друг друга, и Павловский однажды сообщил ему, что в Минске существует преступный кружок, имеющий в своем распоряжении преступные издания и к кружку этому принадлежит—он, Павловский, фармацевт Хаим Лихтерман и служащий в редакции «Минского Листка» Овсей Беллах. На предложение Павловского вступить в кружок Поляк ответил отказом, выразив, однако, согласие читать у себя дома преступные издания, которые впоследствии ему и передавал Павловский. Лихтермана и Беллаха он неоднократно встречал в квартире Павловского и от первого из них, в апреле 1887 года, получил для чтения номер «Народной Воли». Затем, в мае месяце 1887 г., пред от'ездом Поляка в Нежин на должность аптекарского помощника, Павловский вручил ему для чтения и распространения несколько изданий подпольной прессы, в числе коих были два нумера «Народной Воли» и биографии Перовской и Соловьева.

№ 59

8 января 1890 года

Копия

В Департамент полиции

В дополнение сообщений моих от 29 августа и 29 сентября и 26-го ноября 1889 г. за №№ 2046, 2141, 2381 и 2968 честь имею уведомить Д-т Полиции что, оконченным производством и, при отношении от 30 декабря 1889 г. за № 3263, переданным Прокурору Харьковской Судебной Палаты, формальным дознанием о социально-революционной группе Харьковских рабочих вполне установлено следующее:

Еще в 1885 году Харьковские рабочие: Василий Соколов, Иван Веденьев, Андрей Кондратенко, Яков Рябоконев, Соломон Бронштейн, Семен Чайченко и Яков Алексеев образовали из себя тайный кружок с целью «самообразования», для чего ими были основаны общая касса и библиотека, которыми заведывал Рябоконев, а прочими делами кружка—Веденьев, Кондратенко, и Бронштейн. В состав библиотеки, между прочим, входили книги, из'ятые из обращения и запрещенные в 1887 г. Между членами кружка из-за пользования книгами библиотеки возникли несогласия, дошедшие было до того, что некоторые из членов кружка готовы были отделиться и образовать из себя самостоятельный кружок под названием «Новое Южное Братство». Примирителем рабочих явился лекарь Дмитрий Бекарюков. Пользуясь своим влиянием на рабочих, он не только примирил и сплотил их, но и дал социально-революционное направление их деятельности. По указанию Бекарюкова была изменена форма организации кружка; в течение нескольких месяцев он приходил в квартиру рабочего Рябоконева, где к его приходу собирались вышепоименованные рабочие, и он читал им разные социально-экономического характера сочинения, комментируя прочитанное в социально-революционном духе и порицая существующий государственный и общественный строй. Возникавшие в кружке рабочих вопросы стали решаться на сходках. У рабочих явилась потребность в более точном определении цели и деятельности кружка. Соколов и Веденьев отправляются в Белгород, где, при посредстве своего товарища, Степана Ткаченко, знакомятся с Сергеем Валецким и просят последнего составить социально-революционную программу для кружка харьковских рабочих. В мае 1887 г. Валецкий вместе с Ткаченко приехали в Харьков; на сходке рабочих в бюро он прочитал им написанную

им, Валецким, по просьбе Соколова и Веденьева программу, но рабочие ее не приняли, так как имели уже другую, более краткую программу, которая, видимо, уже была принята ими к руководству. Согласно этой программы, деятельность группы рабочих главным образом должна быть направлена на саморазвитие в социально-революционном духе и на пропаганду социально-революционных идей между рабочими и народом с той целью, чтобы мало-по-малу подготовить рабочих, а через них и весь народ к восстанию против правительства и верховной власти и, таким образом, ниспровергнуть существующий государственный строй. Последующая деятельность группы соответствует такому направлению. Кружок рабочих стал пополняться новыми членами: к нему примкнули Михаил Конотопов, Григорий Лукьянов и Ювеналий Мельников, а еще ранее их вышеупомянутый Степан Ткаченко. С 1888 г., не ограничиваясь деятельностью в г. Харькове, группа рабочих старается завязать сношения с рабочими кружками, находящимися в других городах и организовать рабочие кружки, там, где их ранее не было. Лукьянов и Ткаченко отправились в г. Александровск, Екатеринославской губ., и поступили на службу в железно-дорожные мастерские, куда к ним через некоторое время ездил из Харькова Кондратенко, чтобы подучить их, скорее организовать кружок рабочих в Александровске. По возвращении Кондратенко в Харьков, Лукьянову и Ткаченко группой харьковских рабочих были отправлены книги, необходимые для ведения пропаганды. Тот же Кондратенко вместе с Веденьевым и Чайченко на пасху 1889 г. ездили в г. Ростов на Дону, с целью завязать сношения с Ростовским кружком рабочих, потерпев в этом неудачу, вследствие того, что не имели надлежащих рекомендаций, но они не отказались от этого своего предприятия и через некоторое время отправили в Ростов одного из более деятельных членов группы—Ювеналия Мельникова, который вскоре по прибытии в Ростов сошелся с Ростовскими рабочими и начал пропагандировать между ними. О своей деятельности в Ростове Мельников письменно извещал членов Харьковской группы рабочих и получал от них соответствующие указания. В то же время Лукьянов, а затем Ткаченко, которым, как выше упомянуто, были высланы книги необходимые для ведения пропаганды. Переезжали из одного города в другой на юге России. Со второй половины 1888 г., когда Дмитрий Бекарюков, в силу неблагоприятных для него полицейских условий, должен был прекратить на некоторое время свои занятия с рабочими, его место заступил студент Харьковского Университета, Владимир Перазичь. Еще ранее при Бекарюкове по рукам рабочих ходил социально-революционного характера листок под заглавием «Голь на выдумки хитра», редактируемый Бекарюковым (копия с № 7 означенного листка представлена в Д-т Полиции при отношении от 27 апреля 1888 г. № 1152) Владимир же Перазичь стал снабжать группу рабочих нелегальной литературой, он читал рабочим в квартире Кондратенко разные социально-политического содержания книги, принимал деятельное участие в их сходках, и, беседуя с рабочими, старался поддерживать и развить в них недовольство существующим государственным и социальным порядком; не ограничиваясь этим, Перазичь гектографировал для распространения

такие сочинения, как «Письма из Якутска» о вооруженном сопротивлении политических ссыльных властям, «В защиту правды»—Либкнехта и «Заявления государственных ссыльных Балаганского округа». У члена группы Якова Алексеева находилась на сохранении нелегальная литература, при чем часть нелегальных изданий была получена им от государственного преступника Ивана Мейснера. Члены группы, обсуждая на сходках ту часть своей программы, где говорится о терроре, хотя и склонялись отказаться от него (за исключением Кондратенко и Алексеева, стоявших всегда за террор) но в то же время они не только ставили себе в обязанность оказывать материальнную помощь всем политическим ссыльным и давать у себя убежище беглым государственным преступникам, но и придавали этой деятельности большое значение. В приходо-расходной книжке кассира Рябоконева выписаны в расход суммы «в п. сс.», у Веденьева оказалась заметка, в которой значится: «Менделю—100, Мейснеру—101 + 98 = 299», тем же Веденьевым был приведен на ночлег к бывшему члену группы Михаилу Курелюку бежавший из Сибири политический ссыльный Александр Лебедев. Вопросы об укрывательстве беглых государственных преступников считались группою «экстренными» и могли быть разрешаемы одним членом, тогда как другие вопросы решались не менее как 5-ю членами группы. В июне 1889 г., под предлогом примирения со своим отцом, проживающим в г. Полтаве, приехала из Сибири в Харьков бывшая политическая ссыльная Вера Денишь, урожд. Диатолович, имеющая обширные связи и сношения с политическими ссыльными, проживающими в Сибири, и разными неблагонадежными в политическом отношении лицами. Из писем Валецкого ей было известно о существовании в Харькове социально-революционной группы рабочих, которая, по его мнению, очень успешно могла выполнить свою задачу—«сообщить и оформить современное социально-революционное движение». Вместо того, чтобы ехать к своему отцу в Полтаву, Денишь около двух месяцев жила без средств и определенных занятий в Харькове, просила Валецкого приехать к ней в Харьков и ожидала возвращения Бекарюкова, как это удостоверяет свидетельница Кишинева и, наконец, из Харькова писала политическому ссыльному Берману, прося у него совета, как ей поступить и об'ясняя что «Харьков есть конечная цель путешествия». Отобранные у Денишь письма безусловно свидетельствуют о принадлежности ее к социально-революционному сообществу (выдержки из писем, отобранных у Денишь, помещены в сообщении моем Д-ту Полиции от 29 августа за № 2046).

Все вышеизложенные данные, являясь вполне достаточными для обвинения Дмитрия Бекарюкова, Владимира Перазича, Сергея Валецкого, Василия Соколова, Ивана Веденьева, Андрея Кондратенко, Якова Рябоконева, Семена Чайченко, Соломона Бронштейна, Якова Алексеева, Ювеналия Мельникова, Григория Лукьянова, Степана Ткаченко, Михаила Конотопова и Веры Денишь в преступлении, предусмотренном 250 ст. Ул. о Нак. и в тоже время свидетельствуют о той быстроте и успешности преступной деятельности группы рабочих, какую она проявила, находясь под руководством такого опытного революционного деятеля, каким по отношению ее является Дмитрий Бекарюков.

Данные, добытые дознанием по отношению обвиняемых Ивана Теличенко, Анны Мельниковой, Надежды Остапенко и Федора Денишь, являются недостаточными для обвинения их по 250 ст. Ул. о Нак. и свидетельствуют только о безусловной политической неблагонадежности этих лиц.

Прокурор Харьковской Судебной Палаты, которому передано оконченное производством по настоящему делу дознание, повидимому считает это дело незаслуживающим серьезного внимания: еще при производстве дознания им предложено было освободить из под стражи организатора и руководителя кружка рабочих, Бекарюкова (мотивы его предложения изложены в собщении моем от 26 ноября за № 2968), в настоящее время отношением от 4 января за № 7, он предложил освободить из под стражи Веру Денишь с тем, чтобы она была отдана под особый надзор полиции «в месте, которое ею будет избрано для жительства», мотивируя свое предложение тем, что «дознанием по отношению к Денишь не установлено какой либо связи с кружком рабочих» и что в дознании не имеется указаний на какую либо преступную ея, Денишь, деятельность, а что письма, найденные у нея при обыске, относятся «к прежнему времени, предшествовавшему ея административной ссылке».

Считая излишним вступать по этому поводу в какие бы то ни было пререкания с Прокурором Палаты и, сделав распоряжение о приведении в исполнение его предложение, я считаю долгом сообщить Д-ту Полиции, что отсутствие в дознании точных указаний на связь Веры Денишь с группой рабочих об'ясняется тем, что она не успела еще войти в личные сношения с членами этой группы, но вышеприведенные по отношению ея данные несомненно свидетельствуют, что она стремилась к этому. Зная из писем Велецкого о существовании Харьковской группы рабочих, она с нетерпением ожидала приезда в Харьков организатора группы—Бекарюкова. Что касается отобранных у Денишь писем, свидетельствующих о ея принадлежности к социально-революционному сообществу, то имеющиеся на них пометки, а также показания Велецкого и самой Денишь удостоверяют, что они относятся ко времени нахождения Веры Денишь в административной ссылке к 1886, 1887 и 1888 г.г., а не к предшествовавшему времени, как показывает Прокурор Палаты в своем предложении за № 7. Да кроме того, отобранные у нея письма, относящиеся ко 2-й половине 1888 и первой 1889 г.г., носят тот же характер, что и письма предшествовавших годов.

Приложение: копия предложения Прокурора Суд. Пал. от 4 января 1890 г. № 7.

Верно: Ротмистр (подпись).

О кружке Бекарюкова

№ 1036.
Апрель 1888 г.
г. Харьков.

Копия.
Секретно.

Его Превосходительству П. Н. ДУРНОВО.

Ваше Превосходительство,
Петр Николаевич!

В дополнение писем моих Вашему Превосходительству от 30 сентября 1887 г. за № 3765 и 1-го сего апреля за № 952, считаю долгом сообщить Вам, что, по полученным за последнее время агентурным сведениям, Харьковский кружок рабочих, под руководством врача Дмитрия Бекарюкова, принимает более определенное направление и задается более серьезными целями, чем это было в прошедшем году.

В предшествовавшие годы, как и значится в письме моем за № 3765, кружок рабочих, не имея определенной программы, представлял собою не более, как пробное поле для приложения активной деятельности членов интеллигентного кружка. Такое положение не удовлетворяло некоторых из более развитых рабочих, вследствие чего в половине прошедшего года, между рабочими произошел разлад, часть их отделилась и во главе с рабочими Соколовым и Бруннштейном, составила сомостоятельный кружок, под названием «Новое Южное Братство», а остальные по прежнему предоставили себя в распоряжение интеллигентов. Но это разделение произвело неприятное впечатление в интеллигентном кружке и со стороны последнего предприняты были все меры к примирению рабочих. Примирение состоялось в январе месяце настоящего года.

По принятому решению высшее руководительство и направление деятельности рабочих сохранено за интеллигентным кружком; среди рабочих образовался «центральный кружок», в котором по выбору самих рабочих, вошло семь человек: Рябоконь, Кондратенко, Веденьев, Соколов, Брунштейн, Чайченко и Решетникова (женщина). Каждому из членов «центра» вменено в обязанность вести пропаганду между рабочими и таким образом формировать отдельные кружки, при чем о своей деятельности каждый из них обязывается отдавать отчет «центру».

На «центр» возложена обязанность оказывать полное содействие интеллигентному кружку как средствами, так и личным участием. Для выполнения первой из этих обязанностей в «центре» учреждена касса, в которую поступают ежемесячные 3% взносы из заработков рабочих.

Альб. Истпарта, лист 10.

ВРАЧ Д. Д. БЕКАРЮКОВ.
Харьк. Социал-Революц. круж. рабочих 1888—1889 гг.

Из этой же кассы выдаются вспомоществования политическим ссыльным (при отправке в марте месяце с/г на Сахалин Мейснеру и Хроновскому было выдано из кассы 101 руб. с копейками) и более нуждающимся рабочим.

Поручения интеллигентного кружка как то: предоставление квартир нелегальным, командировки для выполнения целей кружка и т. п., а также более серьезные предприятия в рабочем кружке,—выполняются по решению «комиссии», состоящей из двух по выбору членов «рабочего центра» и представителя интеллигентного кружка.

За последнее время как интеллигентный, так и рабочий кружки озабочены устройством типографии. Будто бы типографская машина, изготовленная по частям в разных городах, хранится в какой то деревне вблизи от Харькова, а шрифт, в количестве 2 п. 10 ф.,—в гор. Сумах. Эту свою цель кружки будто бы надеются осуществить в течение настоящего лета.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Под. подп. Нач-к Управления Подполковник Вельбицкий.

Верно Ротмистр (подпись).

Верно:

ОТДЕЛ III

ХРОНИКА БЮРО ИСТПАРТА

Вокруг Истпарта

За 3 месяца—январь, февраль, март—работа Истпарта продолжала идти по трем направлениям: по изданию «Летописи Революции», по выставке Истпарта и по установлению связей с Губбюро Истпарта. За этот период времени дела Истпарта не только не улучшились, но в некоторых отношениях еще пошли хуже прежнего периода. Всех работников по Истпарту 5 человек. Если принять во внимание, что один из работников болен, то окажется, что на огромную выставку, на редакцию журнала и на урегулирование связей с губ. Истпартами 4 человека. Естественно, что обслужить Центральный Истпарт таким штатом сотрудников нет никакой возможности. Тем не менее по отделам работа значительно оживилась. По «Летописи Революции». Третий номер журнала предполагали приспособить к 25-ти летнему юбилею Партии. Работа оказалась очень сложной и слишком срочной. Нужно было наполнить книжку свежим материалом, статьями или воспоминаниями деятелей периода 90-х гг. Если Истпарт Р. К. П. имеет в своем распоряжении огромнейший район с многочисленными крупными центрами рабочего движения, то на Украине таких пунктов 5—6. Старых революционных деятелей не так уже много. Материал поступал очень медленно и не охватывал всех пунктов Украины. Страсть к провинциальному крохоборству велика. Каждый город хочет щегольнуть «своим собственным» изданием и во Всеукраинский Истпарт материалов не шлет. Материальной зависимости мест от центра не существует, а по партийной линии до сих пор она не установлена. Материалы в сыром и обработанном виде держатся на местах с целью в неопределенном будущем издать в отдельном сборнике. При таком отсутствии притока материалов с мест, Всеукраинскому Истпарту угрожает опасность выродиться в Харьковский Истпарт и, таким образом, стать единственным отделом в Секретариате Ц. К. К. П. У., который не об'единен во Всеукр. масштабе. Как бы там ни было создать юбилейный выпуск «Летописи Революции» не удалось, так как материал поступил с большим опозданием и разного качества. Вообще же материал поступает за последнее время в довольно большом количестве. Пробудившийся интерес к Истпарту, появляющиеся спорадически статьи в Центр. Органе Ц. К., своевременная и нормальная оплата статей вызвали приток материала. Поступивший материал за старые периоды революционного движения будет постепенно из книжки в книжку растворяться в общем материале.

В редакции «Летописи Революции» работает только 1 редактор и никого больше. При обилии поступления материала, при необходимости самолично обходить тех товарищей, которые, по сведениям Истпарта, могут дать свои воспоминания, при отсутствии даже своей машинистки в редакции трудно, невозможно сделать выход журнала более регулярным. До сих пор Ц. К. и никакое другое учреждение не отпустило на «Летопись Революции» ни одного гроша. Редакция живет чуть-ли не «святым духом», Все же мы надеемся, что «Летопись Революции» теперь будет выходить чаще, регулярнее и содержательнее.

Теперь о выставке.

Выставка материалов, иллюстрирующих историю развития коммунистической партии и Октябрьской революции устроена была Истпартом в спешном порядке к пятилетней годовщине Октябрьской революции. Новизна работы, недостаток времени, средств и, главное, материалов, делали невозможным достигнуть полноты картины. Выставка имела много дефектов. Истпарт это совершенно отчетливо сознавал и тем не менее не отложил ее открытие потому, во первых, что пополнение материалами выставки должно носить длительный характер, во вторых, она все же представляла большую ценность и, наконец, потому, что посещение выставки должно было вызвать коллективное суждение, и участие посетителей в дальнейшем развитии выставки было превалирующим, говорящим за то, чтобы открытие не задерживать и она была открыта.

За два месяца функционирования выставки ее посетили 2.200 человек. В тетраде для посетителей занесен целый ряд заметок, из которых необходимо сделать надлежащие выводы.

«Желательно, чтобы подобные экскурсии,—пишет рабочий паровозостроительного завода, посетивший выставку с экскурсией,—устраивались чаще, так как в один раз всего не рассмотришь и не прочтешь, к тому же после работы это очень утомительно».

... «В общем нужно сказать, что Истпарт является ценнейшим хранилищем памятников борьбы рабочего класса»—пишет другой.

«... считаю, что имеющийся в Истпарте материал разработан удачно; нужно поставить в порядок дня плановые экскурсии рабочих, членов КПУ, красноармейцев под руководством представителей Истпарта».

А вот другого порядка заметки.

«Как отрадно видеть тех, кто первым начал открывать завесу темноты, вести к свету, к свободе. Пусть их память живет в наших сердцах и пусть горит зажженное ими пламя революции во всем мире».

... «Мы, молодежь, клянемся докончить начатое с вами великое дело освобождения пролетариата всего мира. Да здравствуют старые вожди пролетариата».

... «Рассматривая историю партии, я узнал, что боролись люди за освобождение, не жалея своей жизни, которая так хороша. Даю честное слово, что буду верно служить революции и буду помогать понять каждому рабочему, что значит революция и что она дает пролетариату»,—пишет курсант школы червонных старшин.

«... после этого рассмотрения я буду стараться пояснить каждому незнающему товарищу, вложить ему свои знания, которые я почерпнул в Истпарте».

«Смотрю на погибших товарищей и юношеское движение и делается грустно с одной стороны, что так много погибло товарищей, с другой стороны—поднимается дух и становится ясно развитие коммунизма, что недаром погибли люди. Силы, которые были положены на борьбу, не пропали бесследно, пролитую кровь мы всосали в себя и поднятое знамя мы понесем далеко, далеко. Мы, молодые рабочие, клянемся нести это знамя по всему миру».

«Имеющиеся материалы слабо систематизированы, почему затрудняется ознакомление»,—пишут делегаты с‘езда от Шахтинского уезда.

«Для всестороннего освещения революционного движения на Украине необходима работа не только центра, но прежде всего мест»,—замечает представитель Одессы.

«... следует Истпарту во что бы то ни стало собрать весь материал со всех губерний, дабы вспомнить всю историю партии на Украине, ибо таковая недостаточно освещена, как напр., Киев, который всегда являлся ареной действий»,—пишет группа делегатов.

Какие же выводы нужно сделать из перечисленных заметок? Прежде всего, общее впечатление многих посетителей сводится к тому, что выставка не совершенна и требует переработки. Как бы развивая далее эту мысль, другая группа посетителей замечает, что одними усилиями центра без участия и помощи мест многого не достигнешь.

Между тем, наши места меньше всего этим озабочены. С этой стороны совершенно нельзя оправдать стремления Харьковского бюро устраивать отдельно выставку. Но упрек этот должен быть отнесен не только к губернским органам, а также к отдельным членам партии, которые имеют много ценного материала и не хотят его сдавать в Истпарт. Они продолжают сохранять у себя маленькие музеи революции для собственной услады, мало заботясь о том, что массы лишены этих материалов...

Необходимо, чтобы выставке было уделено значительно больше внимания, чем это было до сих пор.

Истпарт сейчас в связи с приготовлениями к партконференции приступил к переустройству и пополнению выставки и он должен теперь же получить всемерную помощь в этой работе.

Связь с губернским бюро и их инструктированием продолжает оставаться крайне слабой. В Истпарте имеется сейчас проект плана усиления связи с местами и притока материалов. Осуществление этого плана связано с теми материальными рессурсами, какими будет обладать Истпарт в ближайшее время.

ОТДЕЛ IV

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография

Первый с'езд Р. С. Д. Р. П. Сборник статей и материалов под редакцией В. А. Алгасова. Госуд. Изд. Украины 1923.

Истпарт теперь «в моде». К истории революционного движения наблюдается необычный интерес. По всей Советской федерации выходят десятки журналов Истпарта, не считая «Красного Архива», «Былое», «Каторга и ссылка» и др. На рынок выбрасываются десятки книг и брошюр различных воспоминаний, нередко сомнительной правдивости и невысокого достоинства, а читающая публика жадно все это проглатывает. Старые статьи и издания возобновляются и появляются в свет на встречу проявляемому публикой повышенному интересу к прошлому партии и революции. Из уже изданных материалов комбинируются сборники статей, охватывающих какой-нибудь исторический период и издаются отдельно. Идея комбинированных сборников-счастливая идея. Она дает возможность читателю без затраты энергии и времени ознакомиться с значительным материалом по тому или иному вопросу, она фиксирует внимание читателя на каком-нибудь определенном моменте. Таков сборник, вышедший под редакцией т. Алгасова. Первый с'езд партии это тот исторический момент, который до самого последнего времени оставался совершенно неосвещенным для широкой читающей массы. О нем знали по Батурину и Мартову, что он состоялся в Минске в 1898 году. В связи с недавно отпразднованным 25-тилетним юбилеем партии, стало необходимым направить прожектор в сторону этого наиболее темного угла в истории социал-демократического движения. Сборник достигает этой цели постольку, поскольку он собрал все более или менее значительное, что где-либо появлялось в нашей литературе о I-м с'езде. Центральное место в сборнике занимают две статьи участника и председателя I-го с'езда Б. Эйдельмана. Обе статьи перепечатаны из «Пролетарской Революции» № 1. Одна из них представляет собой собственную статью о I-м с'езде, вторая опровергает допущенные Акимовым-Махновцем ошибки в статье о первом с'езде. Статья этого последнего, тоже помещенная в сборнике, представляет собой большой интерес, несмотря на бесчисленное количество ошибок чисто фактических, не говоря уже о «теоретических». Статья Акимова-Махновца, одного из трех лидеров—Мартынов, Акимов, Кричевский—экономизма, имеет огромный исторический интерес, главным образом, потому, что его точка зрения разделялась довольно большим числом тогдашних рабочих организаций, не

согласившихся участвовать в с'езде. В статье Крамера—представителя Бунда на I-м с'езде Р. С.-Д. Р. П.—лишь в конце говорится о с'езде, но вся статья читается с огромным интересом. Далее идут воспоминания Горева и участника с'езда Тучанского. Все статьи, хотя и были напечатаны в разное время в разных местах, но в собранном виде они перечитываются с некоторым священным трепетом и затаенным дыханием.

Теперь о редакционной работе тов. Алгасова. Кроме статьи от редакции, знакомящей читателя с источниками, откуда почерпнут весь материал сборника, есть еще вводная статья т. Алгасова «От группы «Освобождения Труда» к I-му с'езду Р. С.-Д. Р. П.». Статья необходимая, знакомящая попутно со всей литературой вопроса. Есть в ней и промахи. Из статьи т. Алгасова выносишь такое впечатление, будто экономизм принципиально был сторонником разрозненности борьбы рабочего класса на экономической почве и противником централизации. «Расцвет «экономизма»—пишет Алгасов,—который вытекал (?) из временной формы тогдашнего рабочего движения, не дал возможности в течение нескольких лет создаться об'единению организации и центру их».

Дальше тов. Алгасов бросает такую фразу: «Экономизм приходит в упадок, видоизменяется в «Рабочем Деле» (1899—1902), органе пропитанного экономизмом «Союза Русских с.-д. за границей», а затем окончательно исчезает». Как это экономизм видоизменяется в органе пропитанного экономизмом «Союза Русских с.-д.»? Совершенно неправильно утверждение т. Алгасова, будто экономизм «затем окончательно исчезает». Экономизм видоизменился и в форме новоискровского меньшевизма—Мартынов вместе с Мартовым и Потресовым—вел долголетнюю борьбу против революционной социал-демократии, против «искризма», против Ленина и большевиков.

К числу технических недостатков сборника нужно отнести то обстоятельство, что при статье Акимова нет никакого редакционного предупреждения читателя на счет его уклонов, но зато на стр. 90 услужливо дается—и при том без всякой надобности—выноска, предупреждающая читателя, что «книжкою Лядова (История Р. С.-Д. Р. П.) приходится пользоваться с величайшею осторожностью и т. д.». Это то к большевистской «Истории» нужно подходить осторожно? Есть в сборнике и опечатки, вызывающие недоумение, как, напр., на 184 стр. в «Примечании Владимирского» отмечен «1906» год, должно быть вместо «1896» г. Есть и другие.

Но все это мелочи. Книжка необходимая, своевременная, прекрасно издана. При отсутствии большого количества материалов о I-м С'езде сборник несомненно вызовет большой спрос.

М. РАВИЧ.

М. Майоров. Из истории революционной борьбы на Украине 1914—1919 г. Державне Видавництво. Киев 1922 г.

Книжка Майорова заполняет давно ощущаемый пробел в истории революции на Украине. Нигде в России революция не была так сложна,

нигде она не сопровождалась такой жестокой гражданской войной, нигде не было такой калейдоскопической смены властей, как на Украине вообще и в частности и в особенности на Правобережьи.

Автор этой книжки, Майоров, сам принимал активное участие как в подготовке революции в Киевщине, так по ее совершении—в ее дальнейшем развитии и углублении. Как участник всех киевских событий до и во время революции, Майоров описывает нам «sine ira et studio» все то, что происходило у него на глазах, все то, чему он лично был свидетелем и участником. Вот почему эта книжка имеет живой интерес, несмотря даже на то, что автор, очевидно, далек от звания литератора—профессионала. Нужно отметить в книжке отдельные места, которые на наш взгляд являются особенно ценными. Это партийно-коммунистическая работа в Киеве за период от 14—17 года. Нужно сказать, что не только на Украине, но и во всей федерации революционная работа и партийная за период войны нигде почти не освещалась. Нет ни одного труда по вопросу о том, как протекала партийная работа на местах, как в рабочих центрах, в подполье, и этот вопрос по отношению к Киеву тов. Майоров до известной степени разрешает. Мы имеем хотя и не детально-разработанную, несколько поверхностную, но все же картину борьбы в Киеве между большевиками и меньшевиками, между интернационалистами и оборонцами как в профессиональных союзах, так и в военно-промышленных комитетах. Освещение этого периода самое ценное в книге Майорова.

Другие периоды, как например, Всеукраинское совещание коммунистов в Киеве в 1918 г., собравшихся в количестве шестидесяти человек, только как фракция, созванного меньшевиками всеукраинского с'езда профессиональных союзов, имеет очень большое значение в историческом смысле, как лишнее доказательство того, что киевская часть коммунистической партии всегда и во всякое время играла роль собирательницы коммунистической партии Украины. То обстоятельство, что на этом совещании отразились все настроения, охватившие участников незадолго до того состоявшегося Таганрогского совещания, свидетельствует о стихийно-правильной линии, которая подсказывалась в то время коммунистам Украины всем ходом событий.

Очень немного на Украине было до последнего времени отдельных книжек, посвященных революции на Украине. Сейчас этот пробел начинает понемногу заполняться. Революция на Украине, развиваясь, оглядывается назад, критикует себя, изучает свое прошлое для того, чтобы более уверенными шагами итти к будущему. Среди этих книг хронологически одно из первых мест занимает книжка Майорова, сейчас вышедшая уже вторым изданием.

М. КИСИН.

